ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ N 1 (121)

МОСКВА 2019

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2019. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев; д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг; член-корр. НАУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач; д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия); академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула); д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев; д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора; д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов, Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына, О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год
Адрес редакции: *119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел.* (*495*)*939-4183, факс* (*495*)*939-3496, e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>*
skype: <philosophy_of_economy>, сайт: ***http://www.philh.ru***
http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/, http://www.css.msu.ru
Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Тираж 1000 экз. Заказ №
Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»
тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118 **© «Философия хозяйства», 2019**

Содержание

Двадцать первый *(Главный редактор)*.....7

Часть I. Философия хозяйства
Ю.М. Осипов
Вибрирующие горизонты России.....11
В.М. Кульков
Российская необходимость: от маневрирования —
к стратегии прорыва 22
Т.И. Коптелова
Технология создания кумира (медиахаризма в парадигме
органической философии).....27
С.В. Шачин
Опыт философского обоснования стратегии освоения
Космоса как синергии форм разума 34

Часть II. Экономическая теория
В.П. Кожевников
Источники модернизации-неоиндустриализации России.....51
А.И. Селиванов, В.Г. Старовойтов, Д.В. Трошин
Социальные аспекты факторного моделирования
в управлении экономической безопасностью
(на примере сферы «Качество жизни»).....64
Е.В. Трифонов
Экономический закон демократизации отношений
собственности.....81

Часть III. Актуальная философия
В.А. Кутырёв 95
Левый консерватизм как философия сопротивления
техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц
и конец классической марксистской философии —
по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса).....95
П.В. Ополев
Усложнение и упрощение в социокультурной
динамике: опыт философского осмысления.....110
И.С. Карамышев
Математика как европейский феномен.....129
А.А. Ильин
Эволюция или революция. Политико-философская
стратегия реформирования государства
с позиции П.И. Новгородцева и И.А. Ильина 140
В.В. Атаян
Стратегии исследования социологии и онтологии ценностей.....148
Д.Л. Родзинский
Философия как поиск гармонии 154

К.В. Молчанов
Диалектическое изучение английского языка в свете труда «Наука логики» Гегеля: новодиалектическое познание, диалектическое программирование и процессы мышления 167
К.В. Патырбаева
Роль личности в историческом процессе: диалектика случайного и необходимого (по страницам эссе Джорджа Новака «От Ленина до Кастро: роль личности в истории») 178
М.М. Митрохина
Подходы к понятию «место» и принципы его организации в классической философии 186

Часть IV. Актуальная социология
А.Л. Андреев, З.К. Селиванова
Некоторые размышления о «русском мире» и «белорусской идее» 199
Л.И. Ростовцева, М.Л. Гельфонд, Е.Ю. Мирошина
Патриотизм в сознании молодежи 206
Митрополит Феодосий (Васнев)
Система духовного образования: Россия до 1867 года 215
В.Н. Иванова
Социальные отношения на различных уровнях инновационной деятельности 219

Часть V. Актуальная политология
С.В. Бирюков
Про-активная дипломатия России в ближнем зарубежье: потенциал синергетического видения и основанной на нем методологии 233
И. Василенко
Украина: искушение Европой.....243

Часть VI. Рецензии и отклики
В.К. Королев
Проблема «Иного» в философии хозяйства Ю.М. Осипова 253

Научная жизнь
Резолюция международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» 270
Т.С. Сухина
Глобальные перемены в мире и Россия: концептуальный поиск 275
Е.С. Зотова
Лаборатории философии хозяйства — 30! 285
Анонсы 294
Наши авторы 296

Contents

Twenty-first *(Chief Editor)* 7

Part I. Philosophy of Economy
Yu.M. Osipov
Vibrating Horizons of Russia 11
V.M. Kulkov
Russian Need: from the Maneuvering to the Strategy of Breakthrough 22
T.I. Koptelova
The Technology of Creation of an Idol (Media Charisma
in a Paradigm of Organic Philosophy 27
S.V. Shachin
Experience of Philosophical Justification of Strategy
of Space Exploration as Synergies of Forms of Intelligence 34

Part II. Economic Theory
V.P. Kozhevnikov
Sources of Modernization-Neoindustrialization of Russia 51
A.I. Selivanov, V.G. Starovoitov, D.V. Troshin
Social Aspects of Factor Modeling in Economic Security Management (on
the Example of the Sphere «Quality of life») 64
E.V. Trifonov
Economic Law of Democratization of Property Relations 81

Part III. Actual Philosophy
V.A. Kutyrev 95
Left Conservatism as a Philosophy of
Technogenic Degradation Resistance of Humanity (Mikhail Lifshitz
and the End of Classical Marxist Philosophy —
Following the Celebration of the 200th Anniversary of K. Marx) 95
P.V. Opolev
Complication and Simplification in the Socio-Cultural Dynamics:
the Experience of Philosophical Understanding 110
I.S. Karamyshev
Mathematics as a European Phenomenon 129
AA Ilyin
Evolution or Revolution. Politico-Philosophical Strategy
of Reforming the State from the Position of P.I. Novgorodtsev
and I.A. Ilyin 140
V.V. Atayan
Strategies for the Study of Sociology and Ontology of Values 148
D.L. Rodzinskiy
Philosophy as Search of Harmony 154

K.V. Molchanov
The Dialectic Study of the English Language in the Light of the Work «Science of Logic» by Hegel: New Dialectic Cognition, Dialectical Programming, and the Processes of Thinking.....167
K.V. Patyrbaeva
The Importance of the Individual in History-Making: the Dialectics of Accident and Necessity (in the Pages of George Novack's Essay «From Lenin to Castro. The Importance of the Individual in History-Making»).....178
M.M. Mitrokhina
Approaches to the Concept of «Place» and the Principles of its Organization in the Classical Philosophy 186

Part IV. Actual Sociology
A.L. Andreev, Z.K. Selivanova
Some Reflections on the «Belarusian Idea» and the «Russian World».....199
L.I. Rostovtseva, M.L. Gel'fond, E.Yu. Miroshina
Patriotism in the Minds of Young People.....206
Metropolitan Theodosius (Vasnev),
The system of spiritual education: Russia until 1867.....215
V.N. Ivanova
Social Relations at Various Levels of Innovation Activity.....219

Part V. Actual Political Science
S.V. Biryukov
Pro-Active Diplomacy of Russia in the Near Abroad: the Potential of Synergy of Vision and Based on it Methodology.....233
I. Vasilenko
Ukraine: the Temptation by Europe.....243

Part VI. Reviews and Responses
V.K. Korolev
The Problem of «Otherwise» in Y.M. Osipov Philosophy of Economy.....253

Scientific Life
Resolution of the international scientific conference «Russian Mittelspiel: Economics, Technogenesis, Geostrategy».....270
T.S. Sukhina
Global Changes in the World and Russia: Conceptual Search 275
E.S. Zotova
Laboratory of Philosophy of Economy Selebrates 30 Annivercary!.....285
Anounces.....294
Our Authours.....296

Двадцать первый

21-й год выходит в свет журнал «Философия хозяйства».

Кредо журнала — свобода мысли, однако мысли не какой угодно, а… размыслительной, той самой, что беспокоит не просто пытливое, а настойчиво осознающее себя и мир сознание, то самое сознание, которое не остановить ни принудительным чего-либо и кого-либо цитированием, ни рейтинговыми публикациями, ни диссертационными заградами, ни «научными мерилами», ни властным раздраженным окриком, ни околонаучным брюзжанием.

Метадогматическая мысль!

Разве современник её не заслуживает? Это когда мир человеческий не просто меняется, эволюционируя и революционируясь, а буквально из себя выворачивается, причем ворочаясь сразу в обе стороны — по часовой стрелке и против нее, имея результатом не так уже мир новый, как новый антимир, когда уже не какой-то там жалкий антимир в гуще цветущего реального мира, а остаточный мир, где-то затерявшийся в густых пущах торжествующего антимира.

И что же делать в таком разе мыслящему сознанию, ежели реальность, она же и ирреальность, отменяет все или почти все ранее высказанное, выведенное, сочиненное, предписанное, за исключением лишь одного — Великой Неизвестности, о которой ничего и не было ранее по сути сказано, как будто ее никогда не было, да и сейчас вроде бы нет? А она-то есть!

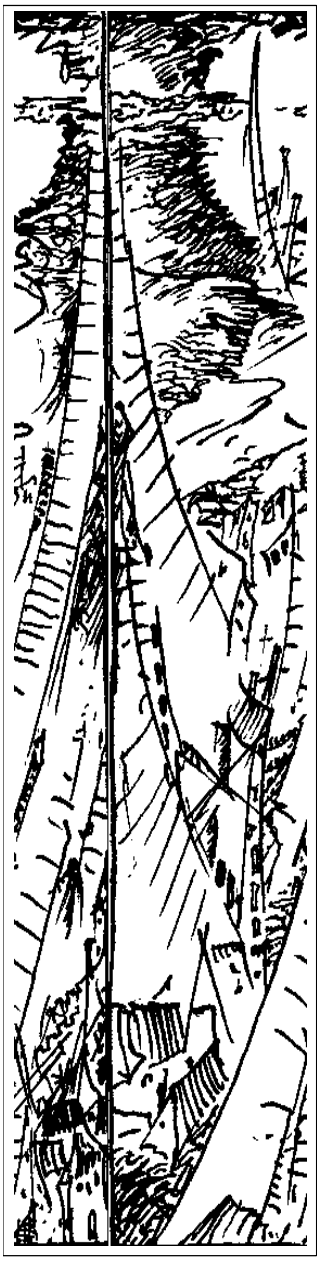
Что же делать неординарному сознанию?

Наверное, идти туда, куда влечет свободный ум, как раз туда, где царствует Неизвестность, да не та, что становится вдруг онаученной известностью, а та, которая никогда известной не станет, отчего и обращение мыслящей философии хозяйства к Софии Премудрости Божией через посредство благородной и безгранично мыслящей софиасофии, оттого и журнал наш двадцатилетний устремлен в 21-й год своего существования, — нет, не мистический он вовсе — сей журнал, а вполне себе реалистический, хотя сам по себе он, конечно же — мистика, да еще какая!

Главный редактор

I

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

Ю.М. ОСИПОВ

Вибрирующие горизонты России*

Аннотация. Без вибрации нет жизни, нет развития, нет прогресса, нет и России, хотя без вибрации, уже чрезмерной, восходящей к флаттеру, нет и чего-либо разрушения и исчезновения. Для России «Горизонт» — органичное понятие, отражающее онтологичную особенность безмерной и полной тайны страны. Что сегодня, как вибрирует Россия, внимая своим качественным и пространственным горизонтам?

Ключевые слова: Россия, философия хозяйства, социология, историософия, «горизонт» как онтологический феномен и гносеологическое понятие.

Abstract. There is no life, no development, no progress and no Russia without the vibration, though without excessive vibration going back to a flutter, there is no destruction and disappearance as well. «Horizon» for Russia is an organic concept reflecting ontologichny feature of an immense and full mystery of the country. What is today? How does Russia vibrate listening to the qualitative and spatial horizons?

Keywords: Russia, philosophy of economy, sociology, historiosophy, «horizon» as an ontologic phenomenon and a gnoseological concept.

УДК 327, 330
ББК65в, 66

«Горизонт» — нормальное словечко для необъятной и недоуменной России: куда ни кинь блуждающего взгляда, везде увидишь удаляющиеся в неведомое горизонты, непременно и вибрирующие — от далей, от игры света и тени, от путевой и целевой неопределенности.

«Горизонт» — совершенно адекватное для России *понятие* — что онтологическое, что гносеологическое, за которым стоит не одна лишь огромность России, даже не только ее *мир*-ность (Россия — не просто страна, это *целый мир*, а ежели и страна, то более всего не от

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Вибрирующие горизонты России // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 11—21.

«стороны», а от… *странности*!), как и не только некая невыраженность, даже размытость образа — что пространственная, что временна́я, не только сама по себе загадочность России, ее бытийно-исторического пути, — за понятием «горизонт» скрывается наряду со сказанным не что иное, как… *неотмирность России*, ее и в самом деле странное единение с *иным миром*, не совсем зе́мным, а может, совсем и не зе́мным, а каким-то другим, не явленным в заметной глазу окружающей данности, но неявно в зе́мной и незе́мной данности присутствующим, еще и не нейтрально присутствующим, а вполне себе действенно, разумеется, незнаемо для истого наблюдателя и как!

Это как раз то самое особенное, что делает Россию *(Не)Зе́мной*, немало, пожалуй, и преисподненской, хотя и немало занебесненской тоже, в общем, не такой, как все: западные ли, восточные ли, южные ли страны, вовсе и не лучшей, чем все они, да и не сильно худшей, а попросту… *иной* — с иным генезисом, иным сущным образом, иным бытием, иной историей, иным, надо полагать, и будущим, — нет, вовсе не свободной от зе́много мира, в нем сидящей, от него немало и зависимой, но все-таки… *иной* — не то, что особенной, что понятно, а *вообще иной,* вовсе не таковской, из какого-то другого, так сказать, теста и на какой-то иной закваске.

Корни России где-то в глубоком изначалье, Россия экзистентирует очень и очень давно, с незапамятных времен, хотя Россией она, даже Русью, когда-то и не называлась, а ежели и была Русью-Россией, то всего более как идея, замысел, смысловая завязь, как эгрегор. *Доисторическая протоРусь — древняя и средневековая историческая Русь — нововременская и уже нынешняя Россия.* Нет, не от Рюрика и уж тем более не от Владимира Святого пошла Русь-Россия, а от незапамятья, от ведо-волхвических изначалий, что подтверждается не так артефактами и письменными источниками, как словом русским, бездонными по смыслам русскими сказами, а всего более — характером русским — древним, корневым, неистребимым.

Само начало Руси-России где-то за историческим горизонтом (а может, и за доисторическим), а потому и за горизонтом неопределенным: расплывчатым, мерцающим, ускользающим, в общем — *вибрирующим*.

Тут ведь большая и затяжная мистериальная игра *мира Зе́много* и *мира Иного*, в которой не то призом, не то козырем, не то просто разменной картой служит Русь-Россия, — сама при этом *игрок*, отчего и нескончаемая вибрация русского пространства и русского времени, как и самой Руси-России, ее физики и метафизики, даже когда явленной

Руси-России как бы и нет, а есть лишь застрявшая где-то в Нави какая-то *(Не)Русь-Россия.*

Если Россия *проект*, то это проект неведомых сил, ибо, как показывает реальное бытие-история, Россия, вынужденно надевая на себя тот или иной текущий проектный образ, никак в полной мере его не признает и окончательно своим не считает — как неловко надевает его, так и ловко сбрасывает, что говорит о том, что Россия в своей реальной зе́мной ипостаси — *сама-себе-проект*!

Да, какой-то замысел-проект для России есть, как раз оттуда, то бишь… *ниоткуда* — из *иномирья*, но это весьма трансцендентный проект, никак и никому и не известный, включая и саму Россию, а потому Россия — *сама-себе-проект*: и то, что у нее по ходу и на ходу выходит, то и выходит, а предлагать России какой-то «верный» умозрительный проект — сущая безделица, не раз уже тяжко и кроваво исполненная, хотя можно, наверно, проникнув в эгрегор России и как-то его обозрев и осознав, немало и поспособствовать самореализации России — самой по себе, ради себя и ради мира человеческого.

Самое любопытное, что сегодня, уже в XXI в., данное понимание России и такое отношение к ней очень и очень потребны — *пора уже дать России дорогу к самой себе*!

И сделать это надо вопреки внутренней и внешней *анти*России, с ее резко ныне поднявшейся бесподобной русофобией и открыто ведущейся со стороны Запада против России (именно России, а не просто Российской Федерации) «гуманитарной» — обратим на это закавыченное словечко внимание — войны, то бишь войны на уничтожение России как особенного смыслового — и именно *гуманитарного*, а не какого-либо еще — феномена.

Дело в том, что Россия как экзистенциально-геостратегический субъект вдруг взяла, да и заявила во всеуслышание прямо посреди западного кроя «глобальной глобализации» о *своей* самостоятельности, о следовании *своему* геополитическому курсу, о приоритете *своих* национальных интересов, а главное — о нежелании переставать быть Россией, что сразу же поставило Россию в положение экзистенциально геостратегического конкурента и даже противника Запада во главе с США, упорно продолжавшими свой имперский натиск на Восток Европы, присоединяя к себе как еще недавно бывшие под главенством СССР государства из так называемой «международной соцсистемы», так и кое-какие бывшие территории самого СССР, оказавшиеся вдруг новыми «независимыми государствами».

На этот новейший натиск Запада на европейский Восток, на этой очередной «дранг нах Остен», Россия, как это уже случалось в истории

не раз, ответила стойким сопротивлением, перестав верить в эфемерный (фейковый) солидаризм с глобализованным, хотя и полным своих собственных неразрешимых противоречий Западом, бесцеремонно ведомым в бездную неизвестность явно уже тронувшимися умом в своем имперском бессознании самонадеянными США.

Тут-то и заиграли вовсю российские, хотя и не только российские, экзистенциальные, гуманитарные и геостратегические горизонты, которые Россия оказалась обязанной защитить, утвердить и «обороссить».

Пошла большая, сложная, неоднозначная, противоречивая и весьма рискованная для России и всего зе́много мира игра, вплетенная в *Большую общемировую игру*, развернувшуюся на Земле в наступившем XXI в., где игроками не только Запад с США, или лучше — США с Западом, а и весь, или почти весь, *не*Запад, причем вовсе не только Восток, но и Юг с кое-каким Севером в придачу.

Россия сейчас в самой гуще *Большой общемировой игры* — как субъект-участник и как субъект-объект тоже, ибо игра тут не за какой-то нейтральный и приемлемый для всех игроков приз, а за саму для каждого из участников собственную экзистенцию — как факт, как образ, как контент, как континиум. Не шуточная тут вовсе игра, а близкая к той, которая ведется прямо-таки «не на жизнь, а на смерть», причем, заметим особо, по преимуществу и как «игра без правил».

Вполне «гуманитарная», так сказать, игра!

Россия в этой игре вовсе не на периферии, а в са́мом ее центре (если не в са́мом ее пекле), ибо (и отчего) у России не только свои национальные горизонты, а и мировые тоже — *мировая ведь это держава — Россия*, — оттого и горизонты у нее безграничные, а потому не просто вибрирующие, а, знаете ли, вовсю и пляшущие, чуть ли не скачущие.

Планетарный мир стремительно меняется, это уже не просто изменяющийся мир, а *мир-перемена*, и хотя США с Западом все еще почитают себя за навершие построенной ими мировой глобализованной пирамиды, причем навершие лидирующее, управляющее, господствующее, но в реальности это уже не совсем так, а кое в чем и совсем не так: мировая глобализованная пирамида не просто трещит ныне по швам, но и шаг за шагом распадается на ряд мировых пирамид, среди которых и вновь поднимающаяся российская (может, и евразийская) пирамида.

А началось все для России со слова (*Слова!*) — с мюнхенской (2007 г.) речи главы российского государства, в которой была обозначена невозможность суверенного пребывания России в западо-

американской «семье» по причине империо-колониального поведения США и Запада относительно России и всего мира, продолжения излюбленного ими «дранг нах Остен», созидания вокруг России полосы напряженности и так называемой военно-базовой «Анаконды».

Нечестная и нечестивая игра Запада с Россией, оказавшейся в «перестроечные» и «реформные» 1980—1990-е гг. в роли зависимого псевдо-игрока, была-таки Россией прервана: Россия предпочла для себя тогу самостоятельного игрока, имеющего свои интересы, независимое суждение и свои на руках карты и козыри, — негоже было великой ядерной державе участвовать в игре с западными «партнерами» в функции и с позиции лоха-вассала, призванного к хитроумной игре шулерскими «ведунами» для его заведомого проигрыша.

За словом, сказанным в Мюнхене, а точнее, за *слово*, сказанное в Мюнхене, пошло наглое высокомерное наступление Запада на Россию, а за кое-какими ее вынужденными отпорными действиями — и настоящая война с Россией, сначала названная весьма коряво «гибридной», а затем уже более изящно — «гуманитарной».

Что ж, сегодня против России чуть ли не единый, хотя не такой уж и монолитный, западный фронт, поносящий Россию и ведущий с ней «гуманитарную войну», готовя и войну настоящую, уже горячую, и противостоит сему цивилизованному-де фронту не слишком-де цивилизованная Россия — сама ставшая фронтом, но уже оборонным, хотя и не без кое-каких наступательных выпадов и операций.

Фронт! Это словцо еще не вернулось в оживленный публичный обиход в своем корневом значении, но фактически феномен фронта уже налицо. *Внешний фронт* для России уже явно имеет место, он крепок со стороны России, мобилен, в меру активен, что позволяет России не только сохранять и укреплять суверенитет, но и вести свою, немало значимую для себя и всего мира, весьма при этом и загадочную, экзистенциально-геостратегическую игру.

Однако шаг за шагом все более проявляет себя в России и другой фронт — *фронт внутренний*, который вроде бы и не фронт, а так себе… внутренняя ситуация, но, увы, пусть и подспудно, она все ближе к… э-э… *фронтовой*, ибо это ситуация хоть и не явной войны, но и не безмятежного мира, к тому же и ситуация кое-какой борьбы — борьбы не просто за новую Россию, а и за само бытие России как России, ибо тут не одни мотивы и проблемы обновления, роста и развития, а и кое-что куда-как более серьезное: «*Быть России иль не быть, а ежели быть, то какой?*» — не более и не менее!

Пореформенная (с рубежа 1980 — 1990-х гг.) Россия! Что это за образованьице такое; что это за «чудо-юдо», что за полифоническая

химера? Кто в ней правит, как правит, зачем правит — без известного и работающего текущего проекта (все кабинетные на заказ «программы» тут не в счет — *концепта национального* как не было, так и нет!), без действенного аппарата, без жизнеутверждающих достижений на векторах занятости, жилья, образования, здравоохранения, науки, гражданской техники, свободного предпринимательства, общенародного благосостояния, а главное, на векторах хоть какой-нибудь нравственной меры и хоть какой-нибудь функциональной справедливости, хоть какого-нибудь воистину дружественного, хотя бы щадящего, отношения правящих и владетельных верхов к народу, стране, природе, ресурсам, интеллекту, городам, территориям? Сложившееся по итогам реформы «управленчество», вроде бы управляя страной, социумом, нацией, ведет при этом чуть ли не настоящую, вполне себе и беспощадную… *войну* — со страной, социумом, нацией, как раз вполне себе *гуманитарную*, что трудно наивно-честному уму представить, но что имеет-таки место быть!

Не надо тут приводить сонма примеров, не надо и ничего особенно доказывать: куда ни кинь обнадеживающего взгляда, везде одно и то же: безлимитное стяжательство, безудержное частное присвоение, неугомонный грабеж, алчная неправедность, мертвящее менеджериальное безразличие, массированное неблагополучие масс, дешевая медийная эскапада, ну и вранье, вранье, вранье!

Но что интересно: правящая система таки влезла, не очень-то, видно, это и замечая, точнее — старательно этого не замечая, в *собственный системный кризис* — причем кризис не так даже неверного и неважнецкого для страны и ее населения *государственно-корпоративного управления,* как кризис *концептуально-экзистенциальный*, не говоря уже о *нравственном*.

Война со страной обернулась-таки для правящей системы сущностным, смысловым и функциональным банкротством!

Алчность, произвол, деспотизм — вот три метафизических зверя, на которые воссела правящая пореформенная гвардия, с которых она никак не может, да, видно, и не хочет, слезть и которые завели ее в тупик, ею — гвардией — либо не особенно и осознаваемый, либо на который она закрывает глаза, либо ничего другого и не желает.

А зря!

Тут ведь проблема *фронтового тыла,* без которого ведь *никуда* — что на любом из передних — внешних — фронтов, что и на внутреннем, заднем.

«Отечественная элита» катастрофически недооценивает «подотчетного» ей населения, его ожиданий и настроений — как факта воз-

можной с его стороны поддержки, так и, наоборот, сначала факта его равнодушия к власти, а потом и факта с его стороны ее — власти — задушевного отрицания.

Безмолвный энергизм российского населения — та еще сила! Она ведь как на созидательную негэнтропию может работать, так и на разрушительную энтропию — что в среде социума, что в системе самой власти. Революция 1917 г. случилась всего лишь по причине того, что российское население попросту отвернулось от надоевшей ей власти. Не революционеры вовсе сделали революцию, не народ, а именно все более терявшая обратную связь, уходившая в себя и становившаяся все более неэффективной и ненужной власть! То же самое происходило в стране и в конце XX в., лишь ярко обозначившись непосредственно в 1991 г. Зачем же актуальной власти подменять исторически обанкротившийся коммунистический большевизм, ведший затяжную гражданскую войну со страной, новым большевизмом — буржуазно-глобалическим, не в меру увлекающимся аналогичной, пусть и обзывают теперь «гуманитарной», войной со своей же страной? Может, все это кому-то сегодня и выгодно, но при ускоряющемся бытии-истории такое поведение властей явно недальновидно — особо долгого времени для необольшевизма у бытия-истории вряд ли теперь сыщется!

Доминационный горизонт нынешней власти не совпадает с экзистенциальными горизонтами России, он слишком узок для России и ей явно не адекватен.

Евроамериканизации России все равно не выйдет, как не выйдет вдруг и ее нарочитой евразиации: России необходима… *россиезация*, разумеется, новая, не отрицающая России и с ней антироссийски не воюющая, а полагающая Россию, находящаяся с ней в органическом единении.

А ныне лишь разрастающийся отрыв правящего и господствующего верха от управляемого и эксплуатируемого им низа, вполне и опасный отрыв, за которым маячит сакраментальное: «*Низы не хотят, верхи не могут!*».

Низы без верхов всегда ведь как-то выживают, бытуют, пусть и не слишком наслаждаясь своим житием, а вот верхи без низов — *ничто*, а потому органика между верхами и низами куда предпочтительнее разрыва между ними, да еще и неуклонно нарастающего.

И ежели надежда российских верхов породниться с западными верхами, да еще и не на правах «бедных родственников», не в роли вассалов, кажется, рухнула и канула в лету, то верхам российским (и псевдороссийским, и даже антироссийским) самое «оно» породниться с… Россией, с (не) своей Родиной, с (не) родным населением, с (не) своим

народом, вступив со всем этим (не) своим в органическое единение — тогда- то верхи, может, и выживут — как верхи, — разумеется, при их эффективном взаимодействии с уже заведомо проклятой ими (не) своей, но зато старательно обираемой ими страной.

Да, Россия выживает, бытует, существует, однако… *кризис*, причем в первую очередь *концептуальный*, а это есть не что иное, как… *кризис* и прежде всего именно *концептуальный*, и такой кризис для страны очень тягостен и безмерно опасен. Верховное правление должно немедля *это* осознать и решительно изменить (не) свой курс, немало изменив и (не) свое действующее коллективное лицо: настал момент *пост*-реформенного разворота, что, как кажется, и понимается отчасти в верхах, но почему-то на деле никак там «не можется». А надо бы!

Горизонты властей предержащих куда как у́же горизонтов России — страшное тут, почти и бездное, расхождение!

Площадная по форме, вполне и водевильная драма власти — с одной стороны, и экзистенциальная по сути, вовсе не театральная, а вполне себе житейная, с другой стороны, трагедия России!

Если горизонты власти непроизвольно трепещут — от генного страха, то горизонты России уже надсадно ноют — от безразмерного абсурда!

Да, не все в отечестве слышат это заунывное попискивание довольных вроде бы собой верхов — собственности и властей предержащих, как и слышат это грозное безмолвие изрядно уже обездоленной и зачем-то все еще старательно насилуемой властями и крупным бизнесом вполне себе мирной и в целом лояльной к ним недоумевающей страны!

Странная ситуация, не правда ли?

Впечатление, вполне уже и устойчивое, что власть, заявившая о суверенитете страны и ее великодержавии, отстаивающая все это пред внешним миром, теми же США, во внутренней сфере оказывается пасынком глобалистического евроамериканизма, занимаясь «по-ихнему» переделкой под «ихние» же стандарты всего населенческого жизнеотравления, не считаясь на деле ни с традициями, ни с культурными генотипами, ни с суверенным национальным творчеством, ни даже со здравым народным смыслом.

Жалкое, беспринципное и безапелляционное подражательство, оправдываемое «оптимизацией», «мировыми стандартами», «экономией», «техническим прогрессом», «цифровизацией», «наукометрией», «рейтингологией» и тому подобной фейковой чепухой, — подражательство, не останавливающееся перед самыми настоящими погромами

важнейших жизнеотправительных сфер вроде образования, здравоохранения, науки, культуры — то бишь самого́ творящего духа нации!

Зачем это «деется»?

Страшно подумать, невозможно высказать! Зачем нам в качестве образца провалившаяся в тартарары в идейно-духовном плане Евро-Америка? Разве не понятно, что за сим бездумным подражательством лишь античеловеческий погост? А главное — вместо животрепещущей страны не более чем «серая дыра». И на этой-то дыре верхи собираются спокойно и беззаботно почивать — каково!

Безумие Запада, все или почти все человеческое уже уничтожившее, как-то очень уж любезно воспринято (не) нашими безумцами: то ли по недоумию, то ли от владельческого страха, то ли от слишком прочной «повязанности». А ведь как раз здесь — в *национальной идейно-духовной засаде* — весь действительный суверенитет России и зиждется. Правящий же верх маниакально бьет по нему и бьет, наслаждаясь видом разрушаемых им «архаических крепостей».

Вот он — либеральный-де необольшевизм!

Была надежда, были ожидания, подтвержденные патриотически возбужденным массовым электоратом, но… увы!.. все это сразу же после «великой акции» и рассеялось.

Что за самоубийственный шаг, жест, ход?! Такая фантастическая электоральная поддержка и… *ничего*! — ничего радикально нового, никакого нового курса, никаких значимых перемен. А ведь чего-то *такого* ждали, всё прощая возникшему из уголовной пены пореформенному режиму: коррупцию, инфляцию, несправедливости, обираловку, массовую бедность при невиданной роскоши «избранных», «оптимизации», «реформы», «инновации», «прокуратуру», «суд», «полицию», даже бездарных мажоров и разное другое, чем заметен унылый пореформенный «перформанс». И вот: «*На внутреннем фронте без перемен*»! А ведь *такое* уже бывало: и когда-то давно, и тогда — еще на памяти, и совсем недавно: гниение, застой, паралич!

Где она — новая жизнь, а не отталкивающее прозябание, уныние и бесперспективность? Отчего многая молодежь не видит для себя деловой, творческой, житейской, а главное — моральной, гражданской, благородной перспективы, и утекает за границу, куда ей совсем и не хочется, где ничего воодушевляющего и воистину ценного для себя и не находит?

Да, население (ни в коем случае уже не народ!) в целом молчит, сопит, пыхтит — разочарованно и недоуменно, хотя и не совсем уж молчит, даже втихомолку побуркивает, а кое в чем себя уже заметно и недвусмысленно открыто проявляет, но… власть, делая старательно

вид, что все прекрасно в «королевстве», не вслушивается в это людское, почти что и беззвучное бурчание, не чувствует силы и энтропийной потенции накапливающейся энергии недовольства и отторжения, не замечает подспудного, вполне себе и угрюмого «волнования» субсоциальной «подземки».

Родовой присвоительно-накопительный эгоизм не позволяет верхам ни признать низы, ни понять их, ни пойти им навстречу. «*Страшно далеки они от народа!*» Однако и от себя самих они тоже страшно далеки, ибо сами по себе они — *никто*!

Любая полноценная нация предполагает единение «верхов» и «низов» (а лучше — «низов» и «верхов»), вовсе и не монолитное, а, скажем так, *компромиссное* — идейно-духовное, личностное, субъектное. И не так в противном случае вершится преступление, как нарастает непоправимая ошибка — помыслить себя «хозяивами» страны, и в это непозволительно уверовать!

Суверенитет единой нации — не так в военно-политической ее ипостаси, хотя это и необходимо, как в идейно-духовной, гражданской, товарищеской, даже и родственной, в единении всех и вся — не одинаковых вовсе, по-разному успешных, но перед лицом и в составе нации… *равных*!

«Ха-ха, — скажут нам, — чего захотелось?», — и сказавшие это окажутся фактически правыми — при бешеных-то разрывах в благосостояниях, текущих доходах, социальных положениях, возможностях… э-э… российских «сограждан», но экзистенциально стратегически, совсем и не эмоционально, сказавшие это «ха-ха…» никак ведь не выступят против реальной возможности *целостного преображения России* — как раз *на пути России к России и вкруг неё!*

Доступными широкому населению полунатуральными хлебами, обильными легковесными зрелищами и прекраснодушными фейковыми речами на бесчисленных форумах сей нарастающей неуклонно потребности того же населения во внушительной экзистенциальной перемене не прикрыть, а показным, роботизированным на западный манер «эффективным управлением» уж никак не достичь!

Генеральная перемена, о которой речь, не может произойти без сонма вспомогательных перемен, весьма и острых, вполне, разумеется, альтернативных как тому, что уже есть и не собирается уходить, так и охотно и бойко ныне проводимым нынешней властью далеких даже от простого здравого смысла «усовершенствований», не говоря уже о систематическом (если не системном) опустошении электронных кубышек ни в чем не повинных перед родной страной ее трудовых насельников.

Альтернатива лихой 1990-х «Реформе» — последовательная *пост*-Реформа, причем никакая не грубая *анти*-Реформа, а лишь достаточно коррекционная *пост*-Реформа, вовсе не обязательно и очень громкая, совсем и не визгливая, но зато *поступательная* и *необратимая*. Раскручивать сие важнейшее дело можно на основе и вокруг «оборонки» с армией, Ледовитого океана, Дальнего Востока, Крыма или той же киберсферы, но раскручивать-то надо, имея в виду не одни новые продукты, предприятия и отрасли, но и реальное обновление всей нынешней системы праздного и при этом весьма унылого правления, мало того — системы всего жизнеотправления общества, как раз на основе и перед лицом *единой нации*, в ее общих интересах.

Никаких загадок и «невозможностев» тут нет, потребны лишь ясное понимание и твердая воля, не исключая и обостренного чувства самосохранения, — однако от кого же лично ждать понимания и чьей же персонально ожидать воли? Вроде бы ясно, от кого и чьей, да вот… не будем далее разворачивать такое «*нехорошество*», а лишь заметим, что старушенция история *никому* и *ничего* из собственности и властей предержащих не прощает, особенно из-за эгоистической, самодовольной и легкомысленной (не) деятельности.

Что ж, российские горизонты натужно вибрируют, и вовсе не только от обширных страновых далей, но и от вселившихся в страну инородных для нее качественных, поведенческих и управленческих странностей — пореформенных, конечно, от которых она (не) терпеливо ждет постреформенного избавления, все более освобождая себя от актуальных относительно воцарившегося в стране режима иллюзий.

Россия, вперед!

P.S. Автор допускает возможность своей неправоты, мало того, был бы счастлив оказаться неправым в оценке всего ныне в России происходящего, но говорить как-то иначе автор почему-то желанием не располагает, да и в гуманитарном концептуальном мониторинге не так важна констатация уже отчетливо проявленного, как превентивное «замечание незамеченного», хотя уже в реалиях подспудно, а то и уже прямо «при дверях» присутствующего.

В.М. КУЛЬКОВ

Российская необходимость: от маневрирования — к стратегии прорыва*

Аннотация. В статье этапы новейшей экономической истории России синхронизированы со стадиями шахматной партии. Акцент сделан на миттельшпиле, через который проходит современная Россия. Выделены его экономические особенности. Показана необходимость перехода от позиционного маневрирования к реализации стратегии прорыва. Раскрыта перспективность разработки «отечественного гуманитарного концептуализма», который позволит интегрировать разные научные парадигмы под углом зрения обеспечения национальных интересов России.

Ключевые слова: стадии шахматной партии, российский миттельшпиль, стратегия прорыва, «отечественный гуманитарный концептуализм», национальная экономическая система.

Abstract. In the article, the stages of the newest economic history of Russia are synchronized with the stages of a chess game. Emphasis is placed on the middle game, through which modern Russia passes. Its economic features are highlighted. The necessity of the transition from positional maneuvering to the implementation of the strategy of breakthrough is shown. The prospect of the development of «domestic humanitarian conceptualism», which will integrate different scientific paradigms from the standpoint of the national interests of Russia is disclosed.

Keywords: the stages of a chess game, the Russian middle game, the strategy of breakthrough, «domestic humanitarian conceptualism», the national economic system.

УДК 330.34
ББК 65.03

Проблема идентификации развития России, выделения его этапов и выявления специфики современного состояния может быть выражена в разных системах координат. Одной из них могут стать пара-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кульков В.М. Российская необходимость: от маневрирования — к стратегии прорыва // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 22—27.

метры шахматной игры — давней по происхождению, но не утратившей своего интеллектуального потенциала и оценочных возможностей. Эти параметры позволяют более четко и выпукло отразить ход и драматизм новейшей истории России, зримо синхронизирующейся с известными стадиями шахматной партии: гамбитом, миттельшпилем и эндшпилем. Кроме того, образ этой игры фиксирует доминирующее влияние субъективного фактора, который, по определению, отчетливо проявляет себя в шахматах, но оказался столь же значимым и применительно к российской экономической политике, которая (так получается) многие годы формировала определенную экономическую систему в стране в большей степени, чем объективные детерминанты. Как говорил в свое время в небезызвестных Васюках легендарный Остап Бендер, «шахматы двигают вперед не только культуру, но и экономику». Но вернемся к ходу шахматной партии в России — точнее, к ее экономической интерпретации.

Миттельшпиль, в котором находится современная российская экономика (да и вся Россия), отличается целым рядом особенностей.

Во-первых, он несет на себе печать весьма своеобразно разыгранного в 1990-е гг. дебютного гамбита, который характеризовался незнанием элементарных правил розыгрыша рыночных дебютов, бессистемностью переходных преобразований, хаотичностью решений, значительными и во многом неоправданными жертвами (социальными, экономическими, научно-технологическими, геополитическими), слабым соответствием условиям и статусу России, ее стратегическим национальным целям и интересам. Стоит напомнить, что гамбит — это такой розыгрыш дебюта, для которого характерны жертвы (пешек и даже фигур) в борьбе за инициативу, и российские жертвы (все мы это хорошо знаем) были огромными и неэффективными, чего нормальный гамбит не предполагает, даже с учетом всегда имеющихся в игре рисков. Единственное, пожалуй, эффективное действие на этой стадии — своевременное проведение политической рокировки («рокировочки») в самом конце этой стадии, позволившей худо-бедно перейти в миттельшпиль, а не получить мат уже на стадии дебюта, что нередко бывает в подобных ситуациях.

Во-вторых, маневрирование, характерное для миттельшпиля, не приобрело в современной российской экономике форму системного перестроения а, скорее, представляет собой позиционное лавирование в целях сохранения стабильности (финансовой, макроэкономической, социально-политической и др.), нежели курс на неуклонное наращивание экономического потенциала страны и динамичное развитие национальной экономики с ориентацией на перспективу. В российской экономике сложилась своеобразная квази-система, которая так или иначе

функционирует, обладает даже некоей целостностью и институциональным равновесием, к которой вроде бы все экономические субъекты как-то приспособились, но которая слабо адекватна национально-специфическим условиям, жизненно необходимым целям развития, национальным интересам и статусу страны. Играть такую игру в миттельшпиле — значит, не иметь надежных перспектив, рассчитывая только на авось и невнятицу со стороны соперника, что, возможно, но не очевидно. В этих условиях нужно переломить ход игры, заиграть инициативно, нужно идти на такой прорыв, который сможет перевести «игру» в выгодный эндшпиль и которого нельзя достичь при зацикливании на узких стабилизационных задачах. В России, похоже, образовался своеобразный симбиоз либеральной и патриотической ветвей власти: первые, ориентируясь на приоритеты финансовой стабилизации, исходят из известных либеральных рецептов; вторые — делают акцент на накоплении финансовых средств и поддержании финансовой устойчивости как выражении национальной экономической безопасности. В результате возникла своеобразная коалиция либералов и части государственников, у которой задачи достижения финансовой стабилизации и в целом финансовые приоритеты стали самодовлеющими в ущерб задачам развития. И именно такая политика, а не набор объективных факторов и процессов, стратегических целей и интересов формирует на протяжении многих лет в России определенную экономическую систему — точнее, квази-систему.

В-третьих, консервирование сложившегося в условиях российского миттельшпиля состояния способно породить цугцванг в экономике, когда каждое последующее решение может вести к ухудшению ее положения, поскольку не создаются в должной степени необходимые предпосылки и направления выхода из этого состояния. К тому же, все жестче ощущается цейтнот — причем не в эндшпиле, что характерно для шахматных баталий (когда часто приходится играть «на флажке»), а уже в миттельшпиле, что случается гораздо реже. Россия реально стоит перед жесткой необходимостью провести глубокие преобразования в исторически сжатые сроки, что означает неизбежно форсированный характер российской модернизации.

В этих условиях необходима стратегия прорыва, в основу которой должно быть положено формирование в России такой экономической системы, которая адекватно бы отражала всю совокупность факторов и целей национального развития и сочеталась бы, с одной стороны, с передовыми технологическими трендами, а с другой стороны, с обеспечением реального суверенитета и национальных интересов страны. Кстати, раскручиваемая ныне «цифровая экономика» зачастую преподносится очень односторонне, нередко без учета многих ограни-

чений, иллюзий, «ловушек», одна из которых состоит в том, что «бездумное вхождение в мировую цифровую экономику, включение в мировые цифровые цепочки создаст особые возможности для стран, более продвинувшихся в цифровом направлении, и сделает объектом манипулирования менее развитые страны, включая Россию» [1, 153].

Необходим акцент на создание и наращивание передовой материально-технической базы, которая позволила бы обрести надежный фундамент суверенного развития России, сделать национальную экономику конкурентоспособной и защищенной. Ее стержнем могла бы стать новая индустриализация, сочетающаяся с расширением передовых технологических укладов — особенно в той части, в какой мы имеем заделы и можем их нарастить. Прорыв (как в экономике, так и в других сферах) невозможен без накопления и увеличения потенциала и активных действий по его реализации. Это предполагает системное видение современной ситуации, сложившейся в России, и системные действия, основанные на стратегии прорыва. Понятно, что изменения должны касаться не только производственно-технологического направления, но и социально-экономического, и институционального направлений, затрагивать основы социально-экономического строя, включая способы и экономической координации, и социального присвоения, повышать социальную консолидацию общества, а это предполагает переориентацию многих акцентов и серьезное обновление элиты в пользу ее социально-ответственной и национально-ориентированной части. Требуются реальные изменения, а не строительство «Нью-Васюков» и подобного рода объектов и не очередной броский лозунг «цифровизации», пытающийся прикрыть слабое выполнение предыдущих стратегий. Только при всем этом появится надежда, что миттельшпиль сформирует весомые предпосылки для перехода в выгодный и даже выигрышный эндшпиль.

А до этого надо упорно гнуть свою линию в миттельшпиле, даже если кажется, что позиция обреченная и хочется закончить эту изматывающую игру и начать другую партию с чистого листа и, желательно, «белыми» (только кто даст нам такую возможность?) или от отчаяния ударить шахматной доской, как это, помнится, случилось в тех же Васюках. Но надо надеяться: надеяться на Высший Промысел, который всегда мистически оберегал Россию; надеяться на помрачение, «зевки» соперников и скандалы в их тренерских штабах (в другом, более предметном и серьезном выражении — на «деглобализацию»), а главное — совершать позитивные действия и гнуть свою линию, отыскивая и расширяя возможности улучшения своей позиции. Одно из характерных действий в миттельшпиле — подготовить почву для потенциально проходных пешек, так чтобы потом в эндшпиле они совершили прорыв —

превращение в ферзей и привели к победе в партии. У нас, похоже, уже не остается сил вести борьбу по всему фронту, на каждой клетке шахматной доски, а вот такой спасительный прорыв мы подготовить можем. И это будет очень по-русски.

Возвращаясь от шахматных баталий к научной системе координат, хотел бы поддержать инициируемый Ю.М. Осиповым акцент на перспективности разработки «отечественного гуманитарного концептуализма». Резкое нарастание турбулентности и противоречивости экономических процессов в мире, новые технологические тренды и — при всем этом — нарастающая необходимость серьезного обновления экономической системы России и ворох обрушившихся на нашу страну проблем не могут быть представлены и осмыслены на базе какого-то одного научного направления, каким бы оно ни казалось фундаментальным, продвинутым и современным. Необходима интеграция широкого потока экономической мысли и в целом гуманитарного знания. В особой мере это относится к российскому измерению.

Системообразующим для нашей страны должен стать концепт сбережения и развития России. А для этого ей «необходимо встать на путь пореформенного перестроения … устремленного к новому — к новой России, но не по форме и внешним признакам, а по сути, по духу, по концепту» [2, 22]. Именно этот национальный концепт способен соотнести и оценить разные научные парадигмы, как бы учиняя их досмотр на предмет адекватности российским реалиям и задачам и затем синтезируя эти представления в рамках национальной экономической системы. В таком случае Россия предстает не как частный случай или не как одна из конкретных форм проявления «универсальных закономерностей», а как самоценное основание, находящее свое выражение и проявление в разных теоретических координатах. Здесь «общее» и «особенное» как бы меняются местами. В этом нельзя видеть пренебрежения известными научными парадигмами: просто они будут работать не «вхолостую», а начнут по-настоящему и позитивно обслуживать национальные потребности страны. Такое понимание концептуализма позволит органично соединить теорию и реалии российской экономики. Оно позволит более эффективно интегрировать научные парадигмы и национально ориентированный подход.

Литература

1. *Кульков В.М.* Цифровая экономика: надежды и иллюзии // Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 145 — 156.

2. *Осипов Ю.М.* Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка» // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 11 — 24.

References

1. *Kul'kov V.M.* Tsifrovaya ekonomika: nadezhdy i illyuzii // Filosofiya khozyaistva. 2017. № 5. S. 145—156.

2. *Osipov Yu.M.* Bol'shaya igra — rossiiskii mittel'shpil' — «russkaya ruletka» // Filosofiya khozyaistva. 2018. № 6. S. 11 — 24.

Т.И. КОПТЕЛОВА

Технология создания кумира (медиахаризма в парадигме органической философии)*

Аннотация. Рассматривается современная технология создания кумира, обладающего медиахаризмой. Анализ осуществляется при помощи методологии органической философии. Исследуются такие составляющие современной технологии создания кумиров, как массовость, ориентированность на унифицированный, цифровой и рекламный продукт, манипуляция индивидуальным и общественным сознанием, разрушение национальной идентичности. С позиции органической философии рассматриваются негативные последствия создания современных кумиров с медиахаризмой и возможности сохранения традиционных ценностей национальных культур и духовного творчества народов.

Ключевые слова: глобализация, массовая культура, кумир, медиахаризма, общество, парадигма органической философии, технология, этнос.

Abstract. In the scientific article the modern technology of creation of the idol having media charisma is considered. The analysis of this problem is carried out by means of methodology of Organic Philosophy. Such components of modern technology of creation of idols as mass character, orientation on unified, a digital and advertizing product, manipulation with individual and public consciousness, destruction of national identity are investigated. From a position of Organic Philosophy negative consequences of creation of modern idols with media charisma and possible solutions of the arising problems are considered.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Коптелова Т.И. Технология создания кумира (медиахаризма в парадигме органической философии) // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 27—34.

Keywords: globalization, mass culture, idol, media charisma, society, paradigm of organic philosophy, technology, ethnos.

УДК 304
ББК 65в

Кумир — объект почитания и поклонения, «далекий идеал», к которому устремляется то или иное поколение. Каждая эпоха создает своих кумиров, отражающих религиозные и национальные ценности своего времени. Кумир в рамках отдельной этнической культуры, как правило, всегда находился в определенном пространственно-временном контексте и не претендовал на статус всеобщей ценности. Но XX в. — время планетарного господства технологий, создаваемых европейской цивилизацией. Именно европейская цивилизация выдает себя за общечеловеческую и, создав массовую культуру, достаточно успешно унифицирует этнические традиции, «исправляет» историческую память отдельных народов, лишая их самобытности. В экономической культуре Запада в настоящее время преобладают коммерческие ценности, ранжирование предметов в зависимости от спроса, по их денежной стоимости. Высоко оценивается все то, что обладает способностью продаваться. Поэтому кумиры, создаваемые в XXI в. при помощи массовой культуры и западных технологий, представляют собой отчасти коммерческие и цифровые продукты. Известно, что духовные потребности человека тесно связаны с материальными, но им, как правило, в традиционных культурах всегда отводилась роль «руля», так как духовные стремления относятся к сфере сознательного выбора. Массовая культура заменяет сознательный выбор сиюминутным эмоциональным увлечением, общей волной настроения, выработанным и управляемым извне рефлексом. В создании современных кумиров используются новейшие цифровые медиатехнологии, при помощи которых можно многократно повысить коммерческую ценность объекта обожания, формируя товарный фетишизм, и перевести духовные потребности человека из сферы творчества в область механического потребления. Именно поэтому индивидуальность и свобода творчества заслоняются групповой активностью. А медиатехнологии многие исследователи рассматривают как главное условие человеческой активности вообще [6].

Как известно, само слово «медиа» происходит от латинского «media» — средство, средоточие, способ. В английском языке можно увидеть и такую его трактовку, как «посредник», «промежуточная ступень». Поэтому «медиа» — это и понятие для обозначения средств массовой информации и коммуникаций. Современные медиатехноло-

гии включают в себя создание фильмов, видеомонтаж, озвучивание, анимацию и компьютерные игры. Развитие технологий передачи информации — это не только повышение скорости, способности преодолевать огромные пространства, но и возможности создания иллюзии, мира обмана как средства манипуляции сознанием, чувствами и действиями человека. Поэтому средства массовой информации получают названия четвертой власти, но в XXI в. они претендуют на лидерство, превращаясь в инструмент воздействия на исполнительную, законодательную и судебную власти.

Временем новых кумиров стал XX в. Это политические лидеры, чья харизма очевидна для многих: В.И. Ленин, А. Гитлер, И.В. Сталин, Ф. Кастро и др. В то же время кумирами становятся и различные телеведущие, «шоумены» и даже герои мультфильмов. Современные технологии в один ряд с живым человеком ставят и других «интеллектуальных агентов»: животных и роботов. И если тотемизм уже известен человечеству, поэтому в XXI в. возможны его интерпретации, то техницизм в настоящее время также способен породить культ поклонения «суперкомпьютеру», «суперроботу» и т. д. Таким образом, современный кумир может быть полностью лишен не только человеческого подобия, но и всякого сходства с любым естественным, природным объектом.

Современная харизма в XXI в. приобретает самую примитивную интерпретацию. Так, изначально это слово происходило от древнегреческого χάρισμα — «дар Бога», «помазание», т. е. неповторимая одаренность человека, его исключительные интеллектуальные, духовные способности, личная притягательность. Притягательность в настоящее время формируется не на основе обращения к сердцу (глубоким чувствам и переживаниям, невозможным без духовной культуры) или к разуму, а при помощи рефлекторного воздействия (новые не свойственные человеку рефлексы вырабатываются при помощи получения эмоционального или физического удовольствия). К эмоциональным удовольствиям можно отнести: ощущение уверенности в себе, в своих силах; удивление; любопытство, вызываемое яркостью и необычностью новой формы или сочетанием несовместимых ранее предметов; преодоление страха или выход из стрессовой ситуации (переход от сильного эмоционального напряжения к расслаблению). Все эти эмоциональные состояния активно используются современными средствами массовой информации, именно на них делается акцент в процессе производства нового кумира. И физические удовольствия превратили в своеобразный культ цивилизованного общества, а их изощренность опирается порою на самые передовые технологии. Наиболее подходящая аудитория для потребления новых «духовных» благ — это под-

ростки и молодежь. Именно им легче всего привить не свойственные предшествующим поколениям рефлексы и потребности.

Цифровые (электронные) технологии создания кумиров XXI в. предполагают мультимедиа-конструирование объекта, в котором одновременно содержится текстовая, графическая, аудио- и видеоинформация, а также возможен способ интерактивного взаимодействия со всеми видами информации, с самим объектом. При этом интерактив предполагает массовость, общий эффект, а не индивидуальное творчество и неповторимый путь личностного развития. Так, кумир в XXI в. — это унифицированный, цифровой продукт и результат функционирования массовой культуры. Массовая культура — катализатор рекламы, инструмент создания иллюзии существования чего-либо, а также это возможность тиражирования второстепенного для полноценной жизни или вовсе для нее не нужного [4, 38—40]. Поэтому современных кумиров можно рассматривать и как рекламный продукт.

Парадигма органической философии позволяет обнаружить фрагментарность (отсутствие цельности) у современных кумиров, их отвлеченность от этнических культур, а также вскрывает противоречие между создаваемыми иллюзиями и реальной жизнью. Так, органическая философия вскрывает сущность явлений исходя из их цельности, полноты, генетического родства и многообразия. Методология органической философии способствует пониманию законов живой природы, выявлению существенных отличий полноценной жизни от техносферы, создаваемой человеком. Научные принципы органической философии были сформулированы благодаря синтезу естественнонаучных и гуманитарных знаний в изучении общества: представление о ноосфере В.И. Вернадского [1, 382—458], концепция согласованности всего живого И.И. Мечникова [7, 238—245], геософия классического евразийства 1920—1930-х гг. [8, 13—78], пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева [3, 471—514]. И понимание Гумилева альтруизма как аттрактивности (необходимого фактора выживания этноса) углубило исследование феномена духовной культуры общества.

Технология создания современного кумира, обладающего определенной медиахаризмой, включает в себя формирование убежденности в реальности несуществующих свойств личности или любого другого «интеллектуального», «эстетического агента», а также навязывание чувства уверенности в наличии предметов, которых нет. Поэтому процесс создания кумира XXI в. предполагает использование таких эмоций, как удивление, любопытство, эффект массовости (массового сознания, когда индивид не задает себе вопрос: «почему это всем нравится?»). Создание кумира включает в себя формирование «волны массового настроения» через современные медиасредства. Далее исполь-

зуются манипуляционные технологии: многократный повтор; акцент внимания на второстепенной по значимости для личности информации; сокрытие истины — подлинных целей и задач, которые преследуются производителями медиапродукта. Все это направлено на формирование у людей новых привычек и потребностей. Таких потребностей, которые изначально не свойственны, поэтому не адекватны природным условиям и существующему контексту национальной культуры. Создается иллюзия «яркой повседневности», развивается стремление к бесконечным развлечениям и удовольствиям. Формируется представление о комфортной жизни без всяких усилий, о проявлении духовных потребностей без напряжения и преодоления. Духовные силы личности (врожденное стремление к истине, красоте, справедливости) тратятся на внимание, увлечение яркостью несвязанных, сиюминутных ощущений, впечатлений, интересов. Благодаря этому происходит утрата национальной и культурной идентичности. Таким образом, изменение массового сознания — мощный инструмент уничтожения отдельных государств и народов.

В начале XXI в. массовая культура для многих народов начинает заменять место традиционной, национальной, но это путь унификации — развитие западного проекта глобализации. Это путь к установлению мирового господства одной (европейской или ее утрированного варианта в лице североамериканской) цивилизации через манипуляцию сознанием и погашение духовных потребностей личности, через уничтожение этнических культур.

Феномен медиахаризмы кумира XXI в. позволяет говорить о погашении духовных потребностей современного человека. Чтобы осознать потерю духовности, достаточно ответить на следующие вопросы. Что привлекает внимание и на что тратит свое время цивилизованный человек? Чему личность посвящает свою жизнь? В чем проявляется личностный выбор, если культура ориентирует на жизнь по рефлексам? В конце XX в. Л.Н. Гумилев говорил о самом негативном явлении научно-технического прогресса, о том, что техносфера неоправданно затрачивает колоссальную энергию, которая безвозвратно сжигается, преобразуется в свет, в результате чего наша планета как физическое тело утрачивает массу. Данное явление ученый называл «унесением света» с Земли, превращением реальных частиц в виртуальные [3, 477—780, 490]. Виртуальные частицы в физике — это, как известно, частицы, которые существуют и одновременно не существуют. По аналогии медиахаризму можно назвать виртуальной не только потому, что она создается в «виртуальном мире», но и в связи с ее мнимым существованием, ведь она находится вне этнических традиций и вне духовных потребностей личности. Поэтому жизнь современных кумиров,

«звезд» кратковременна. Медиахаризма как нулевое колебание вакуума в физике, возникая, тут же уничтожается, существует вне времени и пространства, а современные цифровые технологии позволяют максимально сжимать (уничтожать) и время, и пространство. Но физический вакуум не безобиден, так как в нем нет истории, нет жизни. И духовный вакуум, порождаемый массовой культурой, можно назвать «унесением духа» с Земли, уничтожением человека как мыслящего, творческого существа. Поэтому в начале XXI в. необходимо говорить об экологии не только в отношении природы, но и с точки зрения сохранения этнических культур и естественных духовных потребностей человека.

Парадигма органической философии позволяет увидеть следующие негативные последствия современной технологии создания кумиров и формирования медиахаризмы: 1) распространение массовой культуры за счет уничтожения этнических традиций; 2) погашение духовных потребностей человека, благодаря развитию несвойственных рефлексов, нарушению естественного психофизического состояния «цивилизованного» человека; 3) сокрытие подлинной личности человека-кумира за декорацией техники; 4) утрата способности отличать талант от бездарности; 5) отсутствие возможности творческой реализации личности, так как спонтанность, невычисляемость подлинного таланта не позволяют превратить его в коммерческую ценность; 6) замена гуманизма нигилизмом и утверждение пессимистического мироощущения; 7) воспитание таких черт характера, как индивидуализм, эгоизм, жестокость, ленивость, стремление потреблять готовое, а не создавать; 8) осуществление манипуляции индивидуальным и массовым сознанием; 9) неадекватная оценка современным человеком своей роли и места в социуме и в мире природы. Именно поэтому в обществе, где господствует массовая культура, отсутствует вера в талант и благородство, исчезает убежденность в высоком духовном предназначении человека [2, 297].

Мир кумиров начала XXI в. не предполагает творчества и самореализации личности, поскольку в нем должны осуществляться замыслы создателей современных объектов поклонения. А кумиры («звезды» шоу-бизнеса, телеведущие, блогеры, герои рекламы) — это коммерческий продукт, инструмент манипуляционного воздействия на массы. Такие кумиры недолговечны, но это не снижает их разрушительного воздействия на духовную сферу: нивелировку ценностей (утверждение относительности добра и зла), рассеивание внимания личности (акцент на второстепенном), обман (создание иллюзии существования чего-либо), формирование жизнеотрицающего мироощущения (разочарованность в жизни). Все это происходит в культуре, которая утратила свою цельность, и ее существование поддерживается механическими

манипуляциями. В отличие от механицизма, «органическая парадигма, напротив, выступает с идеей жизнеутверждения для всех и всего» [5, 45]. Современным национальным культурам, как никогда, необходимо рождение нового, творческий ответ вызовам XXI в., самобытное прочтение культурных традиций прошлого и предвидение будущего. И вместо кумира с медиахаризмой органическая философия предлагает идеал («далекий прогноз»), развитие стремления личности, основанного на естественных, свойственных человеку от рождения, потребностях в истине, красоте, справедливости.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.
2. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М.: Рольф, 2001. 384 с.
3. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 560 с.
4. *Коптелова Т.И.* Интерпретации цифровой экономики в механистической и органической философии // Философская мысль. 2018. № 8. С. 34—42.
5. *Коптелова Т.И.* Коммерция против искусства: театрально-эстрадное шоу в механистической и органической философских парадигмах // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 39—48.
6. *Кротова Т.В., Дмитриев Ю.А., Калинина Т.В.* Мультимедийные технологии в современном дошкольном образовании // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2016. № 5. С. 689—691.
7. *Мечников И.И.* Этюды о природе человека. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 290 с.
8. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

References

1. *Vernadskij V.I.* Biosfera i noosfera. M.: Ajris-Press, 2004. 576 s.
2. *Gumilyov L.N.* Konec i vnov' nachalo: Populyarnye lekcii po narodovedeniyu. M.: Rol'f, 2001. 384 s.
3. *Gumilyov L.N.* EHtnogenez i biosfera Zemli. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2001. 560 s.
4. *Koptelova T.I.* Interpretacii cifrovoj ehkonomiki v mekhanisticheskoj i organicheskoj filosofii // Filosofskaya mysl'. 2018. № 8. S. 34—42.
5. *Koptelova T.I.* Kommerciya protiv iskusstva: teatral'no-ehstradnoe shou v mekhanisticheskoj i organicheskoj filosofskih paradigmah // Filosofiya hozyajstva. 2018. № 2. S. 39—48.

6. *Krotova T.V., Dmitriev YU.A., Kalinina T.V.* Mul'timedijnye tekhnologii v sovremennom doshkol'nom obrazovanii // Vospitanie i obuchenie detej mladshego vozrasta. 2016. № 5. S. 689—691.

7. *Mechnikov I.I.* EHtyudy o prirode cheloveka. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. 290 s.

8. *Savickij P.N.* Kontinent Evraziya. M.: Agraf, 1997. 464 s.

С.В. ШАЧИН

Опыт философского обоснования стратегии освоения Космоса как синергии форм разума*

Аннотация. В статье предполагается наметить методологию устойчивого освоения космоса на основе идеи о содружестве различных форм разума, открытого человечеством: теоретического, практического и эстетического. При этом необходимо преодолеть разноголосицу между ними. Причина разноголосицы состоит как в потере смысла в культуре после разрушения религиозных картин мира, так и в расстройстве гармонии между разумом, волей и чувствами в результате антропологического кризиса человечества. При этом теоретический разум указывает на необходимость качественного изменения человечества как условия возможности освоения Космоса, практический разум утверждает необходимость освоения Космоса как нравственную задачу, а эстетический разум позволяет человеку проникнуться величием этой задачи посредством осознания красоты Космоса и возвышенности миссии его освоения. Благодаря философии могут быть установлены связи между тремя формами разума, исходя из идеи о человеке как микрокосме, подобном макрокосму. А благодаря христианству человечество может осознать, что освоение Космоса — это реализация божественного замысла о человеке, что позволит человечеству встретиться со своими бесконечными потенциальными возможностями, т. е. встретиться с Богом в каждом из нас и в человечестве в целом.

Ключевые слова: разум, разноголосица форм разума, теоретический, практический и эстетический разум, философия космизма (светская и религиозная).

Abstract. In article it is supposed to plan methodology of the sustained space exploration on the basis of the idea about the commonwealth of

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шачин С.В. Опыт философского обоснования стратегии освоения Космоса как синергии форм разума // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 34—48.

various forms of intelligence opened by mankind: theoretical, practical and esthetic. At the same time, it is necessary to overcome a dissonance between them. The reason of a dissonance consists as in loss of sense in culture after destruction of religious pictures of the world, and in disorder of harmony between reason, will and feelings as a result of anthropological crisis of mankind. At the same time the theoretical mind indicates the need of qualitative change of mankind as conditions of a possibility of space exploration, the practical mind approves need of space exploration as a moral task, and the esthetic mind allows the person to like greatness of this task by means of awareness of beauty of Space and the height of a mission of its development. Thanks to philosophy connection between three forms of intelligence proceeding from the idea about the person as the microcosm similar to a macrocosm can be established. And thanks to Christianity the mankind can realize that space exploration is a realization of a divine plan about the person that will allow mankind to meet the infinite potential opportunities in himself, that is to meet God who is present at each of us and at mankind in general.

Keywords: mind, divergent forms of mind, theoretical, practical and aesthetic mind, cosmism (philosophical and religious).

УДК 101.1, 125, 140.8, 141.43
ББК 65в

Космос и человек кризиса: голову выше!

Рассуждения о Космосе по сути дела означают частный случай рассуждений о взаимоотношениях человечества и природы. Известно, что мы — существа, которые могут выжить и тем более развиваться только в искусственном мире, созданном трудом предыдущих людей; но вместе с тем происходит постоянный обмен веществ, энергией и информацией этого искусственного мира с миром природы, еще не измененной человеческим трудом. Проблемы, которые тут возникают, вытекают из нашего несовершенства, из отсутствия уверенности человечества в завтрашнем дне: нет у нас твердой гарантии того, что мы вообще нужны миру (как каждый из нас, так и человеческий род в целом), а чтобы приобрести такую гарантию, мы стремимся познавать природный мир и технически применять наши знания, стремясь к господству над ним. На первый взгляд кажется, что тут все просто: «Знание есть сила», говорил еще Френсис Бэкон. Однако наиболее проницательные из нас все равно мучаются вопросами: что, если все, что мы познаем, — это только раскрытие того, что мы предварительно вложили в окружающий мир в форме бессознательной проекции наших страстей, ожиданий, а самое главное — нашей воли к господству над ми-

ром; при этом, если верно последнее, то цена, которую мы вынуждены платить за это господство — развитие отношений господства и подчинения среди нас, людей (см.: [18, 13 — 14, 22 — 23, 46 — 47, 80; 19, 97 — 98, 154]). Эти отношения в периоды кризиса существующей социальной системы загоняют нас в такие рамки, что мы в них задыхаемся, и требуют таких жертв, что мы начинаем задумываться, что живем в худшем из возможных миров (так что, стоит ли жить вообще?)! А молох социального кризиса продолжает пожирать человеческие судьбы, нашу неповторимую индивидуальность, прокатываться по нашим лучшим стремлениям, как катком, делать нас козлами отпущения за те ошибки, что совершали люди в прошлом (как дальние, так и, что больнее всего — близкие), и от последствий которых те постарались убежать… Вот тогда-то звездное небо над головой оказывается для нас отдушиной, из которой может поступить к нам свежий воздух бытия и напомнить нам о том, что нашим узеньким человеческим мирком все бытие не ограничивается, а наша жизнь, вероятно, тоже не представляет такой уж большой самоценности, если нам с ней слишком сильно отождествляться; но добровольный отказ от жизни ничего не решает, потому что остается еще такой огромный мир, куда нас влечет какая-то непостижимая глубина нашей личности и который рано или поздно станет нашим домом (хотя мы пока даже не знаем, когда, а также где и в какой форме мы лично тогда будем!). Следовательно, обращение к Космосу для человека начинает выполнять психотерапевтическую функцию, причем если присмотреться повнимательнее, то получится, что, начиная замечать звездное небо над своей головой, человек одновременно углубляется и в самого себя и развивает в себе свои разумные способности (дотоле дремавшие), благодаря чему он начинает более адекватно понимать происходящее и даже отыскивать непостижимые выходы из безнадежных ситуаций.

Космос и человек разумный: разноголосица форм разума

Но возникает вопрос, каким образом человек, сумевший подняться над повседневностью, сможет все-таки вступить в отношения с Космосом не только через эстетическое созерцание звездного неба, а более основательным образом. Мы уже поняли, что, запрокинув голову в небо, мы тем самым начинаем активизировать свой разум, а он-то и должен подсказать решение этой волнующей загадки. Философы со времен Платона знают, что разум в человечестве представлен в трех основных формах: познавательной, практической и эстетической (у них есть фундаментальные ценности, т. е. идеалы, которым разум следует и которые человек как разумное существо стремится реализовать в мире,

насколько ему хватает сил: истина, добро и красота) (об этом см.: [1, 120 — 125; 11, 187 — 190]). Рассмотрим, что нам могут дать все три разумные формы для решения этой возвышенной задачи. И вот тут-то мы обнаружим, что при нынешнем уровне развития человечества в нас будет царить неприятная многоголосица, которая никак не превращается в стройный хор голосов: наоборот, три формы разума нам будут советовать каждая свое, как лебедь, рак и щука, а воз будет практически и ныне там.

Теоретический разум будет призывать нас образумиться: человек не только не может полететь в далекий космос, он и воздушное-то пространство нижних слоев земной атмосферы освоил недавно, причем главная проблема лежит даже не в технике и в недостатке ресурсов, а в самом человеке: мы не птицы, и потому у нас в мозгу вообще слабо развиты отделы, которые отвечают за возможность нашего тела принимать разное положение в третьем измерении пространства — в высоте, т. е. мы с трудом вообще кувыркаемся в воздухе, если не считать наших лучших представителей (скажем, гимнастов), и приспособлены только к строго фиксированным положениям тела с сильной опорой под ногами, или под седалищем, или под лежащим телом… Поучиться бы нам у птиц, а потом уже выходить в небо… Далее теоретический разум будет нам говорить о том, что условия за пределами земной поверхности настолько отличаются от тех привычных нам на нашей матери-Земле, что вообще мы можем выходить в третье измерение только благодаря тому, что должны создавать какое-то искусственное пространство, в котором сохраняется что-то от нашего мира: под ногами у пассажиров самолета должен быть пол, который не должен слишком быстро уходить из-под ног, внутри самолета — воздух (так что самолет по сути дела — это воздушный корабль, скользящий по верхним слоям тропосферы), мир во время полета должен быть ограничен непроницаемым салоном и т. д.; а если говорить о космонавтах, то они должны довольствоваться только частью из привычных нам на Земле благ и приучаться через долгие упражнения к лишению многих других, но все равно за пределами земной атмосферы им можно выжить, только живя в искусственной среде космического корабля (пусть и в невесомости) и выходя из него на очень короткое время в скафандре… Далее теоретический разум будет говорить нам о нашей малости, о том, что нам доступен мир только ограниченных сил и размеров, а Космос настолько невообразимо огромен, что для его преодоления требуются такие гигантские скорости и энергии, к которым пока человечество не имеет никакого доступа… И, наконец, теоретический разум сделает героическое усилие над собой и в лице Эйнштейна откроет некоторые законы этого мира сверхскоростей, после чего введет самого себя в состояние,

близкое к юродивости или к умопомешательству: он поймет, что в мире околосветовых скоростей вообще начинают по-другому вести себя базисные константы для нашего чувственного мира — пространство и время: пространство вдруг начинает сжиматься, Вселенная — уменьшаться, а время — замедляться, и возникают поразительные парадоксы, из которых самый безобидный — «парадокс близнецов»… Мы не говорим уже о том, что во Вселенной есть поля тяготения такого чудовищного размера, что время в их присутствии течет заметно медленнее (да и время на Земле-то течет медленнее, чем в космосе, правда, только чуть-чуть), так что космос-то не такой единый, как нам кажется, когда мы его созерцаем спокойным летним вечером; а звезды мы видим не такими, каковы они сейчас, а такими, какими они были, когда испустили вот этот луч света, что сейчас воспринимают наши глаза, т. е. тысячи, сотни тысяч и миллионы лет назад, да и Солнце-то мы видим таким, каким оно было 8 минут назад… (В целом абзац о теоретическом разуме и Космосе написан с привлечением материала из работ: [8; 13; 15].)

А вот практический разум, который нельзя путать с узкопрагматическим (который только подсчитывает выгоды и стремится избегать убытков), нам будет говорить, что что-то в освоении космоса есть, правда, не надо слишком сильно торопиться, а сначала надо двигаться по принципу «малых дел», от простого к сложному… Ведь совершая экспансию в иное измерение бытия, мы тем самым сможем найти неожиданное решение проблем, которые кажутся непреодолимыми в условиях ограниченных ресурсов планеты Земля и безграничного роста народонаселения… Плюс к этому за пределами Земли мы найдем новые поразительные источники веществ, энергии и информации, которые начнем осваивать, пусть и ценой больших конфликтов и даже жертв (которых потом, стоит надеяться, признают героями), и рано или поздно благодаря этим усилиям мы достигнем новых успехов в овладении природным миром, а потому наш человеческий земной мир намного улучшится по сравнению с тем в общем-то жалким состоянием, в котором он сейчас находится… Наконец, общество сможет выйти из застоя и стагнации только через солидарное совершение возвышенных усилий, через большое дело, совершаемое сообща — а освоение космоса подходит для этого как нельзя лучше… Вот только прагматический уровень практического разума должен все как следует рассчитать, чтобы минимизировать потери и максимизировать победы, а потому придумать комплексную программу освоения космоса, которая сделает главный акцент на массовый духовный подъем как условие возможности стабильного выхода в космос всего человечества (а не кучки космонавтов, которые по сути дела на остальных людей большого влияния не оказывают). В этом смысле для того, чтобы построить

базы на Луне, надо для начала продуманно развивать… массовый альпинизм и строить все больше баз для горных туристов по всему миру (при этом на равнинах надо все больше ставить качелей не только для детей, но и для взрослых, чтобы люди на них научились бы в массе своей делать «солнышко» и осваивать тем самым новые положения тела в пространстве); а для того, чтобы человек сумел приспособиться к дальним перелетам, надо все больше развивать в массах технику глубокого сосредоточения и духовных практик, в результате чего человеку, пребывающему в «отключении от мира», было бы не скучно, а очень интересно, ибо космос внутренний, возможно, так же бесконечно неисчерпаем, как и Космос внешний, и долгие перелеты могут стать школой духовного самосовершенствования для их участников. (В целом абзац о практическом разуме в отношении освоения Космоса написан с привлечением материала из работ: [9; 21].)

И, наконец, эстетический разум сможет прежде всего вступает в контакт с Космосом через свою фундаментальную категорию прекрасного, что он сделал еще в глубокой древности, разглядев на небе созвездия и создав прекрасные мифы, по-своему осмыслявшие космический мир. Кроме того, он позволяет осмысленно прочувствовать уютность и защищенность человеческого бытия в огромных просторах Вселенной, что выражено в метких словах В. Кутырева: «Земля — не песчинка во Вселенной, не вакуум, и не кручение пространства, а наш Дом, живая и теплая. Небо голубое, а не оптический обман и черный космос… Ради блага жизни, чтобы не утратить радость ее духовного воспри(н)ятия, теоретическое мировоззрение надо бы забывать. Смотреть на мир субстанциально-феноменологически» [5, 255 — 256]. Другими словами, эстетический разум позволяет стать противовесом теоретическому, поскольку если первый полностью дистанцируется от бытия, в том числе и от самого человека, то эстетический разум позволяет человеку снова вернуться в него благодаря тому, что он делает весь этот огромный мир интимно-близким человеку (при этом рефлексия теоретического разума не отвергается, а диалектически снимается: человек остается с пониманием величия Космоса, но также осознает, что само это величие красиво тем, что может быть понятно если не теоретически, то через переживание красоты).

Но еще больше эстетический разум может продвинуться через категорию возвышенного, которая уже позволяет человеку испытать опыт прорыва за свои узкие антропологические границы… Хватит ползать по земной поверхности, иначе ты не сильно ушел вперед от червя; если ты начнешь двигаться вверх, то ты найдешь в самом себе такие возможности, о которых ты и не подозревал, а когда ты их активизируешь, то ты постепенно станешь другим, более совершенным суще-

ством, которое для тебя сейчас представляется сверхчеловеком… Да, на этом пути будет много страданий, и многие отдадут свои жизни; но не лучше ли пострадать за великую идею, чем деградировать в застое, предшествующем кризису всемирного капитализма? Да и откуда мы знаем, что герои испытывают только страдания, может, они переживают такое блаженство в момент совершения подвига, что именно оно-то и может быть смыслом человеческой жизни, а не то жалкое прозябание на земле и использование материальных ресурсов для ублажения своего тела: там будет свет восходящего солнца, а тут — чадящее пламя свечи… Так что не достаточны то последовательное и медленное восхождение ввысь и завоевание космоса на надежном, подготовленном базисе, что предлагает нам практический разум; а нужны ослепительная вспышка, порыв в полную неизвестность, которая может нам дать новые опыты (прежде всего — внутренние, а уже потом, когда их испытают другие — получить и внешние результаты, в виде открытия новых ресурсов в самом человеке, новых веществ с других небесных тел, что потом будет использовать индустрия, новых поразительных знаний и т. п.); опыты, что позволят нам стать радикально другими и избавиться от множества слабостей, страданий и пороков, причина коих — наше несовершенство (и телесное, и духовное)… Надо мужественно отправляться в самое жерло опасности, сделать шаг уже за границы возможного, ибо человек — существо, которое до конца не знает, где лежат его границы, и уже там найти какую-то новую искру огня богов, чтобы принести его остальным людям, каждый раз тем самым повторяя на новом историческом витке развития подвиг Прометея. (Раздел об отношении эстетического разума и Космоса написан с привлечением материала из работ: [4; 7].)

Как от разноголосицы прийти к стройной гармонии?

Все это хорошо, но вот что же у нас получилось в итоге? Лебедь, рак и щука, о которых мы уже говорили, — не так ли? Назад нас влечет теоретический разум, позволив нам осознать, что в космосе мы встретим совершенно иное измерение реальности, с которым у нас пока очень мало контактов; по земле и чуть выше земли нас движет практический разум, призывая никак не отказываться от освоения космоса, но двигаться основательно и осмотрительно; и в высоты космоса, в глубины опасности и в пространство героических поступков нас завлекает эстетический разум, «оседлав» категорию возвышенного, как Пегаса… И пока эти три разных голоса разума не договорятся друг с другом, мы не совершим каких-то качественных переворотов в освоении космоса и

не будем по большому счету понимать, за чем он нам, вообще-то говоря, нужен…

Выход из затруднительной ситуации возможен, только если мы ответим на вопрос: а есть ли какое-то более глубокое основание, которое сможет интегрировать разногласящие друг с другом формы разума? Человечество знает по сути дела только два таких: это — философия и религия. Философия стремится ставить вопросы о предельных смыслах и основаниях бытия и решать их на основе самого разума; разум развивает себя как в самосознании мыслителя, так и в человечестве в целом (т. е. имеется в виду, что разум как объективный дух открывает свое содержание человечеству, но и последнее должно совершать усилия по постижению всего содержания разума; и совершенства ни в раскрытии разумом себя человечеству, ни в развитии человечеством разума в самом себе еще далеко не достигнуто). А вот религия претендует на установление связей с Разумом, превосходящим человеческий, и занимается тем, чтобы подготовить как отдельного человека, так и религиозное сообщество (от конкретной общины до сообщества единоверцев в целом, которых могут быть миллиарды) и — в пределе — человеческий род в целом к встрече с самим Богом (для человека это будет достижение святости, для сообщества — религиозным прорывом, а вот для рода, наверное, переходом на качественно новый уровень своего развития…). Очевидно, надо начать с уровня человеческого разума, чтобы потом, к концу нашего текста, иметь надежду и дерзновение встретить Разум божественный, чтобы он сказал нам что-нибудь о космосе…

О причинах расхождения различных видов разума в понимании конечных смыслов человеческого бытия

В этом месте нам надо постараться установить универсальное основание такой ситуации, когда различные формы разума оказываются в состоянии разорванности, а не гармонии. Это соответствует разорванности современного мировоззрения, о которой хорошо написал Макс Вебер в социологическом смысле: единая прежде религиозно-метафизическая картина мира, которая давала всем людям единые смыслы личного и коллективного бытия, в результате общественной рационализации и «расколдовывания мира» оказывается распавшейся на изолированные смысловые аспекты, каждый из которых обособленно разрабатывают «субкультуры экспертов». Получается, что эти субкультуры заняты осмыслением содержания особенных ценностей как ориентиров соответствующего разума: наука разрабатывает содержание истины, мораль и право — справедливости или блага, а искусство и

педагогика — красоты, или личностной аутентичности. Однако поскольку бытие универсально, то каждая из субкультур не может постигнуть его и стать тотальной, они стремятся ко все большей автономии и отграничению друг от друга — возникает угроза тотальной потери смысла в культуре модерна. В целом проблему потери смысла в культуре Макс Вебер обсуждает в работе [24, 602 — 610], и Ю. Хабермас в своей интерпретации теории общественной рационализации Вебера также подробно останавливается на его тезисе о «потере смысла» [22, 332 — 345] (также об этом см.: [23, 213 — 214]). И только философия может претендовать на роль интерпретатора, который сумеет выразить достижения одной из субкультур на понятном для другой языке, поскольку в силу самой логики своего собственного дискурса сохраняет стремление к всеобщности. Такой вариант решения поставленной М. Вебером загадки «потери смысла» предлагает Ю. Хабермас [17, 27 — 29].

Мы же с опорой на российскую христианскую антропологию можем увидеть еще более глубокое основание расхождения различных разумных способностей человека. Оно заключается в потере самим человеком эпохи модерна целостности, в нарастающем разрыве между разумом и сердцем в каждом из нас и обществе в целом. Этот разрыв может быть преодолен только через ориентацию человека на сверхразумное и сверхчеловеческое бытие, которое, однако же, надо искать не в каком-то объекте вне человека, а в самом человеке: Бог ближе к нам, чем наше собственное дыхание, и Бог и есть подлинное Я каждого из нас. Эта ориентация может быть осознана либо религиозной жизнью, либо философской, если последняя будет последовательно развита (поэтому только после завершения восхождения ко всеобщности человек может стать философом). А диалектически-дополняющим аспектом этой целостности является братская солидарность всего человеческого рода, поскольку каждый из нас есть проявление соборного единства всего разумного бытия мира в определенном индивидуальном аспекте — как метко сказал Г.С. Сковорода, «истинный человек един во всех нас, и в каждом из нас он целый» (цит. по: [3, 74]). (О своеобразии христианской антропологии и российской философии, на нее основанной см.: [20; 3, 21 — 24].)

И только восстановление на новом уровне развития этой антропологии, описанной в данном абзаце и постигнутой российскими мыслителями, и позволит снова соединить расходящиеся формы разума. Но сегодня мы можем только выразить общую интуицию такого единства, но не ее законченную форму. Может, именно освоение Космоса как задача, которая может быть разрешена только соборными усилиями

человечества в целом, позволит актуализировать этот опыт российской философской и религиозной традиции и придать ему новую форму — не противопоставления познания и веры, а их сотрудничества.

Философское осмысление возможности сотрудничества разных форм разума в деле освоения Космоса

Философия прежде всего исправит односторонности каждой из форм разума, указав им на более глубокие уровни в них самих же, которые они сами же не осознали. Теоретическому разуму она скажет, что ты прав, что космос — комплекс совершенно иных уровней бытия, чем те, в которых живет вид Homo sapiens, но ты не договариваешь самое важное: ты ведь сам постиг, что само существование разумной жизни на Земле обусловлено некими фундаментальными свойствами Вселенной, которые ты начал в XX в. понимать и изумляться их согласованностью (фундаментальные физические константы — размеры гравитационной постоянной, заряд электрона, постоянная Планка, скорость света и др. — в принципе могли бы иметь только те значения, что имеют, а отклонения их от существующих значений в принципе могли бы быть только очень маленькими, иначе вообще был бы не Космос, а хаос; или попроще: между циклами солнечной активности приблизительно в 11 лет и событиями человеческой истории имеются поразительные корреляции, и мн. др.). Все это ты сам же назвал антропным принципом, согласно которому мир устроен так, чтобы в нем имелась бы принципиальная возможность существования разумной жизни; значит, мы самим фактом своего существования оказываем какое-то, пока нам не известное, обратное влияние на космос в целом; а раз так, то космос для нас — не нечто полностью чуждое, а призван как-то стать общим домом, вот ты и думай, как, а не отказывайся от своих задач и не впадай в уныние и в лень. Практическому разуму философия скажет, что ты пока мелко плаваешь, потому что забыл о своем удивительном открытии, совершенном Кантом: о нравственном законе в глубинах разумного существа, который сопоставим по своему воздействию на душу человека с эффектом от звездного неба над головой, и что пойти в Космос побуждает нас не только правильно понятый прагматизм, а именно вот этот нравственный закон: разумное человечество зачем-то нужно всей Вселенной, чтобы она оказалась в чем-то завершенной, и вся Вселенная зачем-то ждет, когда мы, наконец, проснемся от закованности в земную ограниченность и начнем деятельность в универсальных — сверх-глобальных — масштабах; а значит, сама Вселенная будет нам оказывать поддержку в этом эволюционном прорыве в неизвестное, сейчас для нас непостижимую и даже чудесную. А вот эстети-

ческий разум философия сначала похвалит за решительность, но потом скажет, что ты забыл о другой стороне возвышенного, которая заключается в том, что человек должен надеяться совершить победу над миром не только своими силами, но открыть в самом себе контакт с некоей реальностью, что превосходит его самого и мир в целом, и только благодаря связи с нею рассчитывать на успех, а когда человек найдет эту реальность, то перед ней-то он и должен изумиться, испытав чувство возвышенного трепета, которое и будет одной из форм смирения… (В целом об освоении Космоса как философской проблеме можно прочитать в работах: [2; 10; 12; 16].)

Религиозное осмысление возможности сотрудничества различных форм разума в деле освоения Космоса

А вот тут-то и придет религия и скажет философии спасибо за «детоводство ко Христу» (если это будет христианство). Потому что благодаря своей многообразной жизни (с литургией в центре) религия позволит человеку найти в самом себе подлинное Я, которое ближе к нам, чем наше собственное дыхание, словами апостола Павла. И то же самое божественное Я в качестве воплощенного Логоса религия даст христианину испытать и в окружающем мире, в том числе и в грандиозном космосе. Что будет после этого? Новый человек, обновленный силой Святого Духа, призванный содействовать реализации плана Бога-Сына, согласно которому «да будет воля Твоя (т. е. Отца и Бога-Троицы в целом/ — *С.Ш.*) яко же на небесах, так и на Земле». В этих планах стоит сотворение новых небес и новой Земли, где смерти и страдания больше не будет. И христианство позволяет нам работать над реализацией этих планов сознательным образом, периодически приобщаясь к источнику божественного творчества. Будет ли разница, если в космос выйдет светское человечество или человечество, испытавшее новый религиозный подъем? Для религиозного человека ответ очевиден. Но для того, чтобы этот ответ развернуть, нужна, по сути дела, новая христианская философия космоса.

При этом мы должны осмыслить саму возможность постановки проблемы освоения космоса в рамках религиозной философии. Она нам видится в том, чтобы еще раз проанализировать антропологические истоки религии — этот путь уже был намечен в статье в разделе, посвященном причине расхождения форм разума в модерне. Мы рассматриваем здесь именно религиозную философию в силу того, что она может заниматься путем разумного осмысления догматов (т. е. идти по пути Абеляра: «Понимаю, чтобы веровать»), в то время как теология является более консервативной и не допускающей разномыслия в догматической области в силу опасения впадения в еретичество (она исхо-

дит из формулы Августина — «Верую, чтобы понимать» — или даже Тертуллиана — «Верую, ибо это абсурдно»). Итак, единство всех разумных существ универсума есть та форма бытия, которая более соответствует метафизическим корням человечества: по мере образования такого единства каждому во все большей мере будут открываться духовные основы своей самости. Человечество с позиции христианства является созданным по образу Бога и призвано стать подобным Богу, т. е. когда-нибудь стать хозяином всего материального мира. Однако представление о единичности человечества и несопоставимой огромности Вселенной не дает нам возможности исполнить такую миссию. Мы отправляемся в Космос не для того, чтобы освоить его с целью приобретения новых богатств, а для того, чтобы найти себе союзников в деле исполнения миссии разумной жизни во Вселенной. И мы постигнем причастность остальных возможных разумных существ мира к нашей подлинной разумной сущности в том смысле, что они восполнят наши разумные способности какими-то новыми формами, благодаря которым мы и сможем собрать воедино расходящиеся модусы разума. Пока мы можем понимать это только абстрактным образом, но именно эта идея и может быть направляющей для христианской философии космоса. (В целом об отношении религии к освоению космоса можно прочитать в текстах: [6; 14].)

Смысл данного текста заключался в доказательстве необходимости христианской философии Космоса и обсуждении тех предварительных подступов к ней, двигаясь по которым, вполне светская философия может суметь очиститься и приступить к реализации столь необычной для себя задачи. А верующий сможет при этом не просто испытать религиозный опыт в космосе, но и дать себе в нем отчет, а также поведать его другим в разумной форме. И хотя вера выше разума, согласно Христу, но путь Фомы также признан Христом в качестве спасительного. Вот для тех, кто осознает себя последователями апостола Фомы и стремится соединить в себе религиозное и рациональное начало, и была эта статья. Вероятно, как раз на этом пути и может быть найдена стратегия основательного и устойчивого освоения Космоса, которая только обозначена в виде призыва к сотрудничеству разных форм разума, ибо только через восстановление целостности разума и сердца в каждом человеке и через преодоление экзистенциального разобщения между людьми и возможно подлинное становление разумной жизни как феномена космического. А все остальные пути освоения Космоса являются, по сути дела, половинчатыми и ненадежными.

Литература

1. *Гайденко П.П.* Бытие и разум // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 114 — 140.
2. *Гачева А.* Русский космизм в идеях и лицах. М.: Изд-во РГНФ, 2016. 230 с.
3. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический проект — Раритет, 2001.
4. *Калмыков А.А.* Космический разум, антропоцентризм, иконичность // Метапарадигма: Альманах богословия, философия, естествознание. СПб., 2015. № 7. С. 63—95.
5. *Кутырев В.А.* Унесенные прогрессом. СПб.: Алетейя, 2016. 300 с.
6. *Лев М.* Космос во славу Божию: Беседа с игуменом Иовом (Талацем), духовником отряда космонавтов: [Электронный ресурс]. URL: http://pravoslavie.ru/60790.html.
7. *Линник Ю.В.* Эстетика Космоса. Автореф. дис. … д-ра филос. наук. М.: Изд-во МГУ, 1988.
8. *Лыткин В.В.* Роль и место разума во Вселенной («космическая философия» К.Э. Циолковского) // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2016. № 12. С. 151 — 154.
9. *Машовский Б.М.* Критический анализ Н.Ф. Федоровым кантовской концепции соотношения теоретического и практического разума // Вестн. Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2008. № 2. С. 21 — 26.
10. *Панкрушина А.М.* Теоретико-мировоззренческие основы русского космизма в трудах Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского: [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3063.
11. *Симонова А.* Об античном понимании взаимодействия истины, добра и красоты // Вестник ВГУ. Сер. Философия. Воронеж, 2016. № 3. С. 187 — 196.
12. *Сластенко Е.Ф., Ягодзинский С.Н.* Мировоззренческий потенциал философии космизма в формировании космической личности // Космические путешествия: наука, образование, практика: Сб. науч. трудов. Киев: КУТЭП, 2010. С. 128 — 139.
13. *Смит Г.* Наука говорит об особенной роли человека во Вселенной? / Пер. с англ.: [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/science/20161207/238353534.html.
14. *Смолий К.* Космос как духовная скрепа для всего человечества: [Электронный ресурс]. URL: https://www.sonar2050.org/publications/kosmos-kak-duhovnaya-skrepa-dlya-vsego-chelovechestva/.

15. *Федоров Н.* Иго Канта: [Электронный ресурс]. URL: http://www.magister.msk.ru/library/philos/fedorov/fedor021.htm.

16. *Филатов В.П.* Живой Космос: Человек между силами Неба и земли // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 3 — 12.

17. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С. Шачина. Под ред. Д. Скляднева. СПб.: Наука, 2001.

18. *Хоркхайме М, Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М. СПб.: Ювента, 1997.

19. *Хоркхаймер М.* Затмение разума: К критике инструментального разума / Пер. с нем. И.А. Михайлова. М.: Канон, 2011.

20. *Хоружий С.* Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека // Православное учение о человеке. М.; Клин, 2004. С. 154 — 167.

21. *Шпидлик Т.* Русская идея: Иное видение человека. Гл. 5. Человек и космос**:** [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/russkaja-ideja-inoe-videnie-cheloveka/4.

22. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. Bd. 1.

23. *Seyfahrth C.* Gesellschaftliche Rationalisierung und die Entwicklung der Intellektuellenschichten // Max Weber und die Rationalisierung sozialen Handelns / Hrsg. von W. Sprondel und C. Seyfahrth. Stuttgart: Emke-Verlag, 1981. S. 189 — 224.

24. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre / Hrsg. von J. Winckelmann. Tübingen, 1968.

References

1. *Gajdenko P.P.* Bytie i razum // Voprosy filosofii. 1997. № 7. S. 114 — 140.

2. *Gacheva A.* Russkij kosmizm v ideyakh i litsakh. M.: Izd-vo RGNF, 2016. 230 s.

3. *Zen'kovskij V.V.* Istoriya russkoj filosofii. M.: Akademicheskij proekt — Raritet, 2001.

4. *Kalmykov A.A.* Kosmicheskij razum, antropotsentrizm, ikonichnost' // Metaparadigma: Al'manakh bogosloviya, filosofiya, estestvoznanie. SPb., 2015. № 7. S. 63—95.

5. *Kutyryov V.A.* Unesyonnye progressom. SPb.: Aletejya, 2016. 300 s.

6. *Lev M.* Kosmos vo slavu Bozhiyu: Beseda s igumenom Iovom (Talatsem), dukhovnikom otryada kosmonavtov: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://pravoslavie.ru/60790.html.

7. *Linnik YU.V.* EHstetika Kosmosa. Avtoref. diss. … dokt. filos. nauk. M.: Izd-vo MGU, 1988.

8. *Lytkin V.V.* Rol' i mesto razuma vo Vselennoj («kosmicheskaya filosofiya» K.EH. TSiolkovskogo) // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. Ekaterinburg, 2016. № 12. S. 151 — 154.

9. *Mashovskij B.M.* Kriticheskij analiz N.F. Fedorovym kantovskoj kontseptsii sootnosheniya teoreticheskogo i prakticheskogo razuma // Vestn. Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta im. V.P. Astaf'eva, 2008. № 2. S. 21 — 26.

10. *Pankrushina A.M.* Teoretiko-mirovozzrencheskie osnovy russkogo kosmizma v trudakh N.F. Fedorova, K.EH. TSiolkovskogo, V.I. Vernadskogo: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3063.

11. *Simonova A.* Ob antichnom ponimanii vzaimodejstviya istiny, dobra i krasoty // Vestnik VGU. Ser. Filosofiya. Voronezh, 2016. № 3. S. 187 — 196.

12. *Slastenko E.F., YAgodzinskij S.N.* Mirovozzrencheskij potentsial filosofii kosmizma v formirovanii kosmicheskoj lichnosti // Kosmicheskie puteshestviya: nauka, obrazovanie, praktika: Sb. nauch. trudov. Kiev: KUTEHP, 2010. S. 128 — 139.

13. *Smit G.* Nauka govorit ob osobennoj roli cheloveka vo Vselennoj? / Per. s angl.: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://inosmi.ru/science/20161207/238353534.html.

14. *Smolij K.* Kosmos kak dukhovnaya skrepa dlya vsego chelovechestva: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.sonar2050.org/publications/kosmos-kak-duhovnaya-skrepa-dlya-vsego-chelovechestva/.

15. *Fyodorov N.* Igo Kanta: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.magister.msk.ru/library/philos/fedorov/fedor021.htm.

16. Filatov V.P. ZHivoj Kosmos: CHelovek mezhdu silami Neba i zemli // Voprosy filosofii. 1994. № 4. S. 3 — 12.

17. KHabermas YU. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie / Per. s nem. S. SHachina. Pod red. D. Sklyadneva. SPb.: Nauka, 2001.

18. *KHorkkhajme M, Adorno T.* Dialektika prosveshheniya. Filosofskie fragmenty / Per. s nem. M. Kuznetsova. M. SPb.: YUventa, 1997.

19. *KHorkkhajmer M.* Zatmenie razuma: K kritike instrumental'nogo razuma / Per. s nem. I.A. Mikhajlova. M.: Kanon, 2011.

20. *KHoruzhij S.* Pravoslavno-asketicheskaya antropologiya i krizis sovremennogo cheloveka // Pravoslavnoe uchenie o cheloveke. M.; Klin, 2004. S. 154 — 167.

21. *SHpidlik T.* Russkaya ideya: Inoe videnie cheloveka. Gl. 5. CHelovek i kosmos: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/russkaja-ideja-inoe-videnie-cheloveka/4.

II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В.П. КОЖЕВНИКОВ

Источники модернизации-неоиндустриализации России*

Аннотация. Модернизация-неоиндустриализация — основной путь спасения России. Ставится вопрос как найти необходимые источники финансирования. Опровергается утверждение либеральных экономистов о том, что у России нет источников финансирования, кроме эффективной ценовой, денежно-кредитной, налоговой и бюджетной политики внутри страны. Анализируется кризис инвестиционного процесса в России, утверждается необходимость смены его парадигмы развития, раскрываются реальные источники финансирования модернизации-неоиндустриализации.

Ключевые слова: денационализация, деиндустриализация, модернизация-неоиндустриализация, источники финансирования, инвестиционный процесс, деприватизация, национализация, командные высоты экономики, вертикальная интеграция.

Abstract. Modernization-neoindustrialization — the main way of rescue of Russia. The problem is put as to organize it and to find necessary financing sources through ruling forces and a personnel with which interests she does not answer. The statement of the liberal economists that Russia has no financing sources, except carrying out effective price, monetary and credit, tax and budget policy within the country is disproved. Crisis of investment process in Russia is analyzed, need of change of his paradigm of development affirms, real financing sources of modernization neoindustrialization are disclosed.

Keywords: denationalization, deindustrialization, modernization neoindustrialization, financing sources, investment process, deprivatization, nationalization, command heights of economy, vertical integration.

УДК 008(07)
ББК 6/8

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кожевников В.П. Источники модернизации-неоиндустриализации России // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 51—63.

Модернизация — вовсе не линейное развитие по единому пути, пройденному западными странами. Формы ее разнообразны. И. Валлерстайн доказал, что каждая страна в процессе модернизации развивается по собственной траектории, не повторяя чужой опыт. Приоритет в разработке концепта национальной модернизации принадлежит В.Г. Федотовой [23]. Конкретный облик модернизации, ее духовные процессы, многомерность и сложность определяются культурой, традиции которой выступают в качестве ее ресурса. В России происходит усвоение внешнего или оперативного западного опыта при разрушении собственных культурных традиций общества. Идет вестернизация без модернизации, при растущей деиндустриализации. С. Губанов обосновывает мысль, что неоиндустриальная парадигма развития является исторической закономерностью. Системный кризис привел Россию к масштабной деиндустриализации, которая парализовала внутреннее производство машинных средств производства, что привело к системной отсталости индустриальной базы общественного воспроизводства. Мы разделяем его вывод, что надо проводить неоиндустриализацию страны, даже если для этого придется использовать методы мобилизационной экономики. Основной путь развития России: вертикальная интеграция плюс неоиндустриализация [4, 22—39].

Следует выделить ряд негативных тенденций, которые препятствуют неоиндустриализации. С начала приватизации экономическая и структурная эффективность народного хозяйства остается ниже дореформенного уровня. Экономика России проявляет устойчивую невосприимчивость к инновациям. Как отмечают С. Кочетков и О. Кочеткова, нет решений, практических действий по восстановлению производственного комплекса страны, наращивания инновационного потенциала промышленных предприятий. Нет использования новой технологии производства, динамика которого не связывается с освоением нововведений, обновлением [10, 55—59].

В России слабо развит внутренний рынок как главный фактор роста производства и национального источника накопления, поэтому необходим переход от внешнеэкономической модернизации к ускоренному его развитию, поскольку был нарушен принцип приоритетности его формирования по сравнению с задачей вхождения в мировой рынок. Нельзя сводить интеграцию национальной экономики в мировое хозяйство к внешнеторговой либерализации. Нельзя успешно конкурировать на внешнем рынке, уступая иностранным производителям на внутреннем [8, 108—117]. Наконец, нельзя не сказать о роли субъективного фактора в осуществлении модернизации-индустриализации России. В СМИ открыто звучит мысль о том, что если не будет

В.В. Путина, то правящая элита «побежит сдаваться Западу». Президент Ассоциации российских банков Г.А. Тосунян замечал, что «многие из российских банков сегодня спят и видят, как продаться, привлекая иностранный капитал» [22, 23]. Вопрос в том, как реализовать план неоиндустриализации через правящие силы и кадры, интересам которых она не отвечает? В этих условиях остро встает вопрос об источниках неоиндустриализации. Действительно ли верно мнение многих либеральных экономистов о том, что у России нет источников финансирования, кроме проведения эффективной ценовой, денежно-кредитной, налоговой и бюджетной политики внутри страны?

Мобилизация инвестиций на инновационное обновление производства из накоплений государства отрицается до сих пор, хотя именно инвестиции служат мотором экономического роста. А.Л. Кудрин осознал это лишь в 2011 г. Налицо нерегулируемость и неуправляемость инновационной деятельности в России. Отсутствует механизм сдерживания массовых финансовых вложений организаций на фондовом рынке, носящих спекулятивный характер [20, 43—47]. Признавая исчерпаемость экспортно-сырьевой модели, Министерство экономического развития РФ не видит по-прежнему иных факторов экономического роста, кроме роста цен на углеводороды на мировом рынке. Приоритетными являются инвестиции в топливно-энергетический комплекс. Рост инвестиций в основной капитал за эти годы (2014—2018) определялся якобы наращиванием частных инвестиций на фоне сокращения государственных расходов. А. Амосов считает, что реального увеличения объемов инвестиций в обрабатывающую промышленность и машиностроение не произошло, а вернуть вывезенный из России капитал не удастся никогда [1, 3—5].

В России надо менять сложившуюся инвестиционную систему, которая носит суррогатный характер. Крупный бизнес зависит от бюджетных источников, а система перекачивает ресурсы из рентабельных отраслей в убыточные с помощью различных форм дотаций. Это одно из звеньев механизма нерационального использования финансовых ресурсов национальной экономики. Дело в том, что среди пятисот наиболее дорогих компаний мира семь российских, но ни одна не представляет новые отрасли — в их число входят только добывающие и один банк. Крупный бизнес, зависящий от бюджетных источников, не может обеспечить устойчивое воспроизводство. В. Зубов и В. Иноземцев предлагают резко ограничить масштабы суррогатной инвестиционной системы, как конкурента инвестиционной системы классического типа; изменить парадигму ее развития [6, 83].

Развернутую программу по созданию инновационной системы, изысканию источников неоиндустриализации предложил С. Губанов. Чтобы увеличить ресурсы реального накопления ряд специалистов предлагают создать федеральное агентство, которое выкупало бы главные товары минерально-сырьевого экспорта по внутренним ценам, а реализовало по экспортным, зачисляя валютную выручку на счета особого капитального фонда; перевести государственный бюджет на внутренние источники доходной части для повышения его инвестиционного потенциала; ввести селективное применение налога с оборота, прогрессивную шкалу подоходного налога, налога на спекулятивные доходы и налог на недвижимость; образовать общегосударственный фонд амортизационных отчислений и создать механизмы их строгого целевого назначения; превратить ценообразование в планово-регулируемое. Источником плановых капитальных вложений должен выступать централизованный фонд совокупного накопления, который призван гарантировать плановый уровень доли внутреннего накопления, окупаемость капитальных вложений. Централизованные внутренние накопления в свой состав включают: особый капитальный фонд для импорта техники; единый фонд амортизационных отчислений, капитализированную прибыль; инвестиционную часть государственного бюджета; некоторые виды банковских депозитов; производственные, машинно-технические и технологические по составу иностранные инвестиции. Чистыми кредиторами должны стать секторы финансовых корпораций, государственного управления (государственный бюджет), домашних хозяйств населения, внутренней экономики в целом [3, 17].

А. Селезнев справедливо считает, что преступно сформированная антигосударственная и компрадорская, несозидательная собственность после «шоковой» денационализации должна быть возвращена государству. При этом сторонники неоиндустриальной парадигмы ограничивают национализацию сугубо стратегической собственностью для того, чтобы восстановить государственный суверенитет России над командными высотами отечественной экономики. Отстаивание властью антигосударственной олигархической собственности чревато загниванием России. Только расширение государственного сектора в экономике на базе деприватизации, расширения инвестиционной базы, государственного регулирования, планирования и производственно-инвестиционной деятельности возможно спасение России. Стратегическую ренационализацию, деприватизацию нельзя отожествлять с экспроприацией собственности, поскольку они должны осуществляться за счет средств государственного бюджета для компенсации выплат владельцам [18, 22—23].

В России преобладает тенденция роста цен и увеличения издержек производства. Был осуществлен переход к монопольно-спекулятивному ценообразованию, что сделало обрабатывающую промышленность и другие виды производственной деятельности неконкурентоспособными и нерентабельными. В мае 2012 г. издан указ президента о переходе к новой экономической политике, где предусматривается увеличение объема инвестиций до 25% внутреннего валового продукта к 2015 г. и до 27% — к 2018 г., создание 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. В существующей государственной программе по развитию промышленности предусматривается финансирование из государственных источников в объеме около 450 млрд р. и частных источников — свыше 3 трлн р. Соотношение один к семи [14, 4—5]. На конференции партии «Единая Россия» по стратегии развития Приволжского федерального округа 14 сентября 2010 г. В.В. Путин подчеркнул, что «деиндустриализация России — это абсолютно тупиковый путь», сырьевая зависимость приведет к тому, что Россия останется в самом низу пирамиды международного разделения труда, скатится вниз по уровню жизни, что от этого пострадают все, в том числе и те, кто сегодня выступает за то, чтобы все закупалось за границей. Но пока дело ограничивается декларациями о намерениях.

Государственные резервы России используются для консервации отсталости. Государство должно владеть материальными факторами производства: водными и земельными ресурсами, лесным фондом, недрами, производственной инфраструктура, энергетическими ресурсами и др. Они должны быть государственной собственностью и не могут быть объектами приватизации, предметами купли-продажи и иных действий, меняющих их правовой статус. Р. Кучуков справедливо, на наш взгляд, предлагает принять решение о ренационализации компаний и предприятий, эксплуатирующих природные ресурсы, — отчасти с выкупом. Земля, природные блага должны быть общественным достоянием, как в Норвегии, где вся нефтегазовая сфера находится в государственной собственности. Еще в 2013 г. предлагалось разработать план деприватизации крупнейших предприятий и объединений, составляющих ядро базовых отраслей экономики, в том числе АПК, поскольку неэффективность частного олигархического капитала стала очевидна, а народ против политики безграничного присвоения национального богатства страны в частных интересах. В структуре национальной собственности государственная форма должна составлять не менее 60 — 65% [11, 17].

А. Амосов рекомендует вернуть в бюджет доходы от пищевой и легкой промышленности, которые выпали из него с передачей многих

высокорентабельных производств в руки зарубежных фирм-конкурентов. Следует остановить вывоз капитала, принять меры принуждения акционерных обществ в сфере индустриальной деятельности, инвестировать в расширение производства внутри страны, в реальное импортозамещение, восстановление и развитие обрабатывающей промышленности, без которой Россия не выживет. Нужно также ограничить использование доходов от реализации продукции и услуг на личное потребление [1, 12]. Только контроль государства над стратегическими природными, энергетическими и финансовыми ресурсами может обеспечить новую индустриализацию и конкурентоспособность производства. Программа новой индустриализации, как отмечает В. Рязанов, потребует, по разным оценкам, от 43 до 70 трлн р. Ее концентрация фактически означает увеличение в 1,5 раза годовой величины капитальных вложений в экономику [17, 32].

Фундаментальной предпосылкой суверенного развития экономики России является передача в собственность государства добычи и переработки полезных ископаемых, нефтегазовых и энергетических отраслей, главных отраслей машиностроения, ОПК, железных дорог, морского и авиационного транспорта. Несмотря на тысячи экономических исследований, доказать преимущества частной собственности по сравнению с государственной с точки зрения эффективности на материале промышленно развитых стран не удается. Только государственная собственность позволяет вводить эффективную систему планирования и регулирования экономики в национальных общественных интересах. Эффективность постсоветских частных компаний ниже, чем эффективность государственных предприятий в СССР. В России необходимо создание планового-интегрированной экономической системы. Как подчеркивает С. Губанов, новую индустриализацию с опорой на олигархическо-компрадорскую собственность провести нельзя, поскольку она дезинтегрирована и ставит частные интересы выше общественно-государственных. В России должна быть установлена вертикально-интегрированная собственность, сформирована планово-экономическая система. Это должны быть вертикально интегрированные ТНК, а не низший частнохозяйственный капитализм [2, 22—23].

Из-за отказа от прогрессивной системы налогообложения доходов бюджет ежегодно теряет миллиардные суммы. Необходимо применить прогрессивный подоходный налог по американским и европейским стандартам. Уровень прогрессивной шкалы подоходного налога в промышленно развитых странах составляет: США — 15—35%, Великобритания — 0—40%, Франция — 5,5—40%, Германия — 0—42%, Китай — 5—45%, Япония — 5—50%, Швеция — 0—57% и т. д. Верх-

няя ступень этого налога составляет обычно 40—50%, а в кризисные годы поднимется до 60—70%. Введение налога на физические, а не только юридические лица увеличит поступление в государственный бюджет России на 2—3 трлн р. в год [12, 23—24].

Огромные деньги государство теряет из-за льготного налогообложения или его отсутствия вовсе в сырьевом секторе экономики. Академик РАН Н. Шмелев отмечал, что налоговая система позволяет нефтяным монополиям присваивать более 60% природной ренты на энергосырьевые ресурсы, тогда как в Норвегии и Саудовской Аравии этот показатель составляет лишь 10—20%. После уплаты налогов компании нефтегазового сектора России в 2012 г. получили прибыль свыше 3 трлн р. Основная их часть идет на обогащение владельцев компаний и вывозится за границу. Для наведения порядка и изыскания источников инновационного развития России не хватает политической воли и принятия принудительных мер.

Прогрессивная шкала налогов на доходы физических лиц считается во многих странах нормой социальной справедливости, а цены на потребительские блага контролируется. В России следует установить ее на физических лиц с уровнем доходов 100—150 тыс. р. в месяц. При недостижении этого применять единую действующую ставку налога, а сверх этого уровня — прогрессивную, в 1,5—2 раза выше основной. Лиц с минимальным доходом (ниже 15 тыс. р. в месяц) налогом не облагать. В 2012 — 2013 гг. среднемесячная заработная плата работников, находящихся на государственных должностях, в зависимости от региона была на уровне от 55 тыс. р. (Псковская область) до 225 тыс. р. (Республика Коми) — в 4,5—7,5 раз выше среднего уровня [19, 8—9, 16].

Россия служит инвестиционным донором иностранного капитала, одарив его за последние 9,5 лет суммой — без малого 1 трлн дол. Это в 1,5 раза превышает совокупный объем бюджетных расходов на всю программу модернизации Вооруженных сил страны до 2020 г. ЦБ РФ занижает абсолютные величины вывода капитала. В период с 2005 по 1 кв. 2013 гг., из России за рубеж вывезено 932,3 млрд дол., тогда как, по данным ЦБ РФ, — 267,7 млрд дол. [2, 19]. Государство и власть, как отмечает О. Рогова, не несут никакой ответственности за эффективное управление национальной собственностью [16, 55].

Многократно увеличили бы возможности финансирования неоиндустриализации расширение использования рубля в международных расчетах и придание российской валюте статуса международной. Необходимо, как отмечает С. Глазьев, восстановить ограничения на вывоз капитала в иностранной валюте при либерализации операций с

капиталом в рублях, перевести экспорт нефти, газа, промышленного сырья, транспортных и телекоммуникационных услуг в рубли, как и все внешнеторговые расчеты, включая и импорт товаров конечного спроса. Назрела необходимость дедолларизации экономики России. В. Рязанов предлагает ввести налог на финансовые трансакции и валютные спекуляции. Валютные сделки в 2012 г. только на московской бирже составили 117 трлн р., что в 5 раз превышает внешнеторговый оборот страны. Такой налог вводится в ЕС. Его применение в РФ со ставкой 0,1—0,2% позволит привлечь в бюджет от 200 до 400 млрд р. дополнительных доходов [17, 28]. Даже либеральные авторы считают, что длительная рецессия приведет к истощению накопленных резервов и запаса прочности, шокам и ошибочным решениям.

Необходимо менять отношение власти к крупным капиталам и научно-технической элите страны. Крупные собственники должны делать обязательные инвестиции. Государство же сняло с себя ответственность за развитие производства, прекратило поддерживать инвестиционные процессы. Ни фондовый рынок, ни банковская система, ни индивидуальные фонды не выполняют своих функций. Новые рыночные институты расширенного воспроизводства в России так и не сложились. Развитие их идет против объективных законов и тенденций.

От решения вопроса о собственности зависит, быть или не быть России неоиндустриальной и суверенной. Вопрос не в том, как преодолеть господство сил торможения и дезорганизации. В. Дасковский, В. Киселев считают, что государство должно реализовать свое конституционное право на владение всей природной рентой путем выкупа добывающих предприятий всех форм собственности по внутренним расчетным ценам и ввести монополию на торговлю ими на мировых рынках. Из вырученных валютных средств образовать капитальный резерв правительства, предназначенный для финансирования «прорывных программ». ЦБ РФ должен принять меры к сокращению бегства капитала и повышению эффективности общественного производства. Следует ввести монополию государственной торговли природными ресурсами. Главное — изъять природную ренту присвоения [5, 42].

Серьезным источником накопления может стать и эффективная борьба с коррупцией, разворовыванием государственного бюджета, что значительно усилит инвестиционную активность малого и среднего бизнеса. Председатель Конституционного суда В. Зорькин предлагает «ограничение юридического иммунитета выборных должностных ли» и «конфискацию имущества коррупционеров». На необходимости национализации нелегитимно сформировавшейся частной собственности настаивает и А. Селезнев. В. Зорькин против заявлений политиков о

том, что социальную нагрузку бюджета надо сокращать, ибо-де она является, чуть ли не главным тормозом экономического развития страны. Необходимо-де убрать и социальные обязательства бизнеса из норм законов в рамки факультативной благотворительности. Если в СССР при всех деформациях было социальное государство, то в России оно носит декларативный характер.

Деприватизацию неправомерно отожествлять с экспроприацией собственности. Об этом ученые говорят в течение всего постсоветского периода. В. Зорькин считает приватизацию собственности в РФ незаконной. Если в постсоветских странах Европы приватизацию начали с продажи нерентабельных предприятий, то в России с самых высокорентабельных отраслей, а денационализация природных ресурсов породила страшную коррупцию, разлагающую страну. В. Зорькин считает, что в России не решается назревшая проблема отказа от англосаксонского прецедентного права, что прецедент служит оправданием безнаказанного ограбления государства и потребителя. Модель прецедентного права в России ведет к тому, что процесс формирования преступной собственности продолжается во вновь изобретенных формах [18, 24—25].

Е. Тарандо обращает внимание на необходимость селективной, выборочной национализации, когда национализируются только командные высоты экономики, а не все подряд. Она должна быть стратегической, а не тотальной, при допущении выкупа. Главным звеном является создание ТНК, организованных на началах вертикальной интеграции в высокотехнологических отраслях производства. Субъектом создания ТНК может выступать только государство на базе государственных форм. В процессе стратегической национализации должна сформироваться система государственной собственности нового качества, работающая по стандартам социального государства. Она должна дополняться негосударственными формами собственности. Следует также предусмотреть комплекс мер по созданию предприятий с коллективной собственностью работников, как в США, в которых налицо соединение труда и собственности [21, 6—7]. На Западе государство стремится, чтобы процессы использования невозобновляемых полезных ископаемых отвечали общественным интересам. В России до настоящего времени учитываются интересы не столько общества, сколько владельцев контрольных пакетов акций компаний-недропользователей. Здесь целенаправленно формировалась олигархия — и в первую очередь в нефтедобывающих отраслях. Сумма платежей и налогов на нефть, поступавших в бюджет страны, составляла не более 4% всех доходов. Нефтяную ренту, которую раньше государ-

ство оставляло себе, стали присваивать частные нефтяные компании. И те доходы, за счет которых во времена СССР кормилось полмира, через систему трансфертных цен и оффшорных зон достаются немногим.

Опыт капитализации в России показывает, что для формирования материально-технической базы необходимы мобилизация источников неоиндустриализации и концентрация национального капитала. Но, к сожалению, частный капитал, в большинстве своем компрадорский, не способен выполнять национально-стратегические экономические цели. Поэтому объективно встает задача национализации командных высот экономики, восстановления отношения к сырьевым сферам как базисному продукту, а не частному товару. И в первую очередь, как пишет С. Губанов, надо национализировать электроэнергетику, чтобы она не была разделена на зоны господства частного капитала. Правительство же сделало все наоборот, ликвидировав РАО ЕЭС.

В связи с санкциями Россия не имеет источников при составлении бюджета для финансирования новых расходных обязательств, импортозамещения и тем более деиндустриализации. Правительство же и его премьер Д. Медведев считают национализацию «крайней мерой». Эту точку зрения разделяет и В. Иноземцев, который полагает, что у государства есть много других способов регулирования. Речь об этом может идти, если только Россия столкнется с большими сырьевыми монополиями. Национализация же не всегда дает экономический эффект [7, 14—15]. Мы полагаем, что без проведения в реальную жизнь вышеперечисленных мер Россия станет не жизнеспособной и окажется на обочине мировой цивилизации. В этой связи Ю. Лужков заметил, что, спасая бизнес, мы не должны спасать олигархов и горебизнесменов, а мы добавили бы финансовых спекулянтов и торгово-посредническую буржуазию, т. е. дотировать богатых. Для наведения же порядка необходимо хотя бы временно национализировать предприятия и корпорации или осуществить прямой выкуп оставшихся обязательств бизнеса перед Западом с последующим вхождением государства в капитал и управление. Цель национализации — сохранение суверенитета страны в сфере важнейших отраслей. Там, где национализации не потребуется, следует оговаривать поддержку государства ограничениями в хозяйственных правах или менять управленцев [13, 23].

Социологические исследования показали почти единодушное одобрение населением ренационализации крупных компаний. Но государственными должны быть не все крупные компании, национализировать надо в первую очередь неправедно денационализированные, чтобы искупить первородный грех приватизации. Люди уже давно разуверились в способности крупного частного бизнеса сделать больше, чем

капитал государства. Капитализм в России сталкивается с природно-географическими, временными и цивилизационными ограничениями, делающими его проблематичным [9, 84—94]. Он переживает глубокий структурный кризис, преодолеть который невозможно без перехода к новой парадигме экономического развития с учетом национальной специфики России [10, 194—213]. Основной путь развития России — вертикальная интеграция плюс неоиндустриализация. Его осуществление упирается в использование эффективных источников модернизации и волю президента, чтобы устранить сдерживающие факторы развития России. Необходимо, чтобы президент, представляющий интересы гражданского общества, оторвал исполнительную власть от ее главной на сегодня цели — «бюрократической ренты», ликвидировал участие власти в доходах, сращивание административно-государственной власти с бизнесом, подчинение всех сторон жизни страны частнособственническому присвоению власти [15, 89—94].

Литература

1. *Амосов А.* Об экономическом механизме нового индустриального развития // Экономист. 2014. № 2.
2. *Губанов С.* Автономная рецессия, как финальная фаза системного кризиса России // Экономист. 2013. № 9.
3. *Губанов С.* Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. 2014. № 4.
4. *Губанов С.* Неоиндустриальная парадигма развития: краткое обобщение // Экономист. 2017. № 11.
5. *Дасковский В., Киселев В.* Основы новой стратегии, модели и политики неоиндустриальной реконструкции // Экономист. 2014. № 1.
6. *Зубов В., Иноземцев В.* Суррогатная инвестиционная система // Вопросы экономики. 2015. № 3.
7. *Иноземцев В.* Будущее России — в новой индустриализации // Экономист. 2010. № 11.
8. *Кожевников В.П., Вострецов П.А.* Русская специфика новой парадигмы экономического развития России. Н. Новгород, 2016.
9. *Кожевников В.П.* Природно-географический тренд кризиса российского капитализма // Философия хозяйства. 2017. № 5.
10. *Кожевников В.П.* Структурный кризис российского капитализма // Философия хозяйства. 2018. № 1.
11. *Кочетков С., Кочеткова О.* Инновационный потенциал промышленных предприятий: определение и динамика развития // Экономист. 2017. № 10.

12. *Кучуков Р.* Неоиндустриальная модернизация и роль государственного сектора // Экономист. 2013. № 6.

13. *Кучуков Р.* Безальтернативность плановой неоиндустриальной модели // Экономист. 2015. № 4.

14. *Лужков Ю.* Кризис транскапитализма в России // Экономист. 2009. № 5.

15. *Матвиенко В.* Основы индустриализации России // Экономист. 2013. № 7.

16. *Ожерельев О.И.* Программа есть, что дальше? // Свободная мысль. 2017. № 6.

17. *Рогова О.* Как согласуются приватизация и новая индустриализация? // Экономист. 2013. № 8.

18. *Рязанов В.* Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8.

19. *Селезнев А.* Есть ли альтернатива парадигме новой индустриализации? // Экономист. 2014. № 8.

20. *Селезнев А.* Стартовые условия и проблемы бюджетной трехлетки (2015—2017 гг.) // Экономист. 2015. № 2.

21. *Сухарев О.* Структурные ограничения и подходы к их преодолению // Экономист. 2014. № 1.

22. *Торандо Е.* О Всероссийском экономическом совещании по новой индустриализации // Экономист. 2014. № 7.

23. *Тосунян Г.А*. Проблемы развития финансового рынка России // Экономическое возрождение России. 2017. № 2.

24. *Федотова В.Г.* Модернизация и культура. М., 2016

Reference

1. *Amosov A.* Ob ehkonomicheskom mekhanizme novogo industrial'nogo raz-vitiya // EHkonomist. 2014. № 2.

2. *Gubanov S.* Avtonomnaya retsessiya, kak final'naya faza sistemnogo kri-zisa Rossii // EHkonomist. 2013. № 9.

3. *Gubanov S.* Neoindustrializatsiya Rossii i nishheta ee sabotazhnoj kritiki // EHkonomist. 2014. № 4.

4. *Gubanov S.* Neoindustrial'naya paradigma razvitiya: kratkoe obobshhenie // EHkonomist. 2017. № 11.

5. *Daskovskij V., Kiselev V.* Osnovy novoj strategii, modeli i politiki neoindustrial'noj rekonstruktsii // EHkonomist. 2014. № 1.

6. *Zubov V., Inozemtsev V.* Surrogatnaya investitsionnaya sistema // Voprosy ehkonomiki. 2015. № 3.

7. *Inozemtsev V.* Budushhee Rossii — v novoj industrializatsii // EHkono-mist. 2010. № 11.

8. *Kozhevnikov V.P., Vostretsov P.A.* Russkaya spetsifika novoj paradigmy ehkonomicheskogo razvitiya Rossii. N. Novgorod, 2016.

9. *Kozhevnikov V.P.* Prirodno-geograficheskij trend krizisa rossijskogo kapitalizma // Filosofiya khozyajstva. 2017. № 5.

10. *Kozhevnikov V.P.* Strukturnyj krizis rossijskogo kapitalizma // Filosofiya khozyajstva. 2018. № 1.

11. *Kochetkov S., Kochetkova O.* Innovatsionnyj potentsial promyshlennykh predpriyatij: opredelenie i dinamika razvitiya // EHkonomist. 2017. № 10.

12. *Kuchukov R.* Neoindustrial'naya modernizatsiya i rol' gosudarstvennogo sektora // EHkonomist. 2013. № 6.

13. *Kuchukov R.* Bezal'ternativnost' planovoj neoindustrial'noj modeli // EHkonomist. 2015. № 4.

14. *Luzhkov YU.* Krizis transkapitalizma v Rossii // EHkonomist. 2009. № 5.

15. *Matvienko V.* Osnovy industrializatsii Rossii // EHkonomist. 2013. № 7.

16. *Ozherel'ev O.I.* Programma est', chto dal'she? // Svobodnaya mysl'. 2017. № 6.

17. *Rogova O.* Kak soglasuyutsya privatizatsiya i novaya industrializatsiya? // EHkonomist. 2013. № 8.

18. *Ryazanov V.* Vremya dlya novoj industrializatsii: perspektivy Rossii // EHkonomist. 2013. № 8.

19. *Seleznev A.* Est' li al'ternativa paradigme novoj industrializatsii? // EHkonomist. 2014. № 8.

20. *Seleznev A.* Startovye usloviya i problemy byudzhetnoj trekhletki (2015—2017 gg.) // EHkonomist. 2015. № 2.

21. *Sukharev O.* Strukturnye ogranicheniya i podkhody k ikh preodoleniyu // EHkonomist. 2014. № 1.

22. *Torando E.* O Vserossijskom ehkonomicheskom soveshhanii po novoj industrializatsii // EHkonomist. 2014. № 7.

23. *Tosunyan G.A.* Problemy razvitiya finansovogo rynka Rossii // EHko-nomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2017. № 2.

24. *Fedotova V.G.* Modernizatsiya i kul'tura. M., 2016

А.И. СЕЛИВАНОВ, В.Г. СТАРОВОЙТОВ, Д.В. ТРОШИН

Социальные аспекты факторного моделирования в управлении экономической безопасностью (на примере сферы «Качество жизни»)*

Аннотация. Представлен один из результатов выполнения научно-исследовательского проекта по разработке федеральной системы управления рисками (ФСУР) в соответствии с требованиями «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и другими нормативными правовыми документами. При создании модельного комплекса в качестве базовой предлагается факторная модель. Модель основывается на понимании биопсихосоциальной природы человека и использовании витального подхода, позволяющих органически сочетать безопасность, функционирование и развитие. Данная модель позволяет выявить потенциальное либо актуальное детерминирующее воздействие, предопределяющее и задающее характер и направление динамики в предметной области при изменении отдельных факторов, допускает алгоритмизацию и рациональное компьютерное представление. Развернут пилотный вариант модели в предметной области «Качество жизни».

Ключевые слова: федеральная система управления рисками, экономическая безопасность, качество жизни, счастье, уровень жизни, факторное моделирование.

Abstract. Presents one of the results of the implementation of the research project on the development of the Federal risk management system (FRMS) in accordance with the requirements of the «Strategy of economic security of the Russian Federation for the period till 2030» and other norma-

*Статья написана по результатам комплексного исследования, опубликованным и размещенным на сайте Финансового университета при Правительстве РФ (fa.ru).

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Селиванов А.И., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В. Социальные аспекты факторного моделирования в управлении экономической безопасностью (на примере сферы «Качество жизни») // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 64—81.

tive legal documents. When you create a model of the complex as the underlying factor model is proposed. The model is based on the biopsychosocial understanding human nature and using the vital approach, complexity, orientation towards the combination of social security of the facility, optimal functioning and development. This model allows us to identify potential or actual restrictive effects, determining and defining the nature and direction of performance in the subject area when you change certain factors, allows a rational algorithmic and computer representation. Deployed a pilot version of the model in the subject area «Quality of life».

Keywords: Federal system of risk management, economic security, quality of life, happiness, factor modeling.

УДК: 330.34 (338.22, 124, 116)
ББК 65в

Постановка задачи

В настоящее время в соответствии со «Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208, далее — Стратегия ЭБ) и другими распорядительными документами высшего государственного руководства начато создание государственной федеральной системы управления рисками (далее — ФСУР), которая должна вступить в действие в срок до 2019 г. Эта система является компонентом системы государственного стратегического управления и формируется с целью создания механизмов своевременного выявления вызовов и угроз экономической безопасности в закрепленной сфере ответственности федеральных органов исполнительной власти и субъектов Российской Федерации, выявления и оценки рисков, а также выработки органами государственного и корпоративного управления управленческих решений по оперативному реагированию на выявленные угрозы, риски, уязвимости в рамках единого регламента взаимодействия. Ответственным исполнителем создания и координатором обеспечения функционирования ФСУР определено Министерство экономической развития Российской Федерации. Курирует проект Совет Безопасности РФ.

В 2017 г. Институтом экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации совместно с Институтом прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН в интересах Министерства экономического развития Российской Федерации была выполнена НИР на

тему «Формирование методик и механизмов федеральной системы управления рисками социально-экономического развития и обеспечения экономической безопасности». Методология, положенная в основание исследования, базируется на понимании комплексной биопсихосоциальной природы человека и витальном подходе, она изложена нами в ряде публикаций (см., напр.: [28]).

Одной из важнейших задач, обнаружившихся в ходе исследования, является необходимость широкого использования экспертного сообщества и прикладных социологических исследований для обеспечения функционирования ФСУР как масштабной федеральной системы, привлечения для этого на постоянной основе и дополнительное формирование социологических структур и экспертных групп, способных решать широкий спектр задач мониторингового типа, формирование межведомственных рабочих групп.

В данной статье раскрываются основные положения предложенной исследовательским коллективом базовой модели ФСУР на примере одной из охваченных предметных областей социально-экономического развития — «Качество жизни».

Общие подходы к моделированию применительно к ФСУР

Основой создания и функционирования ФСУР как масштабной государственной организационно-управленческой системы должна являться некоторая модель, которая позволяла бы агрегировать в себе совокупность вызовов, угроз, уязвимостей, рисков и отразить их посредством взаимосвязанных количественных и качественных показателей в статике и динамике, в том числе в удаленной перспективе. Это — сложнейшая задача. Как показало исследование, даже выбор типа и разработка вариантов такой модели — нетривиальные задачи.

Авторам понятно, что полное отражение реального объекта во всех аспектах и решение всего круга задач возможно лишь с помощью набора различных моделей, отражающих разные стороны реальности с разной степенью аутентичности. Так, в настоящее время для анализа социальных объектов и процессов используются (могут быть использованы) следующие типы моделей: структурно-функциональные, балансовые, мультиагентные, потоковые (процессуальные), причинно-следственные (факторные), цивилизационные (культурно-ценностные) и некоторые другие.

Анализ использования некоторых моделей на практике для целей обеспечения экономической безопасности в предыдущие годы и экспертная оценка возможностей других моделей показали, что для целей построения ФСУР на начальном этапе, когда требуется адекват-

но отразить предметную область в многообразии детерминирующих ее оснований, наиболее аутентичной является факторная модель[1]. Она способна отобразить всю совокупность причинных оснований состояния и динамики объекта, возникающих угроз и рисков в их соотнесенности с витальным принципом как соответствием состояния объекта его оптимальной жизнеспособности, обеспечению самовоспроизводства, развития, конкурентоспособности и выживанию во внешней среде с одновременной алгоритмизируемостью построения. Другие модели представляются возможными в качестве вспомогательных либо востребуемых на последующих этапах развития ФСУР, в том числе для более глубоких и детальных исследований.

Комплексный анализ и компьютерное моделирование показали, что факторная модель может быть использована и согласована на разных уровнях, в разных областях, для решения различных задач. Так, она равно успешно может моделировать отраслевые сегменты экономики (например, финансы, энергетику), региональные объекты, состояния и отношения в объекте (например, качество жизни, открытость экономики, научно-техническое развитие). Модель достаточно удобна и эффективна для использования федеральными органами власти, несет в себе сочетание необходимости и достаточности, компьютеризируема, хорошо визуализируема, эффективно имитирует состояние объекта при изменении того или иного фактора или избранной группы факторов, на ее основе можно получать дополнительные возможности при выработке и принятии управленческого решения. Продемонстрируем содержательное наполнение и некоторые потенциальные возможности факторной модели на примере предметной области «Качество жизни».

«Качество жизни» как предмет исследования и сфера управления

Начать необходимо с того, что проблематика качества жизни в современном обществе — серьезная многоаспектная междисциплинарная проблема. Ее обсуждение осуществляется на уровне философии (особенно с точки зрения культурологических и культурно-антропологических оснований мировоззрений, систем ценностей в предметной области оценки качества жизни и сопутствующим ему понятий, таких как счастье, благополучие, благосостояние, человеческий

[1]Под фактором понимается некое потенциальное либо актуальное детерминирующее воздействие, т. е. воздействие обусловливающее, предопределяющее, задающее характер и направление того или иного процесса в объекте, причина или причинный комплекс.

потенциал), в социологии (особенно с точки зрения выявления ценностных ориентаций различных групп населения, количественных оценок уровня счастья, индекса развития человеческого капитала, оценок уровня благосостояния), в экономике (особенно методами эконометрики, а также методами политической экономии), в статистике (весь набор методов), в психологии (психологические аспекты системы ценностей, концепции счастья, личностные оценки благополучия).

Для иллюстрации, достаточной для решения поставленной задачи, проведем краткий обзор основных направлений, аспектов, концептуальных понятий, используемых в современной философской и научной литературе в сфере качества жизни. Причем, предваряя обзор, отметим, что в большинстве отечественных философских и социально-научных исследований в настоящее время заимствуются зарубежные подходы и методы, но даже с использованием этих существующих методик в России проводится крайне недостаточно самостоятельных исследований. При этом информированность о мировых научных достижениях в этой области является достаточно полной.

В области психологии осмысляется множество аспектов «психологии счастья» [3]. Среди специальных направлений исследований можно привести обзор психоаналитической концепции и разработку в ее русле модели личностно-ориентированной концепции счастья [14], феноменологический анализ эмоционально-личностного благополучия [10], обсуждение счастья с позиций эскапизма, также важное в условиях нарастания индивидуалистических жизненных стратегий в России [18] и др.

Философские подходы как компоненты этики от древности до современности также известны российскому сообществу. Причем в каждой философской парадигме качество жизни и критерии счастья определялись ее мировоззренческим базисом: материализм предлагает путь обеспечения счастья в первую очередь через решение материальных проблем жизни человека и общества, через обеспечение материальной составляющей качества жизни как условия строительства духовной компоненты качества жизни; религиозная философия главное счастье земной жизни видит в обеспечении условий попадания человека в рай после смерти как вечного счастья в награду за праведную жизнь, служение или страдание; позитивистская философия полагает качество жизни лишь такой совокупностью материальных и духовных качеств, которые поддаются наблюдению, являются феноменальными и измеряемыми обстоятельствами, исчисляемыми расчетными показателями и измеряемыми факторами — собственно, именно по этому пути сегодня идет западная методология оценки качества жизни и уровня

счастья; субъективно-идеалистическая философия предлагает оценивать счастье как внутреннее переживание человека в его позиционировании в окружающем мире, создав, кроме всего прочего, основы для психологических концепций; объективно-идеалистические концепции полагают главной целью обретения блага и счастья исполнение высших идеальных законов мироздания, верное понимание которых способно привести к «цветению бытия». Другие философские концепции также предлагают свои варианты, которые в целом базируются на пяти указанных выше.

В последние годы различные аспекты счастья как состояния, характеризующего качество жизни, включая культурологические и компаративистские исследования, широко и в различных аспектах исследуются в отечественной научной литературе (напр.: [1; 5; 8—9; 13; 21—22; 23; 27]).

В прагматических и управленческих целях в настоящее время в оценке качества жизни принято опираться на подходы, используемые ООН и различные комплексные международные исследования. Официально в 2006 г. впервые Генеральной Ассамблеей ООН было предложено оценивать уровень счастья населения посредством расчета комбинированного показателя «Индекса счастья на планете» («The Happy Planet Index») [29][2]. В 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию под названием «Счастье: целостный подход к развитию», подготовленную в соавторстве более чем пятидесятью стран. В содержании этого документа указано, что счастье должно стать показателем развития страны. Несмотря на кажущийся универсальным подход, многие страны, используя общие методологические концепции, определяют собственные, укорененные в культуре наборы факторов и ценностей. Так, в 2011 г. в Китае было решено ввести свой индекс счастья, который будет учитывать образование, культуру, спорт, расходы на научные исследования. В России также есть свои методы измерения счастья, которые учитывают такие показатели, как уровень безопасности, состояние экологии, ощущение перемен к лучшему.

Постепенно в мире стало складываться направление, получившее название «экономика счастья», объединяющее в себе изучение экономических (условно — материальных) и неэкономических (условно — идеальных, духовных) факторов с попыткой найти индикаторы, которые отражали бы весь комплекс понятия «качество жизни» и вы-

[2]См. также: Институт Земли: Рейтинг стран мира по уровню счастья населения в 2015 году // Центр гуманитарных технологий. — 24.04.2015. URL: http://gtmarket.ru/news/2015/04/24/7130 (дата обращения: 29.01.18).

ходили на оценку «уровня счастья» общества в целом, включая субъективные оценки гражданами собственной жизни [2; 4; 6—7; 15; 17; 24; 26]. Этот подход становится интегральным в оценке качества жизни, дополняя и развивая его, тогда как подход на основе «уровня жизни» традиционно ориентировался на материальные показатели обеспеченности товарами и услугами, а также статистические показатели, отражающие уровень безопасности, комфорта в жизни или статистики отвержения жизни. Имеются научные сопоставления уровня жизни, качества жизни и индекса счастья [12].

Другим интегральным показателем является индекс развития человеческого потенциала. Данный индекс впервые был рассчитан в 1990 г. в Программе развития ООН [30]. Его современные оценки также известны в российской науке [11; 25]. Важно отметить, что в него также входят субъективные оценки самоощущения удовлетворенности жизнью.

Факторная модель сферы «Качество жизни»

На основе изучения существующего в мировой и отечественной науке задела в проведенном нами исследовании на основе экспертного анализа выявлена совокупность факторов, определяющих состояние и динамику, объект исследования «Качество жизни», который декомпозирован на двенадцать аспектов предметной области, в каждой из которой выделены факторы, определяющие ее состояние и развитие[3]. В состав этих факторов включены как объективные, вытекающие из реальных условий жизнедеятельности и ее обеспечения, так и субъективные, связанные с самоощущением человека и информационным воздействием на это ощущение. Данный набор факторов претендует на полноту охвата предметной области. Отметим особо, что предложенный подход к выделению факторов для формирования управленческой модели объясняется тем, что при решении задачи обеспечения качества жизни невозможно абстрагироваться от самоощущения населения и ограничиться только объективными критериями — поскольку понятно, что задача обеспечения качества жизни не будет решена, если потребители ее результата, т. е. общество в целом и каждый человек в отдельности, не будут удовлетворены качеством своей жизни.

Важно отметить, что выделение факторов не может быть произведено единственно верным способом на основе строго обоснованных

[3] В данной статье впервые приводится весь комплекс факторов сферы «Качество жизни». Некоторые из факторов этой сферы использованы авторами в более ранних работах в качестве иллюстрации [19, 105—106; 20, 24—25].

правил. Эта задача носит творческий (эвристический и экспертный) характер, и качество ее решения зависит от профессиональной квалификации, культуры системного мышления и опыта разработчиков по поддержке решений реальных управленческих задач. В идеале факторная модель и каждый предлагаемый ее вариант должны обсуждаться в среде специалистов и утверждаться лицами, планирующими ее использование для подготовки конкретных управленческих решений. Именно практика масштабирования управленческих задач на федеральном уровне легла в основу масштабирования предлагаемой факторной модели: каждый фактор соответствует определенному направлению деятельности, выполнению функции государственной системы власти (в перспективе ФСУР). При этом важно обратить внимание, что ряд выделенных в исследовании факторов лишь предполагает организацию соответствующих направлений деятельности, поскольку в настоящее время не входит в сферу внимания и практической деятельности государства.

Аспекты качества жизни и включенные в них факторы, выявленные в данном исследовании, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Аспекты качества жизни и соответствующие им факторы

Аспект предметной области	Фактор
Жилье	Обеспеченность жильем
	Качество жилья
Материальный достаток (материальное благосостояние)	Уровень располагаемого дохода на душу населения
	Расслоение населения по уровню дохода
	Доля населения с доходами на душу ниже прожиточного минимума
	Качественный состав потребительской корзины
	Степень удовлетворенности своим материальным благосостоянием, в том числе располагаемым доходом (социология)
	Качество питания (социология)
	Наличие товаров длительного пользования в домашних хозяйствах
	Доля населения, которая экономит на питании (социология)
	Насыщенность рынка товаров потребления домашними хозяйствами

Продолжение табл. 1

Безопасность жизнедеятельности	Травматизм и несчастные случаи на производстве
	Безопасность на транспорте
	Безопасность инфраструктуры населенных пунктов
	Безопасность продукции потребления домашними хозяйствами
	Безопасность (защищенность) государства от внешних угроз (научные исследования, экспертная оценка)
	Экстремистская, террористическая и диверсионная деятельность (экспертные оценки)
	Качество экстренных служб безопасности, включая МЧС
	Обеспечение суверенитета страны (экспертная оценка)
	Правопорядок, уровень преступности (в отношении личности и домашних хозяйств)
	Субъективное ощущение безопасности (защищенности) жизнедеятельности (социология)
	Экологическая безопасность природной среды места жительства
	Стихийные бедствия
Здоровье	Качество медицинских услуг (уровень технического обеспечения медицины, адекватность диагностики, своевременность и полнота лечения, эффективность экстренной медицинской помощи и т. д.) (научные исследования, экспертные оценки)
	Эффективность эпидемиологической службы (научные исследования, экспертные оценки)
	Состояние инфраструктуры и организации медицинского обслуживания (социология, матмоделирование)
	Состояние и организация системы профилактики здоровья (в том числе диспансеризация, прививки и др.)
	Обеспечение лекарственными средствами, медицинскими препаратами и оборудованием личного потребления
	Распространенность шарлатанских методов лечения

Продолжение табл. 1

	Состояние пропаганды здорового образа жизни и состояние информационной среды для воспитания и поддержания жизненного оптимизма
	Состояние и организация физической культуры
	Уровень грамотности населения в отношении здоровья (социология)
Культура, духовность, образование	Качество общего среднего образования (научные исследования, экспертные оценки)
	Качество среднего профессионального образования (научные исследования, экспертные оценки)
	Качество высшего образования (научные исследования, экспертные оценки)
	Развитость системы непрерывного образования и профессиональной переподготовки (научные исследования, экспертные оценки, статистика)
	Качество материальной и нематериальной инфраструктуры образования (основные фонды, научное и научно-методическое обеспечение образования, прогнозов потребности в профессиях)
	Качество и доступность внешкольного образования и воспитания
	Информационно-пропагандистское обеспечение системы образования, профессиональной ориентации и тяги к знаниям
	Доступность инфраструктуры удовлетворения культурно-образовательных и эстетических потребностей (библиотеки, музеи, театры, кино, выставочные залы и др.)
	Доступность интернет-пространства
	Качество контента информационного пространства, включая СМИ и интернет, его соответствие национальным интересам и культурной идентичности (научные исследования, экспертные оценки)
	Моральные отношения в обществе, их соответствие национальным интересам
	Доступность инфраструктуры культовых учреждений традиционных религий
	Удовлетворение национально-культурных интересов (социология)

Продолжение табл. 1

	Удовлетворение творческого самовыражения (социология)
Семья	Состав семьи
	Отношения в семье
	Инфраструктура дошкольного воспитания и образования, семейных услуг
	Информационное и методическое обеспечение семейного воспитания (научные исследования, экспертные оценки)
	Политика поддержки семьи и воспроизводства населения, демографическая политика (научные исследования, экспертные оценки)
	Качество детских образовательных и воспитательных институтов и учреждений (научные исследования, экспертные оценки)
	Воспроизводство традиций многопоколенной семьи
Работа, труд	Удовлетворение профессией и содержанием труда
	Удовлетворение отношениями в трудовом коллективе
	Уровень безработицы, напряженность на рынке труда
	Инфраструктура труда
	Защита прав работников (статистика, научные исследования, экспертные оценки)
Инфраструктура быта, качество услуг	Удобство жизнедеятельности в быту (качество услуг жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ), инфраструктур розничной торговли и бытового обслуживания, общественного транспорта)
	Качество услуг розничной торговли, бытового обслуживания, транспорта, ЖКХ (социология)
Окружающая социально-культурная среда	Качество правовой, правоприменительной и судебной систем (социология)
	Качество организации и функционирования системы государственной власти и местного самоуправления (социология)
	Характер и качество общения людей (социология)
Досуг	Организация досуга и инфраструктура досуга по интересам и возрастам

Продолжение табл. 1

Информационное пространство	Качество информации о товарах и услугах (социология)
	Качество информационной поддержки решения бытовых, семейных, взаимосвязи с органами власти и иных проблем (социология)
	Характер информирования о событиях в стране и мире (социология)
Социальная самооценка	Удовлетворенность гражданской и культурной идентичностью (социология)
	Удовлетворенность социальной значимостью (социология)
	Эффективность «социальных лифтов» (социология, экспертная оценка)
	Оценка перспектив детей и новых поколений

Источник: по материалам [19].

Как видно, в табл. 1 присутствуют как факторы, оценка (исчисление) которых делается или возможна на основе статистических и эконометрических данных, так и факторы, требующие качественных и количественных оценок на основе прикладных социологических исследований и экспертных оценок (в отношении них в скобках сделаны соответствующие пометки). Тем самым, значительный объем работы при функционировании ФСУР в предметной области «Качество жизни» ложится на прикладные социологические и экспертные исследования. Это требует безусловного углубления и отлаженной координации межведомственного взаимодействия, взаимодействия управленческих и научных структур.

Так, особенности рассматриваемой предметной области вынуждают использовать ряд показателей и факторов, которые трудно формализуемы (квантифицируемы), не имеют объективных шкал измерения. Для таких показателей в социологии и других общественных науках разработаны подходы, построенные на использовании лингвистических шкал и социологических прикладных исследований. Результаты их использования достаточно широко представлены в научной литературе. Естественно, что они должны быть адаптированы для решения данной конкретной задачи. В дальнейшем при развитии факторной модели указанные результаты будут применены и встроены в инструменты моделирования для формального описания факторов и использования их количественных и лингвистических оценок для инте-

гральной оценки состояния предметной области, прогноза ее развития на временном интервале.

При решении конкретных задач с помощью факторной модели ее фрагменты могут быть детализированы, т. е. для рассматриваемых факторов выделены «подфакторы», а также угрозы, реализация которых в форме рисковых событий ухудшает состояние факторов и приводит к ущербу в форме недостижения требуемых значений целевых показателей.

Взаимосвязи между факторами и угрозами отражают непосредственное взаимное влияние между ними. На данном этапе исследования они установлены экспертным путем, отражают логику существования и развития исследуемой предметной области «Качество жизни». Взаимосвязи отражены в пилотном варианте факторной компьютерной модели, разработанной в ходе выполнения работы. Смысл данной модели заключается в том, чтобы зафиксировать взаимосвязи и взаимное влияние факторов для последующего имитирования изменения состояния объекта при воздействии на тот или иной фактор (группу факторов) либо изменении состояния фактора. Это позволяет в режиме реального времени видеть динамику объекта и различных факторов при изменении воздействующих на его состояние тех или иных избранных факторов. Более того, квантификация связей между факторами позволяет определить наиболее важные из них с точки зрения их влияния на целевые показатели качества жизни и опосредованно через другие факторы. При этом важность фактора может быть оценена на уровне структуры факторов, т. е. без учета степени их проявленности, а также ситуативно, с учетом актуальной степени проявленности. Оценка важности факторов и вариантов их трансформации при воздействии позволяет более точно планировать управленческую деятельность, распределять ресурсы рациональным образом.

Перспективы развития факторной модели «Качество жизни»

Задачей следующего этапа исследования является поиск методов агрегации показателей, описывающих факторы, с целью уменьшения их числа и повышения эффективности использования в системе управления. В качестве целевых агрегированных показателей, отражающих обобщенные оценки качества жизни на стратегическом уровне, на данном этапе могут быть предложены, например, следующие:

- продолжительность жизни;
- индекс фактических располагаемых доходов на душу населения;

- прирост населения (естественный и за счет иммиграции с принятием гражданства);
- уровень образования населения;
- уровень самоощущения счастья.

Эти показатели отражают и объективные стороны качества жизни, и самоощущение людей. Показатели частично взаимосвязаны каузальными отношениями, однако каждый из них отражает и самоценный аспект рассматриваемой проблематики.

Модель может быть усложнена за счет взвешивания целевых показателей различными подходящими под представления эксперта или ЛПР способами, включая, например, метод ПРИНН [16].

Литература

1. *Ананишнев В.В*. Счастье как один из показателей качества жизни в России // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3 (205). С. 106—110.
2. *Антипина О.Н*. Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 7. С. 35—44.
3. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.
4. *Бутенко И.В., Евдокимова О.В.* Европейское «счастье» и уровень человеческого развития в цифрах и фактах // Агропродовольственная политика России. 2017. № 5 (65). С. 62—66.
5. *Верещагина А.В.* Эволюция государственного регулирования семьи и семейно-брачных отношений в России // Вестник института ИАЭ. 2013. № 4. С. 101 — 107.
6. *Волобуева Е.А.* Эконометрическое моделирование влияния ВВП на уровень счастья в России // Научные записки молодых исследователей. 2017. № 2. С. 67—73.
7. *Воробьев Е.М., Демченко Т.И.* Экономика счастья как новая экономическая парадигма // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2013. № 1086. С. 74—77.
8. *Жданова С.Ю., Печеркина А.В., Строканов А.А.* Структура репрезентации состояния счастья у представителей российской и американской культур // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 7. С. 77—96.
9. *Караваева Л.П., Кузьмина О.Ю., Юсим С.* Представление о счастье как фактор, обусловливающий психологическую безопасность личности и уровень ее доверия к миру // Векторы психологической безопасности современного общества: доверие и субъективное благополучие. Материалы VII международного симпозиума. Гуманитарный уни-

верситет; Российское психологическое общество; Российская академия образования. Екатеринбург, 2016. С. 59—63.

10. *Карапетян Л.В.* Феноменологический анализ эмоционально-личностного благополучия// Мир науки, культуры, образования. 2017. № 1 (62). С. 253—259.

11. *Киселева Л.С.* Перспективы использования современных показателей благосостояния в оценке социально-экономического развития России // Фундаментальные исследования. 2016. № 2. С. 152—158.

12. *Коленов М.И.* Теоретические основы понятий уровня жизни, качества жизни и индекса счастья // Научные труды Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС. 2016. Т. 7. Вып. 2 (24). С. 284—292.

13. *Королева М.Н.* Счастье как социокультурный феномен. Дис. … канд. соц. наук. М., 2013.

14. *Левит Л.З.* Идеал «Я»: куда не дотянулся Зигмунд Фрейд // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. № 10. С. 8—11.

15. *Лэйард Р.* Счастье: уроки новой науки. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

16. *Пиявский С.А*. Как «нумеризовать» понятие «важнее» // Онтология проектирования. 2016. Т. 6. № 4 (22). С. 414—435.

17. *Румянцева Е.Е*. Экономика счастья. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015.

18. *Рябов В.Б.* Эскапизм и субъективное качество жизни // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 44—65.

19. *Селиванов А.И.* Философско-методологические основания моделирования при решении прикладных экономических задач (на примере экономической безопасности) // Микроэкономика. 2017. № 6. С. 101—106.

20. *Селиванов А.И., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В.* Место интеллектуальных систем в государственном регулировании социально-экономического развития // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 4. С. 23—29.

21. *Семенова Л.Э., Урусова Е.А., Васильева Д.А.* Место семьи в представлениях мужчин и женщин о счастье // Мир науки. 2017. Т. 5. № 2: [Электронный ресурс]. URL: http://mir-nauki.com (дата обращения 29.01.2018).

22. *Смолева Е.О.* Факторы счастья и удовлетворенности жизнью населения региона: социологический аспект // Проблемы развития территории. 2016. Вып. 6 (86). С. 76—93.

23. *Смолева Е.О., Морев М.В.* Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016.

24. *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

25. *Стретинская Е.А.* Оценка благосостояния населения Российской Федерации // Торговля, предпринимательство и право. 2016. № 2. С. 80—88.

26. *Чинакова Н.В.* Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 1. С. 101—115.

27. *Шкурко Ю.С.* Представления о счастье в русских и американских пословицах: поиск точек соприкосновения с моделью Г. Хофстеде // Язык и культура. 2014. № 3. С. 108 — 119.

28. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника: монография. М.: РУСАЙНС, 2017.

29. Happy Planet Index: [Электронный ресурс]. URL: http://www.happyplanetindex.org/ (дата обращения: 29.01.2018).

30. United Nations Devel-Opment Programme. Human Development Reports: [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/en (дата обращения 29.01.18).

References

1. *Ananishnev V.V.* Schast'e kak odin iz pokazatelej kachestva zhizni v Rossii // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2017. № 3 (205). S. 106—110.

2. *Antipina O.N.* EHkonomika, kul'tura i schast'e: est' li vzaimosvyaz'? // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 61. № 7. S. 35—44.

3. *Argajl M.* Psikhologiya schast'ya. SPb.: Piter, 2003.

4. *Butenko I.V., Evdokimova O.V.* Evropejskoe «schast'e» i uroven' chelovecheskogo razvitiya v tsifrakh i faktakh // Agroprodovol'stvennaya politika Rossii. 2017. № 5 (65). S. 62—66.

5. *Vereshhagina A.V.* EHvolyutsiya gosudarstvennogo regulirovaniya sem'i i semejno-brachnykh otnoshenij v Rossii // Vestnik instituta IAEH. 2013. № 4. S. 101 — 107.

6. *Volobueva E.A.* EHkonometricheskoe modelirovanie vliyaniya VVP na uroven' schast'ya v Rossii // Nauchnye zapiski molodykh issledovatelej. 2017. № 2. S. 67—73.

7. *Vorob'ev E.M., Demchenko T.I.* EHkonomika schast'ya kak novaya ehkonomicheskaya paradigma // Visnik KHarkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. 2013. № 1086. S. 74—77.

8. *ZHdanova S.YU., Pecherkina A.V., Strokanov A.A.* Struktura reprezentatsii sostoyaniya schast'ya u predstavitelej rossijskoj i amerikanskoj kul'tur // Obrazovanie i nauka. 2017. T. 19. № 7. S. 77—96.

9. *Karavaeva L.P., Kuz'mina O.YU., YUsim S.* Predstavlenie o schast'e kak faktor, obuslovlivayushhij psikhologicheskuyu bezopasnost' lichnosti i uroven' ee doveriya k miru // Vektory psikhologicheskoj bezopasnosti sovremennogo obshhestva: doverie i sub"ektivnoe blagopoluchie. Materialy VII mezhdunarodnogo simpoziuma. Gumanitarnyj universitet; Rossijskoe psikhologicheskoe obshhestvo; Rossijskaya akademiya obrazovaniya. Ekaterinburg, 2016. S. 59—63.

10. *Karapetyan L.V.* Fenomenologicheskij analiz ehmotsional'no-lichnostnogo blagopoluchiya// Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2017. № 1 (62). S. 253—259.

11. *Kiseleva L.S.* Perspektivy ispol'zovaniya sovremennykh pokazatelej blagosostoyaniya v otsenke sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii // Fundamental'nye issledovaniya. 2016. № 2. S. 152—158.

12. *Kolenov M.I.* Teoreticheskie osnovy ponyatij urovnya zhizni, kachestva zhizni i indeksa schast'ya // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya — filiala RANKHiGS. 2016. T. 7. Vyp. 2 (24). S. 284—292.

13. *Koroleva M.N.* Schast'e kak sotsiokul'turnyj fenomen. Dis. … kand. sots. nauk. M., 2013.

14. *Levit L.Z.* Ideal «YA»: kuda ne dotyanulsya Zigmund Frejd // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ehkonomicheskikh nauk. 2016. № 10. S. 8—11.

15. *Lehjard R.* Schast'e: uroki novoj nauki. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2012.

16. *Piyavskij S.A.* Kak «numerizovat'» ponyatie «vazhnee» // Ontologiya proektirovaniya. 2016. T. 6. № 4 (22). S. 414—435.

17. *Rumyantseva E.E.* EHkonomika schast'ya. M.: Berlin: Direkt-Media, 2015.

18. *Ryabov V.B.* EHskapizm i sub"ektivnoe kachestvo zhizni // Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Sotsial'naya i ehkonomicheskaya psikhologiya. 2017. T. 2. № 1. S. 44—65.

19. *Selivanov A.I.* Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya modelirovaniya pri reshenii prikladnykh ehkonomicheskikh zadach (na primere ehkonomicheskoj bezopasnosti) // Mikroehkonomika. 2017. № 6. S. 101—106.

20. *Selivanov A.I., Starovojtov V.G., Troshin D.V.* Mesto intellektual'nykh sistem v gosudarstvennom regulirovanii sotsial'no-

ehkonomicheskogo razvitiya // EHkonomika. Nalogi. Pravo. 2018. № 4. S. 23—29.

21. *Semenova L.EH., Urusova E.A., Vasil'eva D.A.* Mesto sem'i v predstavleniyakh muzhchin i zhenshhin o schast'e // Mir nauki. 2017. T. 5. № 2: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://mir-nauki.com (data obrashheniya 29.01.2018).

22. *Smoleva E.O.* Faktory schast'ya i udovletvorennosti zhizn'yu naseleniya regiona: sotsiologicheskij aspekt // Problemy razvitiya territorii. 2016. Vyp. 6 (86). S. 76—93.

23. *Smoleva E.O., Morev M.V.* Udovletvorennost' zhizn'yu i uroven' schast'ya: vzglyad sotsiologa: monografiya. Vologda: ISEHRT RAN, 2016.

24. *Stiglits D., Sen A., Fitussi ZH.-P.* Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu ehffektivnosti ehkonomiki i sotsial'nogo progressa. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015.

25. *Stretinskaya E.A.* Otsenka blagosostoyaniya naseleniya Rossijskoj Federatsii // Torgovlya, predprinimatel'stvo i pravo. 2016. № 2. S. 80—88.

26. *CHinakova N.V.* EHkonomika schast'ya: sovremennye issledovaniya i diskussii // Mir ehkonomiki i upravleniya. 2016. T. 16. № 1. S. 101—115.

27. *SHkurko YU.S.* Predstavleniya o schast'e v russkikh i amerikanskikh poslovitsakh: poisk tochek soprikosnoveniya s model'yu G. KHofstede // YAzyk i kul'tura. 2014. № .3. S. 108 — 119.

28. EHkonomicheskaya bezopasnost' Rossii: metodologiya, strategicheskoe upravlenie, sistemotekhnika: monografiya. M.: RUSAJNS, 2017.

Е.В. ТРИФОНОВ

Экономический закон демократизации отношений собственности*

Аннотация. Исследуется содержание демократизации отношений собственности. Утверждается, что собственниками могут быть только живые лица; закон демократизации отношений собственности выражает объективный процесс объединения долей частной и долей личной собственности неограниченного числа учредителей; собствен-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Трифонов Е.В. Экономический закон демократизации отношений собственности // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 81—92.

никами государственной собственности являются граждане государства, собственниками муниципальной собственности является население муниципального объединения.

Ключевые слова: персонификация собственности, учредители собственности, формы собственности, обобществление или объединение собственности, закон демократизации собственности, гражданская государственная собственность, местная муниципальная собственность.

Abstract. The purpose of the article is to study the content of the democratization of property relations. Conclusions of the article: the owners can only be living persons; the law of democratization of property relations expresses an objective process of combining the shares of private and personal property of an unlimited number of founders; the owners of state property are citizens of the state, the owners of municipal property are the population of a municipal union.

Keywords: personification of property, founders of ownership, forms of ownership, socialization or association of property, the law of democratization of property, civil state property, local municipal property.

УДК 330. 111. 62.
ББК 65

В научной литературе дискуссионными остаются вопросы определения субъектов отношений собственности, демократизации положения субъектов в системе отношений собственности, демократического содержания форм экономической собственности. Целью статьи является исследование содержания демократизации отношений собственности как объективного процесса, внутренне присущего развитию отношений собственности. Достижение цели обеспечит решение следующих задач: во-первых, обосновать живые лица в качестве собственников любого имущества; во-вторых, выдвинуть экономический закон демократизации отношений собственности как объективный процесс развития форм собственности; в-третьих, установить демократическое содержание государственной и муниципальной форм экономической собственности.

Теория собственности представляет собой трудную проблему всех времен и народов. Два аспекта теории собственности подтверждают это положение. Во-первых, теория собственности сама по себе сложна потому, что она имеет множество форм реализации и охватывает своим влиянием не только экономическую, но и совокупность обще-

ственных систем развития. Во-вторых, теория собственности имеет отношение ко всем социальным группам, затрагивает интересы каждого человека. Высокая политизированность, идеологизированность и даже ангажированность проблемы собственности определяются многообразием интересов в этой области научного знания.

Собственниками являются учредители форм собственности. Экономическая собственность — социальная категория, выражающая отношения между людьми по поводу присвоения-отчуждения экономических благ. Это означает, что субъектами отношений собственности могут быть только персоны, т. е. реальные, живые люди, стремящиеся получить свою долю частной собственности. Собственность есть фундаментальное условие, обеспечивающее жизнедеятельность каждого человека, поэтому она имеет всеобщий характер, выражая необходимость физического и социального существования каждого человека. Это принципиальное положение теории отстаивает Е.К. Медведев, который пишет, что «…собственность — это персонификация» [5, 18].

Персонификация собственности как имманентное, системообразующее свойство собственности оспаривается рядом специалистов (см.: [2, 540; 8, 557]). Представления о деперсонификации и обезличивании собственности объясняются образованием институтов, которые якобы становятся собственниками имущества таких образований. Появление институциональных образований ведет, по мнению этих специалистов, к утрате отношениями собственности своего субъекта в лице индивида или социальных групп. Таким образом, «собственность все более обезличивается, а ее субъекты подчас размываются» [3, 40].

Очевидным является положение социальной, «человеческой» природы отношений собственности. Ангелам, духам, институциональным образованиям собственность безразлична. Она выражает реальные экономические отношения между реальными субъектами, которые стремятся обеспечить условия своего свободного, независимого существования. Действительными собственниками любого имущества являются реальный человек или ассоциации и объединения учредителей. Признание человеческой природы отношений собственности и признание реальных субъектов действительными собственниками институциональных образований является принципиальным положением экономической теории. В частности, демократизация отношений собственности представляет собой демократизацию отношений между людьми. Демократизация отношений собственности между институциональными образованиями представляет собой полную бессмыслицу. Поэтому признание субъектами отношений собственности институциональных

образований исключает демократизацию отношений собственности вообще, делает ее просто невозможной.

Институциональные образования не могут быть собственниками имущества ни с экономической, ни с юридической точек зрения. Экономическая собственность выражает общественные отношения между реальными субъектами, которые стремятся упорядочить материальные условия своего существования. Юридическая собственность регламентирует общеобязательные социальные нормы и правила поведения реальных людей по поводу конкретного имущества. В определении права перечисляется система общеобязательных норм, которые актуальны только для реальных людей; государственное принуждение может осуществляться только по отношению к реальным гражданам; юридическая регламентация экономических отношений может быть применена только к реальным субъектам. Следовательно, и экономика, и право выражают соответственно экономические и юридические отношения между реальными людьми.

Действительным собственником любого имущества может быть только реальное лицо — учредитель институционального образования. Институциональное образование является, с одной стороны, юридическим представителем собственников-учредителей, с другой стороны — имущественным представителем, т. е. совокупностью имущественных и неимущественных составляющих капитала предприятия. Институциональное образование — это не собственник, а объект собственности учредителей-собственников конкретного образования. Признать собственниками имущества институциональные образования — значит, отказать миллионам граждан в праве на собственность. В то же время утверждение институциональных образований собственниками имущества превращает собственность в деперсонифицированную и бесхозную. Безличность, бессубъектность, бесхозность собственности является законодательным «освящением» казнокрадства, коррупции, «откатов», использования чужого имущества в корыстных целях личного обогащения.

Субъективизация отношений собственности определяет состав, классификацию и субординацию участников отношений собственности. В соответствии с этим положением существуют действительный собственник, частичный собственник и несобственник, а также другие участники с разным набором прав и правомочий. В экономическом смысле собственником может быть только реальный человек, поскольку собственность имеет социальный характер и выражает экономические отношения между людьми; только человека интересует собственность как главное условие его жизнедеятельности; источником объек-

тов собственности является человеческий труд, а потому собственность на эти объекты может принадлежать участникам всего хозяйственного организма. В юридическом отношении аргументами, доказывающими реального человека собственником любого имущества, являются следующие: только человек имеет желания, волю и силы удовлетворять свои потребности; только человек может быть источником производства благ, являющихся объектами собственности; только человек осознает право и способен реализовать свои имущественные и неимущественные права.

Признание реального субъекта собственником любого имущества открывает возможности развития и совершенствования отношений собственности, в частности, демократизации отношений собственности. Демократизация отношений собственности может быть представлена как объективный процесс совершенствования экономических отношений между людьми в результате образования экономических форм собственности.

Экономический закон демократизации отношений собственности. Частная собственность является основой и ядром всех существующих форм экономической собственности. Частная собственность выражает отношения присвоения средств производства, продукции и доходов отдельными, самостоятельными лицами. Частная собственность связана с удовлетворением индивидуальных, частных интересов отдельного участника хозяйственной жизни. Каждый участник нуждается в частной собственности как средстве удовлетворения его жизненно важных потребностей. Значение частной собственности для каждого члена общества подчеркивал Д.С. Милль: «…Главной целью стремлений… является не ниспровержение системы частной собственности, но ее улучшение и предоставление полного права каждому члену общества участвовать в приносимых ею выгодах» [6, 360—361].

Частная собственность может быть как индивидуальной, так и обобществленной. Частная индивидуальная собственность выражает отношения присвоения экономических благ отдельным, единичным участником. Частная обобществленная собственность выражает отношения присвоения экономических благ совокупностью субъектов некоторого объединения учредителей. Обобществление как таковое есть объединение раздробленного, единичного в одно целое. В системе отношений собственности обобществление представляет собой объединение разрозненных долей частной собственности некоторого количества учредителей в новую форму собственности. Различают уровни обобществления собственности в зависимости от числа участников:

семейная, кооперативная, корпоративная, муниципальная, региональная, федеральная, глобальная и т. д.

В современных условиях совокупная личная собственность, наряду с частной, принимает широкое и активное участие во всех экономических процессах. Часть совокупной личной собственности участвует в процессах потребления, значительная часть — в процессах накопления и расширенного воспроизводства. Участие личной собственности в инвестиционных процессах происходит через взносы населения в госбюджет, в банковскую систему и другие финансовые институты. Правда, в соответствии с действующим законодательством эти многомиллиардные вложения не считаются инвестициями, и на них не начисляются предпринимательские доходы. Налоговые вклады населения в госбюджет являются безвозмездными, построенные государством производственные мощности приносят прибыли предпринимателям, а не населению. Вклады населения в банковскую систему приносят им мизерный процент, а прибыль присваивают банки. Доля участия личной собственности населения в формировании государственной собственности настолько значительна, что население обязано быть признано юридически долевым собственником государственной собственности. Экономическая целесообразность признания граждан государства долевыми собственниками государственной собственности совершенно очевидна, и требуется политическая воля для признания данного факта. Дальнейшее содержание статьи основано на предположении, что государственная собственность есть долевая частная собственность бизнеса и долевая личная собственность граждан государства.

Формы обобществленной собственности — от семейной и кооперативной до государственной и глобальной — представляют собой разные формы объединенной собственности. Формы собственности отличаются составом субъектов и объектов собственности, особыми отношениями присвоения экономических благ и особой системой экономических отношений.

Экономический закон демократизации отношений собственности представляет собой естественный, объективный процесс обобществления средств производства и других экономических ресурсов. Процесс обобществления или объединения частной собственности отдельных, самостоятельных учредителей является устойчивой тенденцией развития частной собственности. Отсюда демократизация отношений собственности как процесс объединения долей частной, личной и иной собственности неограниченного числа учредителей-участников является экономическим законом, объективно присущим внутреннему

развитию самой собственности. По своей сути демократизация отношений собственности означает присвоение-наделение долей государственной и муниципальной собственности неограниченным числом учредителей-участников. Л. Эрхард писал, что «…собственность на средства производства должна стать доступной для каждого в форме широкого рассеянного владения» [9, 244].

Любая форма собственности есть, во-первых, объединенная частная, личная и иная собственность учредителей; во-вторых, это совместная неделимая и долевая частная, личная и иная собственность учредителей; в-третьих, в образующихся формах собственности частная и личная собственности не исчезают, они остаются элементами новой формы собственности; в-четвертых, в развивающихся формах новой собственности происходит изменение характера самой собственности, она выражает экономические интересы растущего числа участников-учредителей; в-пятых, развитие отношений собственности в новых формах собственности, выражая экономические интересы растущего числа участников, означает преодоление частной собственности в процессах ее обобществления; в-шестых, в процессе обобществления частной собственности в ее новых формах происходят преодоление эгоистических начал индивидуальной частной собственности и формирование общественных начал в новых обобществленных формах собственности; в-седьмых, развитие форм частной собственности, реализуя экономические интересы возрастающего числа учредителей, выражает демократизацию отношений частной собственности. Следовательно, экономический закон демократизации отношений собственности есть объективный процесс ее обобществления, т. е. объединения долей частной, личной и иной собственности неограниченного числа учредителей. Становление неограниченного числа собственников представляет собой демократизацию отношений собственности как объективную внутреннюю закономерность ее развития.

Демократическое содержание экономических форм собственности. Исходное положение исследования форм экономической собственности заключается в том, что каждая из них представляет собой объединение долей частной и личной собственности учредителей конкретной формы собственности. Однако на практике данный методологический принцип применяется только для ограниченного числа конкретных форм собственности. Кооперативная и корпоративная формы собственности, а также глобальная и другие более обобществленные формы собственности рассматриваются как объединение долей частной и личной собственности учредителей. Находящиеся между ними по уровню обобществления муниципальная и государственная

формы собственности образуются на основе иных институциональных принципов. В теории и на практике утверждается, что муниципальная и государственная собственность не образуется как долевая частная и личная собственность конкретных субъектов, а собственниками этих форм собственности являются, с одной стороны, само муниципальное объединение в лице органов управления муниципальных образований, с другой — само государство в лице органов государственного управления. Такой подход нарушает единый методологический принцип и реальный процесс образования форм собственности.

Применение единого подхода при объяснении образования форм собственности дает основание утверждать, что и муниципальная, и государственная формы собственности формируются как процесс объединения долей частной и личной собственности соответствующих учредителей. Последовательная персонализация экономической собственности является теоретическим основанием выдвижения реальных субъектов собственниками любых форм собственности. Отдельный человек или объединения людей являются учредителями государства, муниципальных объединений, корпораций, иных институциональных образований. Как учредители этих образований отдельный человек или объединения людей являются собственниками государственной, муниципальной, корпоративной и иных форм собственности. Остается теоретически обосновать и практически реализовать положение о том, какие субъекты или их ассоциации и объединения являются учредителями соответствующих институциональных объединений, а следовательно, собственниками их имущества.

Опираясь на единый методологический принцип образования форм собственности, можно утверждать, что муниципальная собственность образуется объединением долей частной и личной собственности населения территориального объединения. Муниципальная собственность выражает экономические интересы населения местного муниципального образования. Однако, если муниципальная собственность обезличена и деперсонифицирована, как это имеет место в настоящее время, она может выражать интересы любых субъектов и объединений людей, в том числе олигархии, бюрократии и иных социальных групп. Муниципальная собственность становится разновидностью общественной собственности и выражает интересы населения данного муниципального объединения, если она персонифицирована, а собственниками признаются учредители территориального объединения, т. е. население данной территории. Вместе с тем муниципальная собственность имеет ограниченно общественный характер, так как она объединяет только население данного территориального объединения. Общественный ха-

рактер муниципальной собственности размывается, если она выражает преимущественно интересы не населения, а местной олигархии или верхушки муниципальной бюрократии.

Институциональное признание населения территории учредителем муниципального образования исключает использование муниципальной собственности местной олигархией и местной бюрократией в своих интересах. Муниципальная собственность, будучи долевой частной и личной собственностью всего населения, выражает интересы всех социальных групп, всего населения территории.

В науке и на практике частная и государственная собственности настолько разделены, что между ними не допускается какая бы то ни было взаимосвязь. На самом деле истории известно, что государственная собственность на разных этапах эволюционного развития оказывалась то частной собственностью монарха, то феодальной аристократии, то буржуазной аристократии, то бюрократии, то номенклатурной элиты, то частной собственностью олигархии и т. д. Практика свидетельствует, что между частной и государственной собственностью всегда существовала взаимозависимость. Исторически длительное время государственная собственность оставалась и в значительной мере остается теперь частной собственностью правящей и господствующей социальной группы. И в современных условиях есть все основания считать, что государственная собственность является долевой частной собственностью господствующей олигархии, правящей бюрократии и примкнувших к ним социальных групп. «Бюджетные и административные ресурсы национальных государств постепенно превращаются в элемент активов крупного бизнеса» [4, 164]. Антимонопольные законы фактически являются прикрытием монополизации частной собственности, они оказались неспособными ограничить — не то, чтобы исключить — процессы монополизации частной собственности.

Демократизация частной собственности является реальной альтернативой монополизации частной собственности. Не антимонопольные законы, а последовательная демократизация частной собственности может остановить и даже преодолеть процесс монополизации частной собственности. Рост численности собственников в государстве — условие укрепления, развития и процветания государства. Прочность государства является производной от распространения собственности среди неограниченного числа участников. История свидетельствует, что увеличение численности собственников укрепляет государство, монополизация собственности и уменьшение численности собственников ослабляют государство, а в определенных условиях ведут его к распаду и гибели.

Демократизация отношений собственности — это объективный процесс, но в результате субъективной институционализации авторы Конституции РФ нашли формулировки, искажающие реальность в интересах олигархической и бюрократической верхушек общества. На основе институциональных установок государственная собственность фактически передана государству, а от его имени — государственной бюрократии. «Государственная собственность предстает как иррациональная, а в некотором смысле даже теневая, поскольку служит юридическим прикрытием для деятельности чиновников, в частных целях использующих “свои” властные полномочия» [7, 188].

Однако в Конституции РФ зафиксировано положение о том, что источником власти в стране является его многонациональный народ. На этом основании обоснованно сделать вывод, что народ, являясь источником власти, юридически становится учредителем государства [1, 10]. Продолжая приведенную мысль, можно подойти к выводу, что собственником государственного имущества является народ как учредитель государства. Обобщая противоречивые положения Конституции РФ, можно с уверенностью утверждать, что российский народ является законным собственником государственного имущества.

В настоящее время в России произошло массовое разделение общества на собственников и несобственников. Лишение собственности массы трудособственников вызвало такие прямые и альтернативные потери, что страна оказалась отброшенной на несколько столетий назад в своем развитии. Альтернативные потери России связаны прежде всего с тем, что абсолютное большинство трудособственников ведет борьбу за физическое выживание, вместо того, чтобы своим талантом продвигать общество к новым цивилизационным достижениям. Сколько потенциальных гениев, талантов, умельцев, мудрецов, пророков ушли в тень смертную, так и не проявив своей высшей натуры! И этот процесс продолжается, вызывая цивилизационную отсталость страны.

Максимальная эффективность хозяйственной деятельности может быть достигнута при условии распространения частной собственности среди неограниченного числа трудособственников. Это положение подтверждается историческими фактами развития цивилизаций, а также экономическим законом демократизации отношений собственности, которая открывает огромные неиспользуемые интеллектуальные ресурсы массы творческих созидателей. Обнаружение и реализация неограниченных интеллектуальных ресурсов миллионов творческих людей обеспечивают многократное увеличение общественного богатства при минимальных прямых и особенно альтернативных затратах общества. Наиболее эффективным собственником является массовый

творческий трудособственник, обеспечивающий качественный и многопорядковый рост экономики. Другим следствием практической реализации системной демократизации отношений собственности будет формирование социально-экономической модели прогресса и процветания всех социальных групп, каждого человека.

Выводы. Во-первых, учитывая социальный характер отношений собственности, можно утверждать, что собственниками любого имущества являются реальные субъекты или их объединения, выступающие учредителями институциональных образований (корпораций, муниципальных объединений, государства и т. д.). Во-вторых, принимая во внимание содержание закона демократизации отношений собственности, можно утверждать, что любая форма собственности является результатом объединения долей частной и личной собственности разного состава учредителей. В результате можно сделать вывод, что корпоративная собственность есть объединение долей частной собственности учредителей акционерного общества; муниципальная собственность есть объединение долей частной и личной собственности учредителей муниципального объединения; государственная собственность есть объединение долей частной и личной собственности учредителей государства. В-третьих, опираясь на положение, что учредители являются собственниками соответствующего имущества, можно сделать вывод, что собственниками корпоративного имущества являются учредители акционерного общества или его акционеры; собственниками муниципального имущества являются учредители муниципального объединения, т. е. население муниципальной территории; собственниками государственного имущества являются учредители государства, т. е. действительные граждане государства.

Литература

1. *Боткин О.И., Гуленок О.И.* Концептуальное обоснование роли государства в современной экономике // Журнал экономической теории. 2014. № 3.

2. *Булганина С.Н.* Собственность и основные экономические субъекты // Собственность в XX веке. М.: Росс. полит. энцикл., 2001.

3. *Лапыгин Ю.Н.* Стратегическое самоуправление. Владимир: ВГПУ, 1999.

4. *Лемещенко П.С., Голубев К.И.* Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество // Философия хозяйства. 2014. № 1.

5. *Медведев Е.К.* Категории теории собственности (Очерки методологии). Минск, 2000.

6. *Милль Дж.Ст.* Основы политической экономии. Т. 1—3. М.: Прогресс, 1980—1981.

7. *Савченко А.В.* Государственная собственность и государственный сектор как инструменты регулирования рыночной экономики: препринт. СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2004.

8. *Хавина С.А.* Трансформация отношений собственности и социализация экономики в последней четверти XX века // Собственность в XX веке. М.: Росс. полит. энцикл., 2001.

9. *Эрхард Л.* Полвека размышлений: речи и статьи. М.: Руссико, 1993.

References

1. *Botkin O.I., Gulenok O.I.* Kontseptual'noe obosnovanie roli gosudarstva v sovremennoj ehkonomike // ZHurnal ehkonomicheskoj teorii. 2014. № 3.

2. *Bulganina S.N.* Sobstvennost' i osnovnye ehkonomicheskie sub"ekty // Sobstvennost' v KHKH veke. M.: Ross. polit. ehntsikl., 2001.

3. *Lapygin YU.N.* Strategicheskoe samoupravlenie. Vladimir: VGPU, 1999.

4. *Lemeshhenko P.S., Golubev K.I.* Trudovoj kharakter material'nykh blag i postsekulyarnoe obshhestvo // Filosofiya khozyajstva. 2014. № 1.

5. *Medvedev E.K.* Kategorii teorii sobstvennosti (Ocherki metodologii). Minsk, 2000.

6. *Mill' Dzh.St.* Osnovy politicheskoj ehkonomii. T. 1—3. M.: Progress, 1980—1981.

7. *Savchenko A.V.* Gosudarstvennaya sobstvennost' i gosudarstvennyj sektor kak instrumenty regulirovaniya rynochnoj ehkonomiki: preprint. SPb.: Izd-vo SPb GUEHF, 2004.

8. *KHavina S.A.* Transformatsiya otnoshenij sobstvennosti i sotsializatsiya ehkonomiki v poslednej chetverti KHKH veka // Sobstvennost' v KHKH veke. M.: Ross. polit. ehntsikl., 2001.

9. *EHrkhard L.* Polveka razmyshlenij: rechi i stat'i. M.: Russiko, 1993.

III

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В.А. КУТЫРЁВ

Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии — по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса)*

Аннотация. Выдающийся левый консерватор и первый марксистский философ сопротивления деградации человека и его жизненного мира — М. Лифшиц. Он поддерживал версию марксизма, которая нашла свое продолжение в ленинизме и проблемно реализовывалась в Советском Союзе. Отстаивая теорию отражения и реалистическое искусство, он вступил в конфликт с теоретиками «творческого марксизма» и в целом эпохой Модерна. Это было предвидение перерастания модернизма в постмодернизм, происходящего в настоящее время отказа от гуманизма, идеалов Просвещения и господства технократизма. Рассматриваются его аргументы в полемике с идеями М. Бахтина, Э. Ильенкова, «русским космизмом», другие примеры защиты принципиальных положений марксистской философии. Обосновывается, что ее конец был вершиной классического философствования вообще. Левый консерватизм — единственно оправданная идейная стратегия человечества, если оно хочет продолжать существование в коэволюции естественного и искусственного миров.

Ключевые слова: левый консерватизм, марксизм, Лифшиц, искусство, философия, модернизм, отражение, истина, технократизм, прогресс, коэволюция.

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кутырёв В.А. Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии — по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса) // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 95—109.

Abstract. The outstanding left-wing conservative and the first Marxist philosopher to resist the degradation of man and his life-world — M. Lifshits. He supported the version of Marxism, which found its continuation in Leninism and was problematic implemented in the Soviet Union. Defending the theory of reflection and realistic art, he came into conflict with the theorists of «creative Marxism» and the modern era as a whole. It was a prediction of the development of modernism into postmodernism, the current refusal of humanism, the ideals of the Enlightenment and the domination of technocratism. His arguments in the debate with the ideas of M. Bakhtin, E. Ilyenkov, «Russian cosmism», and other examples of the defense of the fundamental principles of Marxist philosophy are considered. It is substantiated that its end was the pinnacle of classical philosophizing in general. Left conservatism is the only justified ideological strategy of mankind if it wants to continue to exist in the co-evolution of the natural and artificial worlds.

Keywords: left conservatism, Marxism, Lifshits, art, philosophy, modernism, reflection, truth, technocracy, progress, co-evolution.

УДК 101.1
ББК 87.2

Читатели старшего поколения сразу поймут, что уточняющий подзаголовок статьи — парафраз работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» [12]. Для молодых нужно пояснение, что написанная Ф. Энгельсом после смерти К. Маркса и в конце собственной жизни данная работа была своего рода итоговым — ставшим каноническим — изложением марксистской теории, по ней в основном приобщались к марксизму его новые сторонники. Как писал Ленин, она «должна быть настольной книгой для каждого сознательного рабочего». И не только рабочего. Уже в советский период в системе высшего образования «Людвиг Фейербах и конец…» была главной в освоении марксизма. Часто ею и ограничивались. Вообще, то, что потом считали учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, по своему содержанию отражало трактовку марксизма «по Энгельсу».

В развитии взглядов К. Маркса, как у многих великих людей, выделяется несколько этапов (по крайней мере, три): молодой Маркс — младогегельянец, испытывающий влияние Фейербаха, антрополог и гуманист; зрелый Маркс времени создания первого тома Капитала — этого «самого страшного снаряда, выпущенного в голову буржуазии», заряженного идеей, что стоимость товаров создается живым

трудом, откуда следует вывод о решающей роли народных масс в истории и все принципиальные положения о характере развития человеческого общества; поздний Маркс, когда, завершая «Капитал», он понял, что при переходе общества в индустриальную стадию «главной производительной силой» становятся наука и техника, труд уже овеществленный, и это размывает фундамент большинства его предыдущих концептуальных построений.

Впоследствии каждый этап превратился в особое течение, возникли различные ревизионистские интерпретации, так называемые гуманистический, структуралистский, технологический марксизм, знаменитая Франкфуртская школа неомарксизма и т. д. Однако то, что оставило социально-практический след в истории, все-таки связано со «зрелым» Марксом и деятельностью Энгельса, Ленина, теми идеями, которые потом стали определяться как диалектический и исторический материализм. Это и есть «классический марксизм» — «учение, вылитое из одного куска стали», и именно им руководствовались, когда «строили новое социалистическое общество» или, по крайней мере, присягали ему в Советском Союзе и странах Восточной Европы, коммунистическое, а во многом и антиколониальные движения в мире после Революции 1917 г. в России. Достаточно жестко при жизни Сталина, с некоторыми послаблениями, но не отказываясь от его основного ядра вплоть до «перестройки» и краха социализма как системы в конце XX в. Рассуждая об исторической роли марксистских идей в развитии общества, среди претендентов на «аутентичный марксизм», думается, более всех оправдано брать именно данную форму. Потому что она была опробована практикой, ее принимала и испытала на себе почти половина человечества.

Однако после ухода с социальной авансцены марксистского учения, если еще и можно что-то говорить о нем, то только в контексте неомарксизма и ревизионистских ветвей, а о старом ядре/стволе — просто неприлично. Защищать его перед судом истории сейчас не возьмется ни один адвокат. О нем, об основных его положениях — что бытие определяет сознание, о диалектике, об объективной истине, теории отражения, классовой борьбе, реализме в эстетике, партийности в морали, социальной природе религии и т. д. большинство передовых теоретиков переставали говорить уже в советский период. Они признавались упрощенными, устаревшими, догматическими, пригодными в лучшем случае для учебников. Практически всеми авторами, кто составил неформальную славу «полу- и неофициальной» советской философии и культуры. Кроме одного широко известного? а в области литературы и искусства, пожалуй, самого известного своей борьбой с догма-

тизмом, социологизаторством и классовой одержимостью в сталинский период в 1930—1940-е гг. — Михаила Лифшица. В этом состоит до сих пор необъясненная странность, которая имеет не только личное значение. Считать его приспособленцем и апологетом властей предержащих не решался никто, поэтому если объясняли это одинокое, но яркое сопротивление новым веяниям наступающей эпохи Модерна, особенно в искусстве, либо просто «недоразумением», либо внешними обстоятельствами, хотя непонятно какими. В самом деле, почему он не принял в сущности все прогрессивные течения в искусстве XX в., а может, шире — в культуре в целом, или еще шире — прогресс (духовный) как таковой? Модерн! Эпоху! Прогресс! Эта «загадка Лифшица» продолжает тревожить культурно-философскую общественность, отчего время от времени вокруг нее поднимаются споры, которые опять обострились в ходе недавно отмечавшегося во всем мире 200-летия со дня рождения К. Маркса.

Факты биографии М. Лифшица таковы, что он всегда шел против течения и боролся на два фронта: и против «Гвоздилиных», подразумевая представителей официоза, и против «либералов», отказывавшихся от марксизма прямо, считая его окончательно устаревшим. Но еще больше в его curriculum vitae удивляет то, что, защищая традиционные марксистские положения, он критиковал все варианты его «творческого развития», как считали представители новых течений в нем. Был консерватором. Притом остроумным, глубоким, фундированным прекрасным знанием новейших достижений в критикуемой им сфере и контекста мировой культуры, что обычно мало свойственно консервативной идеологии. Он делал это, стоя на вершине классической марксистской философии, считая ее высшей стадией мировоззренческой культуры эпохи Просвещения. У антимарксистов он заслужил эпитеты обскуранта, протопопа Аввакума, «эстетического старообрядца» (Лев Копелев), «ископаемого марксиста» (А. Солженицын). В доброжелательно настроенных кругах интеллигенции, не мыслящих, однако, что современный человек может быть консерватором, прибегали к усложненным конструкциям типа: «прогрессивный советский искусствовед-антимодернист». У представителей «творческого марксизма» его позиция вызывала чувство горечи и раздраженное недоумение. Потому что он все время разоблачал двусмысленность их идей, показывая, что на самом деле это не развитие, а уход от марксизма и классической философии вообще. Со своей способностью мыслить последовательно и честно, он не принимал марксизм «без берегов», показывая поверхностность и бессознательное, а нередко сознательное лицемерие такого подхода. «Всякая арьергардная тактика, делающая уступ-

ку за уступкой ходячим идеям-вирусам буржуазного мышления, мне глубоко противны… Мне же искать выхода посредством лести той новой толпе, которая задним числом показывает ему (Цезарю, очевидно имея в виду Сталина. — *В.К.*) кукиш, было бы грязно. Пусть уж этим Гвоздилин занимается. Я совершенно уверен в том, что он сумеет найти форму приспособления. Внутренне я уже вижу, как он расширяет марксизм до Бердяева включительно, клянется Пикассо и, самое главное, преследует узкие души, неспособные вместить всю широту современности» [7, 9—10].

Естественно, что, стоя на подобной позиции и будучи теоретиком искусства, или, как сказали бы теперь «культурологом», он, прежде всего, защищал реализм. В философии, соответственно, его опору — теорию отражения. При этом «не велся» на постепенное, безотчетное изменение содержания понятий, когда от них остается только оболочка, слово. Или, как еще раз сказали бы теперь, на «технологию окон возможностей», когда любую, неприемлемую или противоречащую принятой трактовке идею можно пошагово, сначала переводя в статус «необычной», потом заслуживающей внимания и обсуждения, сделать в конце концов необходимой, либо даже объявить более адекватной первоначальному понятию. Или, наоборот, вообще придать ему новое, противоположное по смыслу значение. Хотя считается, что методика окон возможностей изобретена трагически погибшим в авиакатастрофе американским социологом Джозефом Овертоном (1960—2003), однако если это изобретение, то не на голом месте. Скорее это артикулированное обобщение процессов стихийного внедрения любого нового явления через скрытую трансформацию представлений о нем. Похожим на «сдвиг окон» в культуре образом менялось историческое содержание практически всех понятий классической философии.

В отношении нашей темы в качестве принципиально важного, определяющего остальные проблемы примера придется вспомнить, как в советской марксистской философии менялось, «заменялось» понятие отражения. Заменялось деятельностью и творчеством. О творчестве как особой форме деятельности в ней, да и во всей классической философии XIX — первой половины XX в., почти не говорили. В идеалистической традиции оно считалось про-явлением Духа, в материализме господствовало «Отражение». В основе официального марксистского мировоззрения лежал тезис: сознание — высшая форма отражения материи. Превращенный в «ленинскую теорию отражения» он был парадигмой тогдашней гносеологии, фундаментом гуманитарного образования, представлений о бытии вообще. В сущности, это парадигма натуралистической науки, естествознания как открытия и описания,

т. е. репрезентации субъектом существующей реальности. Назначение искусства как во всей классической эстетике тоже виделось в приближении к природе, но не буквальное копирование, а одухотворенное восприятие человеком. Понятие культуры в целом несло в себе идею воспитания, формирования, выращивания человека, а не об-работ-ки = пре-об-раз-раз-раз-ования как в индустриальную эпоху его внутренней и окружающей внешней природы. (Пушкин не был ни культурным, ни образованным человеком, он был «воспитанником лицея», да и вообще образованных людей до начала XX в. не было, были «воспитанники», например, Московского университета, духовные и светские, просвещенные выпускники гимназий и училищ.) Природу, конечно, изменяли, использовали, но это не субстанциальное, а приспособительное изменение, при котором «она перестает улыбаться человеку» (К. Маркс), но еще не потеряла лица.

Во второй половине XX в. понятие отражения стало интенсивно размываться, заменяясь творчеством. Правда, не без сопротивления и борьбы, в которых можно проследить несколько этапов. Опираясь на работы физиологов, особенно авторитетного в то время П.К. Анохина, отражение начали трактовать как опережающее. Понятие «опережающее отражение» похоже на «жареный снег», но оно, подорвав теоретическую целостность, стало тараном, пробившим первую брешь в объективистском характере фундамента марксистской гносеологии. «Следующий этап перемен ознаменовался усиленным цитированием, с далеко идущими выводами, положения В.И. Ленина, что “сознание не только отражает мир, но и творит его”. Опираясь на этот тезис, начали утверждать, что “элемент творчества” входит в само отражение. Далее произошел новый сдвиг: в монографиях по теории познания появились разделы “отражение *как* творчество”. Завершилось это, сопровождавшееся довольно резкой полемикой перетягивание каната между сторонниками отражения и творчества, достижением некоего паритета: сознание есть отражение *и* творчество. Однако уже в 80-е годы об отражении если и вспоминали, то лишь как о “моменте творчества” — пластинка перевернулась. “Бег трусцой из теории отражения”, — что, как обычно остроумно, до всякой технологии окон возможностей зафиксировал М. Лифщиц, закончился тем, что в настоящее время сознание рассматривается только как деятельностное, творческое, конструктивистское по самой своей сути, книг по отражению давно не издают, конференций не созывают. Они посвящаются творчеству [3]. Творчество вбирает в себя все (о вечности существования Земли и жизни с человеком на ней, забывается), ибо любое сущее когда-то возникло, любая традиция была новацией (о традиции, как культурологической

характеристике идентичности предмета забывается) (см. [3]). Та же судьба постига(н)ет много, много других понятий классической философии: объективную истину, категорию прекрасного, предметную реальность, познание, рациональное, а потом и… деятельность (заменяется коммуникацией), творчество (начинает заменяться взаимодействием алгоритмов и машинным программированием), но это позже, после перерастания модерна в постмодерн.

«Смена реалистически-отражательной парадигмы на модернистско-преобразовательную происходила, разумеется, не по одним имманентным причинам. К ней причастны политические и социальные процессы, а главное, под влиянием научно-технической революции радикально трансформировалось практическое отношение к миру. Значение деятельности и творчества возрастало по мере превращения среды обитания людей из естественной в создаваемую, техногенную. Все искусственное в конечном счете задумано и произведено и чем больше оно выходило на первый план» [3], тем быстрее содержанием сознания людей становилось не познание существующего мира (оно уходило в предпосылку), а его трансформация, изобретение и соз(и)дание нового. Возникло индустриальное общество, культурологически определяемое как эпоха Модерна. Как природа стала превращаться в материал и средство производства потребительских благ, так в духовной сфере, в искусстве отражение и реализм стали уступать свое место проективизму и конструктивизму, поискам иного, не действительного, а возможного, чего-то непохожего на то, что уже существует. Модернизм — это об(пере)работка, ре-конструирование, машинизация и технологизм. В искусстве на первый план выходят жанры, близкие к искусственному в смысле технэ: разнообразные направления абстрактно-субъективного восприятия как «искажения» реальности, вплоть до замены прекрасного безобразным, или наоборот, буквальное пред(вы)ставление созданного в качестве удвоения реальности предмета в поп-арте, дизайн, фото, кино и другая информационно-визуальная продукция.

Михаил Лифшиц вполне отдавал отчет о происходящем, однако, не отвергая процессы индустриализации мира, не хотел, чтобы они переносились на культуру и человека, полагая, что так называемое новое искусство — это уничтожение искусства, от которого остаются только слово, знак, вывеска. «Главные черты мировоззрения, которое предлагается нам в качестве путеводной звезды будущего искусства — отказ от реального образа… Отсюда постоянные усилия разбить зеркало жизни или, по крайней мере, сделать его мутным, невидящим. Всякому изображению нужно придать черты чего-то “непохожего”… В старом искусстве было важно любовное, добросовестное изображение реаль-

ного мира. Личность художника более или менее отступала на задний план перед его созданием и тем самым возвышалась над собственным уровнем. В новейшем искусстве дело обстоит как раз наоборот — то, что делает художник, все более сводится к чистому знаку, знамению его личности. Важен жест художника, его поза, его репутация, его подпись, его жреческий танец перед объективом кинематографа, его чудесные деяния, разглашаемые на весь мир» [6, 30].

Как твердый в убеждениях мыслитель (на том стою и не могу иначе, среди тех, чьим девизом было: на том стою, но могу встать полюбому) М. Лифшиц отстаивал сущностную внутреннюю связь теории отражения с объективной истиной. Соответственно он не соглашался с приобретавшими все большую популярность взглядами М.М. Бахтина о полифоничности и диалогизме истины. Он считал, что Бахтин модернизирует Достоевского, фактически вводя в марксистское, а говоря шире, классическое мировоззрение вместо рациональной монистической истины идеи плюрализма, оценивая их как «ответвление европейского иррационализма» и влияние декаданса. Диалогизм и полифония размывают объективный характер истины, что коррелятивно процессам субъектизации и мифологизации реалистического изображения мира в искусстве. Он категорически не принял и входившее в моду в 1960 — 1970-е гг. учение Н. Федорова о замене рождения людей «воскрешением отцов», т. е. воссозданием умерших, которые будут жить вечно, считая это вопиющим проявлением мистики и потери его сторонниками здравого смысла, открытым выражением катастрофы человеческого разума. Более осторожно, в стиле диалога, однако все равно критически, Лифшиц отнесся к новой, вызывавшей много споров трактовке Э.В. Ильенковым проблемы идеального не как присущего бытию вообще, проявляющегося в сознании обладающего мозгом человека, а как фактора социальных отношений. «Как бы нам здесь из церебрального рабства не попасть в рабство социологическое» [5, 148]. И советовал «взять уроки» у Платона, Аристотеля, Гегеля, а также, разумеется, у Маркса.

Короче говоря, без дальнейших фактологических доказательств и цитат правомерно утверждать, что как философ и культуролог, тем более как искусствовед (за его критикой по вопросам эстетики взглядов Я.Е. Эльсберга и А.Л. Дымшица следила вся читающая художественная интеллигенция) М. Лифшиц действительно шел против своего времени, не принимал его мировоззрения. Было ли это бытовым консерватизмом, за которым ничего не стоит кроме страха нового, безнадежной попыткой остановить прогресс или за ним кроется что-то глубокое, фундаментальное, может быть, трагическое, то, о чем писал Ницше:

«Нет ничего более своевременного, чем умение мыслителя преодолеть свое время, диктат его ценностей», надо выбирать. Если принять первый вариант ответа, то никакой «загадки Лифшица» не было и нет. Не все же консерваторы и любители старины бездарны, немало случаев, когда заблуждаются таланты и гении. А на новое быстрее всего реагируют люди поверхности, дилетанты.

Глупцов легко распознавать
Что увидали, то и хвать.
Известно испокон веков,
Новинка слабость дураков.
Но и новинка старой станет —
И вот уже другая манит
(Себастиан Брант. Корабль дураков [1, 7]).

На подобном фоне, чтобы «сделать правильный выбор» в оценке консерватизма Лифшица, думается, нет другого способа, как взглянуть на этот спор с высоты истории, событий, которые случились позже, исходя из того, какие формы приняло и принимает развитие человечества в наше время, а также в свете наметившихся тенденций будущего [9].

* * *

Если писать историю широкими культурологическими мазками, то главное происшедшее в XX в. событие — переход модерна в постмодерн. В настоящее время М. Лифшицу пришлось бы публиковать статью: «Почему я не постмодернист», а оппонентам еще раз упрекать его в консерватизме. Все как бы повторилось: борьба модернизма с реализмом воспроизводится в борьбе постмодернизма с модернизмом. «Пост», если буквально, — неопределенное слово, из-за чего были попытки трактовки постмодернизма как возврата к реализму, но эти благопожелания практически ничем не подкрепляются. По содержанию оно оказалось вполне конкретным, в нем нашли свое завершение модернистские тенденции ухода искусства, культуры и всей человеческой деятельности не только от сохранения естественной природы и реальной образности, но и от предметной реальности вообще. У(пере)ход от культуры как любования и пре-образования природы к культуре ее превращения в материал для использования и изобретения нового, искусственного. От искусства к искусственному не просто как технэ, может быть, кустарному, а «технэ и искусственному — 2» — информации и виртуализму. От культуры к средствам культуры, к «тектуре», к «гуманитарным технологиям» и трансгуманизму. Деконструкция как низ-

ведение до материала = до «золы» (Деррида) природы, искусства, культуры, самого человека стала содержанием, знаменем, теперь лучше сказать — брендом постмодернизма. Деконструкция (анти: онто-фоно-этно-лого-фалло-центризм) как смерть «жизни всего». Кроме техники и создаваемой ею искусственной реальности, вплоть до искусственного интеллекта, который в процессе саморазвития превратится (не надо питать иллюзий) в пост- и сверхчеловеческий. Характер субъектности и сознание человечества трансформируются в плане их подготовки к поглощению этим будущим состоянием уже сейчас. Прежде всего через цифровизацию и формализацию жизненных отношений — особенно в образовании, реформы которого направлены на ликвидацию его смыслового характера, чтобы заменить, в пределе, программированием. При управлении обществом искусственным интеллектом творческий человек не нужен, будет ему помехой, которую надо устранять. Что и начинается: «посткреативная эпоха», трансмодернизм, самоапокалипсис. (В развернутой форме у нас об этом см.: [3].)

Критикуя модернизм, Лифшиц как бы предчувствовал, что отказ от реалистического искусства перерастет в отказ от искусства вообще, что собственно сейчас и происходит. Симулякры, постискусство, science art, no art, посткультура и т. д. до ее замены визуализацией, медиавирту-пост-реальностью. Нужды в специальной аргументации связи модерна и постмодерна нет, это ступени одной ракеты, летящей с живой Земли в мертвый космос, одновременно превращая в искусственно-безжизненную планету саму Землю, однако трудно удержаться от иллюстрации конечного предвидения судьбы искусства, высказанного этим «последним солдатом империи» классической эстетики, в сущности эстетики как таковой. «Болезненное желание выйти за пределы искусства является ныне и в другом, заметном изгибе, изощрении прогнившего модернизма — речь идет о производстве всякого рода механизированных игрушек…» [8, 475].

А вот теперь можно уже воочию видеть какое (не) художественное (не) творчество развертывается на передовых рубежах современности: «В последнее время широкое распространение получили компьютерные программы, позволяющие автоматизировать процесс создания произведений искусства. Такой автоматизированный процесс имеет достаточно глубокую теоретико-практическую проработку и его становление обусловлено развитием автоматизированного проектирования и разработкой соответствующих алгоритмов…» [2, 101]. Открываются выставки «автоматического искусства», т. е. будто бы результатов художественного творчества, которые создаются машинами (автомат-художниками?) в любом количестве. Куда, зачем? Дойти до культиви-

рования автоматического искусства, считая его достижением эстетики — техногенный иррационализм в форме разума и рациональности. Как автоматизация чувств, добра, любви и красоты. И все это, в отличие от борьбы между реализмом и модернизмом, принимается даже без окон Овертона, не трусцой, а галопом, быстрее, нежели когда «Черный квадрат» (философское объявление о конце искусства в красках) Малевича стал символом эпохи Модерна, а (не) признание его художественной ценности проверкой на интеллигентность. Если подобные процессы оценивать как искусство и говорить, что все нормально, так хорошо, «потому что прогрессивно», значит, издеваться над любым смыслом, даже просто над человеком как существом, которое обладает сознанием, «sapiens». Однако — издевают(ем)ся. Прогресс прогресса. Регресс!

В отношении собственно философской проблематики критикуемые Лифшицем идеи диалогизма и полифонии М. Бахтина переросли в плюрализм и релятивистскую трактовку истины, а на последнем по новизне этапе — в отказ от истины вообще, идеологию «постправды». В чисто искусственном мире ни одна из вещей не является «е(и)стиннее», чем другая, они более или менее эффективные, оптимальные и оценивать их лучше с позиции пользы, выгоды, что теперь мы и делаем. Трактовка Э.В. Ильенковым идеального как продукта социальных отношений, глубже, решительнее разработанная в российской ветви постмодернизма Г.П. Щедровицким, во французской ветви Делезом — Деррида, переросла в отказ от субъектности и сознания вообще. Остаточной попыткой их сохранения является концепция интерсубъективности, хотя уже намечается, что она вот-вот будет окончательно поглощена коммуникацией, а на последнем этапе «цифровизации человека», по-видимому, ком-мутацией как передачей импульсов «от мозга к мозгу», исследования чего интенсивно ведутся во всех передовых лабораториях мира. Идеи бессмертия и автотрофного питания людей Н. Федорова на практике осуществляются в контексте трансгуманизма и создания роботов с искусственным интеллектом. По оценкам активно занятых в этой сфере ученых, к концу XXI в. наша Земля превратится в один «Большой компьютер». И т. д. и т. п., фактически все, что отрицал и не принимал М. Лифшиц, выступая против «идола новизны», преодолевается современным техническим прогрессом. Преодолеваются природа, жизненный мир человека, его культура и в целом все человеческое как живой, традиционный, телесно-духовный тип Homo genus. Все, кто их защищает, как и М. Лифшиц — консерваторы. Вступают в противоречие с ценностями своего времени.

Так что же делать, на что надеяться тем, чье сознание не похищено силами Иного и они, все еще не впав в социальное слабоумие,

хотят оставаться людьми, а не «люденами», техноидами, зомби или, как соблазняют апологеты трансгуманизма последующей перспективой, «световыми коконами», голограммой и прочими виртуроботобразными формами? Тем = консерваторам, кто, не став пассажиром оснащенного по последнему слову техники корабля Себастиана Бранта, вместе с А. Вознесенским считает, что «Все прогрессы реакционны, если рушится человек»? Кто не хочет идти по пути автомутации и самоапокалипсиса [11].

Надежда остается на то, что как эволюция органических форм жизни не тождественна прогрессу и после возникновения следующей формы предыдущие могут параллельно сосуществовать и существуют миллионы лет, так и эволюция человечества пойдет не по одному единственному руслу. Она способна ветвиться, возвращаться (идеи вечного возвращения Ницше), быть обновлением того же самого (изменяясь, оставаться собой), в одном отношении идти вверх, в другом вниз, и вообще, если «Вселенная не создана, а существовала всегда» (Стивен Хокинг), то консерватизм и прогрессизм имеют одинаковые основания для ориентации и надежд. Новая ветвь не обязательно отменяет предыдущую, и она не обязательно более плодоносна. Многие достижения в развитии человечества уже не могут быть превзойдены, эти вершины остаются недосягаемыми. «Консерватизм — это борьба вечности с временем, нетленного с гниением» (Н. Бердяев). Известное суждение К. Маркса, что греческая культура как детство цивилизации навсегда останется непревзойденной, можно отнести и к другим периодам развития. Так художественное, образное отношение к миру есть, по-видимому, вершина искусства, после которого оно стало разлагаться, постепенно трансформируясь в создание искусственного, отличающегося от производственных форм только своей бесполезностью как остаточным проявлением эстетического начала в рационализированно-технизированном обществе. Также и с «самостью» философии, историческим итогом которой как культивируемой мудрости, т. е. философии в собственном смысле слова, является время Просвещения до этапа индустриализма, когда она, переставая быть служанкой религии, еще не стала служанкой науки. С возникновением позитивизма начались ее разложение, «онаучивание», потом превращение в «философию науки», точнее в методологию как технологию теоретического мышления, а сейчас завершается переходом к «исследованиям науки и техники» (STS), «по определению» избавляющихся от какой-либо собственно философской рефлексии об их целях и смысле. «Вина» консерваторов, включая великих — Гете, Ницше, Хайдеггера, Толстого, Достоевского — в том, что они остаются на вершинах той формы, которая яв-

ляется представительством вечности бытия во времени и бесконечности в пространстве.

Такова трагическая диалектика перспективы исторического развития человечества [10]. Хотя после того как в России под (у)дарами модернизированного классового бича новой буржуазии панургово стадо официальных марксистских теоретиков рвануло в противоположную от марксизма сторону и о диалектике стали забывать, тем не менее развитие противоречиво, многомерно, с остановками и поворотами, оно может менять направление. Как наиболее глубокая философская теория развития, диалектика была спекулятивным предвидением синергетики, опирающейся на нелинейное представление о нем и которое верующим в фатальный детерминизм то и дело преподносит сюрпризы, показывая, что оно открыто и «возможно все». Сложность нелинейных процессов означает, что прогресс чего-то одного всегда является регрессом другого, что между разными слоями бытия есть «щели», «зазоры», зоны столкновения и равновесия противоположных течений, благодаря чему можно надеяться на коэволюцию естественного и искусственного миров. Надеяться на возможность влияния на нее сознательной воли человека, противодействия или поддержки. На оправданность борьбы за более благоприятную для себя форму развития. Без(д)умные вопли технократов «Прогресс не остановишь!» — не основание для того, чтобы принимать все, что происходит, и отказываться от попыток что-либо поощрять, а чему-то сопротивляться, видя, что в самой современной науке ее передний край нелинейный, индетерминистский, вероятностный. Если мы стоим перед дилеммой «консервативно жить или прогрессивно умереть», сознающий человек, человек с рефлексией, как любой индивид не самоубийца, должен выбирать Жизнь. Бороться против ее слияния (конвергенции) с Техникой, за их взаимное со-хранение (коэволюцию). Нет — конвергенции, да — коэволюции!

* * *

Всем нам свойственно ошибаться, сказал петух, спрыгивая с утки. Сделав какое-то дело и приобретя опыт, мы всегда видим, что его можно было сделать лучше. Однако иногда эти ошибки бывают непоправимыми. Как теперь, которую делает человечество, отдавая себя во власть стихийного развития техники, когда We do not need future, that we build (мы не нужны будущему, которое создаем). Тем не менее, у нас нет выхода, кроме как быть оптимистами. Пусть не удастся остановить это суицидное трансгрессивное движение — должны же быть люди, которые понимают, что происходит. Чтобы сохранить хотя бы представительское достоинство как мыслящих существ. Были мол, та-

кие, кто видел и предупреждал, предлагая отслеживать результаты технической активности дальше собственного носа и противостоять вызываемой ею digital dementia. Уповали на возможность сосуществования множества бытийных форм, надеялись на благоразумие представителей их «нашей реализации», а некоторые помнили и вдохновлялись тем, как долго, как убедительно философы твердили о «свободе» и «выборе». В любом случае, если положение безнадежно, надо (с)делать все, чтобы его изменить. Вдруг что-то случится, и современные люди, преодолевая наваждение бесцельного, без образца и идеала прогресса начнут понимать, что он нужен для жизни, считать им актуализацию силы бытия, стремление к сохранению гомеостазиса на Земле и бороться до конца, пусть и без надежды на окончательную победу (см. блог к [4]).

Как это делал в рамках марксизма *левый консерватор* Михаил Лифшиц, по(до)казывая, что его конец был вершиной классической философии, которую он защищал как высшее проявление культуры в целом еще на дальних подступах к провозглашению «смерти человека», борьбе с его жизненным миром, которая в модернизме только начиналась, а открыто развернулась в нашу пост/трансмодернистскую эпоху. Быть теоретически честным и социально последовательным, пред-видя при этом дальше современников — позиция предельной духовной напряженности, диалектико-драматическая. Воспроизводить теоретическую ситуацию М. Лифшица и, как мы, стараясь продолжать его линию, чувствуем это по/на себе — трагически неактуальное и от того «несчастное сознание», но это высокая трагедия. Всякий, кто хочет сохранять(ся) на нашей Земле человек(ом)а, кто не привержен самоапокалипсису — консерватор. Антропоконсерватор. Критический, творческий, гуманистический. Казус судьбы и историческое значение Михаила Лифшица в культуре в том, что он был первым выдающимся представителем, вдохновляющим примером *Философии Сопротивления* техногенной деградации человечества, исповедуя и следуя которой Homo genus/sapiens мог бы/может выиграть годы, десятилетия, века. Своей жизни.

Литература

1. *Брант С.* Корабль дураков. М., 1971.

2. *Ерохин С.В.* Автоматическое искусство // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. 2009. № 4.

3. *Кутырев В.А.* Бытие или Ничто. СПб., 2010.

4. *Кутырев В.А.* Продолжится ли человеческий род в погоне за новым? // Завтра. 2018. № 9. 10 март. Электронный выпуск.

5. *Лифшиц М.* Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10.

6. *Лифшиц М.* Почему я не постмодернист // Искусство и современный мир. М., 1978.

7. *Лифшиц М.* Проблема Достоевского. Разговор с чертом. М., 2015.

8. *Лифшиц М.* Феноменология консервной банки // Лифшиц М. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988.

9. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М., 2004.

10. *Фукуяма Фр.* Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2004.

11. *Шулевский Н.Б.* Технос и Сфинкс // Философия хозяйства. 2018. № 6.

12. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической марксистской философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1991.

References

1. *Brant S.* Korabl' durakov. M., 1971.

2. *Erokhin S.V.* Avtomaticheskoe iskusstvo // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Filosofskie nauki. 2009. № 4.

3. *Kutyrev V.A.* Bytie ili Nichto. SPb., 2010.

4. *Kutyrev V.A.* Prodolzhitsya li chelovecheskij rod v pogone za novym? // Zavtra. 2018. № 9. 10 mart. EHlektronnyj vypusk.

5. *Lifshits M.* Ob ideal'nom i real'nom // Voprosy filosofii. 1984. № 10.

6. *Lifshits M.* Pochemu ya ne postmodernist // Iskusstvo i sovremennyj mir. M., 1978.

7. *Lifshits M.* Problema Dostoevskogo. Razgovor s chertom. M., 2015.

8. *Lifshits M.* Fenomenologiya konservnoj banki // Lifshits M. Sobr. soch.: V 3 t. T. 3. M., 1988.

9. *Osipov YU.M.* EHpokha Postmoderna. M., 2004.

10. *Fukuyama Fr.* Nashe postchelovecheskoe budushhee. Posledstviya biotekhnologicheskoj revolyutsii. M., 2004.

11. *SHulevskij N.B.* Tekhnos i Sfinks // Filosofiya khozyajstva. 2018. № 6.

12. *EHngel's F.* Lyudvig Fejerbakh i konets klassicheskoj marksistskoj filosofii // Marks K., EHngel's F. Soch. T. 3. M., 1991.

П.В. ОПОЛЕВ

Усложнение и упрощение в социокультурной динамике: опыт философского осмысления*

Аннотация. Процессы усложнения и дифференциации современного социокультурного пространства требуют переосмысления характера социокультурной динамики. «Конец истории» вопреки ожиданиям не принес победу над идеологическим противостоянием, а, напротив, усилил его. Существующие модели развития культуры и общества упорядочивают хаос исторических событий, обнаруживая там тенденции, связанные с процессами упрощения и усложнения. В данной работе получает осмысление трансформация представлений о роли усложнения и упрощения в социокультурной динамике посредством актуализации смысла таких понятий, как «улучшение», «приращение» и «перераспределение». Автор выявляет, что несмотря на то, что данные понятия диалектически связаны друг с другом, в определенные исторические периоды один из смыслов становится господствующим, детерминируя представления о механизмах и факторах социокультурного усложнения.

Ключевые слова: глобализация, культура, общество, перераспределение, приращение, прогресс, регресс, социокультурная динамика, упрощение, усложнение.

Abstract. The processes of complication and differentiation of modern socio-cultural space require rethinking the nature of socio-cultural dynamics. «The end of history», contrary to expectations, did not bring victory over ideological confrontation, but rather strengthened it. The existing models of cultural and social development organize the chaos of historical events, revealing trends associated with the processes of simplification and complexity. In this paper, the transformation of ideas about the role of com-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ополев П.В. Усложнение и упрощение в социокультурной динамике: опыт философского осмысления // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 110—128.

plexity and simplification in socio-cultural dynamics through the actualization of the meaning of such concepts as «improvement», «increment» and «redistribution» is comprehended. The author reveals that despite the fact that these concepts are dialectically related to each other, in certain historical periods one of the meanings becomes dominant, determining the ideas about the mechanisms and factors of socio-cultural complexity.

Keywords: globalization, culture, society, redistribution, increment, progress, regression, socio-cultural dynamics, simplification, complication.

УДК 316.73
ББК 71+87.6

Проблема трансформации культуры и общества является одной из фундаментальных в рамках современного философского и социально-гуманитарного знания. Особую остроту данной проблематике придает то обстоятельство, что современное социокультурное пространство находится на новом этапе своей дифференциации. Представления о едином «общечеловеческом» векторе развития цивилизации пошатнулись еще в XX в., однако реальные формы складывающиеся противоречивые тенденции развития культуры и общества обрели не так давно.

Метафора «конца истории» вытесняется объективной ситуацией «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон). В результате трансформации подвергается даже событийная история, она переписывается, искажается в соответствии с интересами групп влияния. Как подметил В.Л. Иноземцев, «современный мир формируется как расколотая цивилизация» [8, 33]. Речь идет не только о геополитическом пространстве, но и об изменении характера самой социокультурной динамики в условиях «сложного социума», глобализации и постиндустриализма. Постмодернизм в лице М. Фуко заговорил о несоизмеримых конкретно-исторических эпистемах, которые обусловливают познавательную деятельность. На первый план выходят идеи множественности, нелинейности и перманентной сложности исторического и социокультурного пространства.

Общим местом разнообразных концепций социокультурной динамики является признание определенного порядка культурных трансформаций в глобальном и локальном проявлении культуры. Гипотезой данной работы является утверждение, что как линейно-стадиальные, так и циклические и циклоидальные модели развития культуры и общества упорядочивают хаос исторических событий, обнаруживая там тенденции, связанные с процессами упрощения и усложнения. Ретро-

спективная оценка культурного многообразия, изменений и трансформаций культурных систем отмечает различия в характере и уровне их сложности. Сложность культуры сама по себе оказывается мощным фактором, детерминирующим ее развитие, стимулирующим ее внутренние потенции или обрекающим на застой и деградацию.

Наиболее последовательно представления о направленном развитии культуры и общества выражаются посредством понятия «прогресс». Данное понятие в концептуальном виде заключает в себе целый комплекс идей: идею закономерности и необратимости развития, идею совершенствования (а, значит, и усложнения) социокультурных форм, идею непрестанного усложнения видов человеческой деятельности и развития человеческого разума. Принято считать, что общественный прогресс составляет наиболее общую тенденцию исторического процесса. Идея прогресса носит оценочный характер, дифференцируя событийную историю по степени совершенства, «проявленности» человеческих возможностей. Возрастание возможностей связывается с усложнением приемов и видов человеческой деятельности, которые становятся все многообразнее, эффективнее и полезнее.

Идея прогресса видится универсальной: она позволяет дифференцировать и унифицировать человеческую историю, характеризовать уровень развития материальной и духовной культуры, фиксировать преимущества новых технологий в освоении природы. Мысль о непрестанном развитии в ходе созидательной деятельности (как духовной, так и материальной) человека красной нитью проходит через многие представления о социокультурной динамике.

В работе П. Фейерабенда «Прогресс в философии, науке и искусстве» развитие во всех сферах общественного развития связывается со способностью к творчеству. Предлагается выделять количественную (намеченную Бл. Августином) и качественную (намеченную Дж. Вазари) интерпретацию понятия «прогресс» [29, 216]. Прогресс, понятый количественно, предполагает приращение, процесс, предполагающий изменения свойств вещей (идей, навыков, произведений искусства). Качественные интерпретации прогресса П. Фейерабенд называет относительными, поскольку то, что является прогрессом для одних, может оказаться регрессом для других. Качественные интерпретации прогресса подчеркивают не только его ценностно-нормативную природу, но и структурно-функциональные различия, которые он порождает. В работе И.А. Гобозова «Прогресс или регресс общества» предлагается выделять объективный и субъективный аспекты прогресса. Объективно он связывается с исторической тенденцией восходящего движения обще-

ства к совершенству. Субъективный фактор связывается с активностью и желаниями самих людей [4, 40—41].

На первый взгляд, история человечества вполне может быть описана как последовательное движение от более простых социокультурных форм к более сложным. В контексте нашей проблематики предлагаем выделять три значимых для нас смысла, вкладываемых в представления об усложнении: улучшение, приращение и перераспределение. В действительности данные процессы оказываются диалектически связанными друг с другом, обнаруживая себя как процессы нарастания сложности. Усложнение как приращение предполагает добавление, накопление, прибавление чего-бы то ни было. Можно говорить о приращении как в количественном, так и в качественном смысле этого слова. Усложнение можно рассматривать и как процесс совершенствования, качественного улучшения старого. Более сложное — более полезное, эффективное и желательное. В этом случае процесс усложнения получает аксиологический оттенок, фиксируя «неколичественные» характеристики сложности. Вместе с тем следует отметить, что прогрессивные изменения, оказывающиеся усложнением, не всегда связаны с улучшением и приращением. Мысль о том, что «приращение» сложности требует утраты и оказывается возможным только через перераспределение, встречается уже в мифологии. Историко-культурная традиция знает множество примеров, когда разрушение одной цивилизации становится источником ускорения социокультурной динамки для других. Исторические события демонстрируют, что часто именно регрессивные изменения в одной цивилизации дают мощный толчок для развития другой.

В исторической перспективе культура и общество обнаруживают не тождественность своим первоначальным состояниям: возникая, они развиваются, подвергаются определенным изменениям как во времени, так и в пространстве. Улучшение, приращение и переопределение, будучи диалектически связанными, повсеместно присутствуют в процессах социокультурной динамики, однако в определенные периоды один из смыслов становится господствующим. Гибель культур, растворение некоторых из них в историческом пространстве в качестве «этнографического материала» (Н.Я. Данилевский), также не является уникальным событием.

Прогресс неотъемлемо связан с бытием культуры. Мы не согласны с высказыванием Г.С. Киселева о том, что «сама по себе культура не обеспечивает прогресса» [9, 20]. Идея прогресса является результатом внутреннего усложнения самой культуры и выражением ее самодвижения. Идею прогресса в культуре (задолго до концептуализа-

ции этого принципа в науке) выражает принцип сохранения, накопления и перераспределения. Как отмечает В.А. Гуторов, «прогресс — синоним эволюции, развития, а не фрагментации, сегментации и растворения. Прогресс означает рождение новой культуры, в которой ценности трансформируются, приобретают новые формы, а не уничтожаются или становятся бессмысленными» [5, 36].

Бытие культуры требует, чтобы она постоянно воспроизводила свою структуру. Структура культуры определяет ее потенциальные возможности, богатство ее социально-культурных практик в процессе адаптации к условиям своего бытия. Структура современной культуры богаче, сложнее, чем, скажем, у первобытной культуры, что позволяет ей адекватно реагировать на внешние и внутренние вызовы. Вместе с тем, развиваясь, культура не только становится все более многообразной, сложной, но и одновременно обнаруживает тенденции упрощения, отмирания социокультурных практик. Разнообразие институциональных субъектов, видов деятельности усложняет социально-экономические отношения, одновременно упрощая человеческие взаимодействия. Если бы культура не усложнялась, то многие социокультурные практики попросту не могли бы возникнуть. Верно и обратное утверждение: если бы в культуре не происходило упрощение, многие социокультурные практики также не могли бы существовать. Напрашивается определенная тенденция: культуры, системно усложняясь, всегда упрощаются. Получается, что прогресс — это одновременно процесс нарастания как сложности, так и простоты.

Многообразие культур и различия между ними являются демонстрацией того, что усложнение структуры культуры является объективной тенденцией культурного развития. Кроме того, культуре оказывается присущ определенный уровень «несократимой сложности», переступая который она уже не может воспроизводиться. Упрощение культуры является частным, но обязательным моментом ее системного усложнения в процессе социокультурного развития. Избыточная сложность самой культуры, в свою очередь, может стать препятствием для ее развития. Неконтролируемая пролиферация структуры культуры рождает порядок, который Ж. Бодрийяр назвал «метастатическим» [1, 13]. Невозможность отбросить изжившие структурные элементы культуры, отказаться от архаичных социокультурных практик в условиях новых цивилизационных вызовов может привести культуру к деградации и гибели.

Изменения, происходящие по ходу социокультурного развития, по- разному оцениваются в рамках историко-философской традиции. Начиная с Античности менее всего подвергаются сомнению представ-

ления об интеллектуальном развитии, усложнении материальной и технологической культуры. Представления о прогрессе как кумулятивном процессе накопления знаний («аккумуляции истин») восходят к размышлениям Ф. Бекона и Р. Декарта. Обсуждение перспектив нравственного прогресса, напротив, принимает остро дискуссионный характер. Д.И. Дубровский в работе «О нравственном прогрессе и нравственном регрессе» отмечает, что «вряд ли европейская цивилизация даже в лучшие свои периоды дает повод говорить о нравственном прогрессе» [6, 91]. Вместе с тем образ «благородного» дикаря, противопоставление деревенской простоты нравов безнравственности, порожденной цивилизацией, встречаются уже у шумеров в «Эпосе о Гильгамеше». Исключением в этом ряду критики и отрицания нравственного прогресса является марксизм. Улучшение социальной природы человека сопровождается неизбежным изживанием эгоизма — следствия капиталистического способа хозяйствования.

Историческая эволюция культурных систем является примером влияния разнородных и разнонаправленных факторов, количественных и качественных изменений. Несмотря на то, что бывает достаточно трудно определить, какие культурные изменения и факторы оказываются решающими в деле развития культуры или ее гибели, известны продуктивные попытки вывести динамику культуры и общества из трансформации одного или нескольких ключевых факторов. Выделение этих факторов позволило сформировать линейно-стадиальные подходы к социокультурной динамике, всемирно-исторические модели развития культуры, в которых социокультурное развитие жестко детерминировано (материальными или духовными факторами) и имеет свой вектор (преимущественно восходящий). Отрицание магистральной линии человеческой истории, отказ от понятия «общечеловеческая цивилизация» легли в основание представлений о самобытных культурно-исторических типах, в хаосе культурного многообразия которых усматривается определенный ритм, описываемый образом повторяющихся циклов.

Принято считать, что образ повторяющихся замкнутых циклов связан с агрокультурной деятельностью первых земледельческих культур, в то время как представления о магистральной линии человеческой истории связаны с появлением зрелых форм религиозного сознания (например, иудаизма или зороастризма). Исторически первой моделью социокультурной динамики можно считать циклическую модель [26, 4]. Мифология Античности и религии Древнего Востока изобилуют образами круговорота, вечных повторяющихся циклов, которые сопровождают бытие природы, общества и человека. Размышления о

постоянном возвращении к истоку, «на круги своя» (Еккл. 1:6) лежат в основании ветхозаветных представлений. Идея космических циклов встречается в рамках древнегреческой философии. Следует заметить, что представления о цикличности в большей степени характеризуют политико-правовые представления философов Античности. Осмысление идеи о том, что «человечество идет вперед», также присутствует и в рамках работ Гесиода. В работе Лукреция «О природе вещей» прогресс осмысляется как процесс, имеющий «трагический», противоречивый характер, в котором совершенствование материальной стороны человеческой жизни сопровождается нравственной деградацией. Трагизм в описании социокультурной динамики древними греками связан с идеей фатума, судьбы, рока, предзаданной и неизбежной последовательности исторических и биографических событий.

Линейные концепции социокультурной динамики предполагают большую структурную сложность культуры и духовного мира самого человека, поскольку требуют развитых представлений о внешнем и внутреннем времени, смысле и назначении бытия, соотнесенного с трансцендентным. Существенное влияние на концепции социокультурной динамики оказало возникновение христианства, которое на качественно ином уровне подводит культуру и общество к идее совершенствования, восходящего, но телеологического движения. В аннотации к фундаментальной работе Р. Нисбета «Прогресс: история идеи» прогресс рассматривается именно как результат «взаимодействия христианства с античными идеями» [20].

В основе монотеистических религий лежат представления о едином Боге — подлинном источнике бытия мира, который не только его создает, но и посредством замысла предписывает его динамику и конечную цель развития. Можно сказать, что архитектоника Библии переносится на всю человеческую историю. В рамках христианской культуры происходит открытие исторического времени, которое выходит за границу событийной истории. Смысл и назначение истории связываются со сферой трансцендентного бытия. Рост и убыль, усложнение и упрощение в рамках социокультурной динамики оказываются укоренены в представлениях о конечных целях бытия, представлении о высшем смысле (Божественном промысле).

Циклические модели социально-культурной динамики на качественно ином уровне воспроизводятся в рамках эпохи Возрождения, постепенно освобождаясь от религиозного содержания и религиозно-финалистских представлений. Ряд современных мыслителей (например, Д. Бьюри [33, 7]) полагают, что идея прогресса возникает только в эпоху Возрождения и связывается с накоплением научных фактов и

усложнением методов познавательного процесса. Усложнение и упрощение (как природы, так и социокультурной действительности) все чаще рассматриваются не как проявление Божественного промысла, а в качестве естественного хода вещей.

Гуманистическое (Ф. Петрарка), политическое (Н. Макиавелли) социал-утопическое (Т. Кампанелла) направления в философии эпохи Возрождения реабилитируют человека как творца и субъекта социокультурной динамики, намечают снятие противоречий между линейными и циклическими подходами. Представления о последовательной смене форм правления мы встречаем в работах Н. Макиавелли. Интересным в контексте нашей проблематики является его замечание о том, что в социокультурная динамика связана с процессами перехода от «упорядоченности к беспорядку» и от «беспорядка к новому порядку» [14, 410]. Здесь, по нашему мнению, уже просматриваются представления о роли процессов усложнения и упрощения в социокультурной динамике. Можно сказать, что в этом случае развитие культуры и общества описывается как процесс телеономический.

Идея естественного поступательного движения человечества просматривается в работах Д. Вико. Его взгляды демонстрируют своеобразный компромисс между эсхатологическими мотивами христианства и исторической рефлексией Античности. Внутренний раскол, вызванный повреждением (вследствие грехопадения) человеческой природы, постоянно отбрасывает человечество назад [26, 8]. Усложнение и упрощение — это естественный процесс, характеризующий этапы человеческого развития на фоне преодоления человечеством своих пороков.

В XVIII в. представления о поступательном развитии человечества формировались целым рядом мыслителей (Ф.-М.А. Вольтер, Д. Дидро, Ж.Л. Д'аламбер, Ж. А.Н. Кондорсе и др.). Светская идея прогресса получает свою концептуальную форму в работе Ж.А.Н. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». Он активно развивал идею о прогрессе, предполагая безграничное и непрекращающееся движение, совершенствование человеческого разума и промышленности [11, 5]. Такого рода идеи можно охарактеризовать как «оптимистический фатализм», или «исторический оптимизм», поскольку общественное развитие рассматривалось как потенциально бесконечное и ничем не ограниченное (в отличие от христианских представлений) совершенствование, усложнение, исключающее регресс. Прогресс, понятый как средство освобождения общества от ограничений, накладываемых природой (и «пережитками» самой культуры), распространялся и на сферу морали. Вне зависимости от того,

что рассматривается в качестве движущей силы социально-культурной динамики (Божественная воля, разум, саморазвитие идеи, возрастание свободы и др.), в ней присутствуют мотивы усложнения как улучшения и приращения.

Развитие индустриального общество базируется на представлениях о последовательных этапах (стадиях) социокультурной динамики, в которых особое место занимают принципы усложнения, линейности и детерминизма. Усложнение материальной культуры, переход от мануфактурно-ручного к фабрично-машинному производству оказали повсеместное позитивное воздействие на человека и общество. Формирование капиталистических отношений невозможно без усложнения материальной культуры и рассматривается как безусловно прогрессивное изменение (даже с позиции марксизма). Вместе с тем эти же процессы способствовали упрощению социокультурных практик. Образ фабрики, завода, а затем и рынка операционализируют природу человека. Человек все больше превращается в капитал, расходуемый ресурс, придаток системных процессов.

Идеи стадиальности, эволюционистские воззрения в отношении прогресса общества становятся повсеместными в рамках эпохи Просвещения. Ни один мыслитель данной эпохи не обошел вниманием идею прогрессивного развития. Усложнение культуры и общества приобретает кумулятивный и телеономический характер. Христианские представления о конечном состоянии бытия (в том числе и исторического) вытесняются идеями бесконечного усложнения и совершенствования.

Двойственный характер идеи усложнения цивилизации (обсуждаемой уже Ж.-Ж. Руссо) становится предметом рефлексии мыслителей XIX в. Намечаются попытки снять отождествление прогрессивного и эволюционного изменений как исключительно восходящего развития. Регресс и упрощение начинают рассматриваться как неотъемлемый атрибут эволюционных процессов. Еще А. Тюрго подмечал, что «прогресс, хотя и неминуемый, перемешивается с частыми упадками, благодаря событиям и революциям, прерывающим его» [27, 166]. При всем при этом идея грядущего торжества разума оставалась определяющей и существовала в форме достижения всеобщего правового гражданского общества (И. Кант), представлениях об идеальном государстве (Г.В.Ф. Гегель), позитивной философии (О. Конт) и т. д.

В работах Г.В.Ф Гегеля формулируются законы диалектики, позволяющие через противоречие осмыслить развитие. В рамках диалектики идея усложнения как улучшения и приращения нашла свою философскую форму. Диалектическое «снятие» (как единство момен-

тов «сохранения», «подъема» и одновременного «упразднения») составляет один из ключевых аспектов процесса любого развития. Диалектика настаивает на идее вечного развития, единстве поступательности и преемственности, усложнения и упрощения, что получает концептуальное выражение в диалектическом законе отрицания отрицания. Развитие, прогрессивные изменения не только предполагают возникновение нового качества, но и момент перераспределения: сохранения старого. Многие исследователи (в частности Р. Арон [32, 7]) заговорили о том, что прогресс не только создает новое, но и требует выработки механизмов сохранения предшествующего опыта. Вместе с тем мысль о том, что «каждая новая форма социальной организации, искусства или науки <…> представляет собой усовершенствование предыдущей» [10, 309], оказалась чрезвычайно жизнеспособной и в XX в. Так, марксистское понимание истории основывается на представлениях о «царстве свободы», в котором высшей исторической ценностью общества является сам человек, его развитие и совершенствование. Представления о последовательном, кумулятивном накоплении обществом позитивных изменений по мере прохождения «трех стадий» лежат в основании «позитивной» философии О. Конта. Последователь его взглядов Г. Спенсер также рассматривает развитие как движение от простого к сложному.

Идея всеобщих и универсальных закономерностей социально-культурной динамики, выражающих сущность прогресса, подвергается критике в XIX — XX вв. Несостоятельность веры в прогресс становится лейтмотивом многих западных и отечественных философских исследований (например, Л. Франк говорит о «разоблачении прогресса» [30, 174]). Диалектика не только обозначила источник, механизм и направленность развития (в том числе общественного), но и сделала очевидным его противоречивую природу. Немалую роль в этих процессах сыграла и сама наука. Если в рамках механики наука всячески способствовала историческому оптимизму, то открытия термодинамики способствовали усилению пессимистических и эсхатологических настроений.

Термин «энтропия» был введен Р. Клазиусом в 1865 г. для описания состояния термодинамических систем. В дальнейшем данный термин использовался для концептуализации идеи, согласно которой материя стремится к хаосу, разрушению порядка. Идея бесконечного прогресса противоречит как принципу сохранения энергии, так и принципу возрастания энтропии. Прогрессивные изменения не могут иметь место без потерь. Упрощение и усложнение предполагают не только обозначенное «улучшение» и «приращение», но и «трагическое пере-

распределение» (в соответствии с законом сохранения энергии и принципом энтропии). Усложнение материальной культуры, модификация ее структуры требуют внешнего и внутреннего перераспределения ресурсов.

Принцип перераспределения лег в основание современной социально-культурной динамики, оказав воздействие на политику целого ряда государств в XX в. Теоретическую рефлексию социально-культурные последствия принципа «перераспределения» нашли в известном докладе Римского клуба «Пределы роста». По мысли В.В. Емельянова, «для того, чтобы существовало прогрессивное развитие одной части мира, должны быть отняты материальные ресурсы (а значит, и условия нормального развития) у всех остальных частей живого человечества» [7, 53]. Усложнение за «пределами роста» сопровождается деградацией ресурсной базы. Можно сказать, что социокультурный разрыв между «золотым миллиардом» и «периферией» является отражением представлений об усложнении как перераспределении.

В XX в. получает теоретическое осмысление упрощение как неизбежный момент процессов социокультурной трансформации. В философских и культурологических концепциях появляется мотив «кризиса», «застоя», «деградации». Регресс и деградация начинают рассматриваться как составляющие процесса эволюции. Концептуализация представлений о роли простоты и упрощения в социокультурной динамике принадлежит отечественному философу К.Н. Леонтьеву [13]. Простота как вместилище возможностей противопоставляется «смесительному упрощению», «бездарной старческой простоте». Мотив утраты качественного своеобразия, роста, надлома и разложения, иными словами, губительного упрощения раскрывается в работах О. Шпенглера и А. Тойнби. В работах П. Сорокина социально-культурная динамика осмысляется как ритмический процесс.

Прогрессивные изменения неправильно связывать исключительно с обновлениями материальной культуры, приращением наукоемких технологий и средств интенсификации производства. Прогрессивные изменения предполагали усложнение структуры социальных институтов и появление новых форм социальных взаимоотношений. Усложнение рассматривалось также как рост, приращение и улучшение человеческого капитала, раскрытие скрытых потенциальных возможностей человеческой природы. Постепенно становится очевидным, что научно-технический прогресс все больше утрачивает свое гуманитарное измерение, превращает действительность в расходуемый ресурс, упрощает человека до придатка индустриальных процессов и наукоемких

технологий. Формируется так называемый «человек массы» — человек упрощенный. В определенных своих проявлениях идеи улучшения человеческой природы приобретают антигуманистический характер. Прогресс, утратив представления о конечных целях («все дальше, все больше, все могущественнее»), приобретает патологический характер (например, в рамках трансгуманизма).

Идея универсального прогресса социальных и культурных форм, доведенная до крайности, утрирует многообразие исторического опыта, исключает самого человека как субъекта культуры. Утрата представлений о гуманитарной стороне социально-культурной динамики осознается как обратная сторона прогрессивных изменений. Возникает потребность выявить личностное измерение социально-культурной динамики, обозначить особенности ее протекания в разных сферах: интеллектуальной, нравственной, социальной, культурной и т. д. На этом фоне в работах О. Шпенглера и Н. Данилевского формируются представления о многообразии векторов социально-культурной динамики. Эти процессы способствовали повышенному интересу к антропологической проблематике (например, в рамках философии жизни, персонализме, экзистенциализме, психоанализе), проблемам будущего цивилизации (например, в рамках жанра «антиутопии) [28].

В современных исследованиях упрощение и регрессивные тенденции в социокультурной динамике изучаются в контексте феномена глобализации. Глобализация становится эпитетом для описания современности, в которой сосуществуют разнонаправленные, противоречивые тенденции. По мысли И.А. Гобозова, «глобализация не есть объективный процесс, она разрушила логику истории» [4, 46]. Полагаем, что в период глобализационных трансформаций на первый план выходит идея перераспределения. Современность сравнивают с «перегретым водяным котлом» (А.С. Неклесса [18, 91]), в котором необходимо соблюдать определенный баланс. Эта мысль получает свою интерпретацию в рамках представлений о социально-культурной динамике: нарушение баланса ведет к тому, что одна социокультурная форма прогрессирует за счет деградации другой. Идея баланса возникает значительно раньше: в рамках размышлений Ф. Ницше противоречия в культуре подчеркивались дионисийским и апологическим началом, у О. Шпенглера — это противоречие между культурным и цивилизационным состоянием, у Ф. Тенниса — между общиной и обществом, у А. Тойнби — между духовной и материальной культурой, у П. Сорокина — между чувственной и идеациональной системами. Усложнение, прогрессивные изменения одной сферы оказываются возможными только за счет упрощения другой. Следует заметить, что метафора «баланса»

находит свое отражение и в современной науке, концепциях синергетического типа.

Постиндустриальное общество, с одной стороны, органично вписывается в представления о господстве научно-технических критериев социально-культурной динамики, а, с другой — обнаруживает проблемы самоидентификации человека, неоднозначную роль культуры в этом общественном развитии. По мысли А.И. Неклессы, «усложнение социальной и технической оболочек цивилизации ведет к постиндустриальному перевороту, резко возрастает статус нематериальных активов» [17, 4]. Динамику развития современной цивилизации уже вряд ли можно определить термином «прогресс», поскольку деформируются представления о его конечных целях. Можно сказать, что человечество утратило представления о конечных целях своего развития, оказалось увлечено инерцией прогресса, который превратился в неконтролируемое движение, принимающее форму турбулентности. Рефлексия данных тенденций обнаруживается в рамках постмодернизма, который выступил с недоверием к метанарративу прогресса.

Ряд исследователей рассматривают глобализацию как этап всемирного, генерализированного регресса, связанный со становлением «культуры деградации», анклавизации периферии, исчерпанием социального и гуманитарного потенциалов концепта прогрессивного развития. По замечанию А.Л. Сафонова, «основным ресурсом развития становится та или иная форма демонтажа, утилизации, ликвидации, распада существующих социальных структур» [25, 36]. В этом случае усложнение и упрощение осмысляются как момент перераспределения ресурсов.

Приращение сложности одних цивилизаций происходит за счет деградации других. В рамках современных представлений о глобализации на первый план выходит идея перераспределение ресурсов (материальных, экономических, человеческих и т. д.). В работе В.М. Воронова обосновывается связь между научно-техническим прогрессом и процессами обесценивания социально-исторических смыслов [3]. Упрощение охватывает традиционные формы общественного сознания, искажая и утрируя их социальные функции [9, 19].

Усложнение не представляет собой нейтральный, объективный процесс качественных изменений, в котором человек представляет собой средство своего осуществления. Разочарование в прогрессе способствует повышенному вниманию к антропологической проблематике, человеческой индивидуальности. Утрата веры в прогресс, по замечанию Р. Осборна, приводит к осознанию того, что «прийти к лучшей жизни можно было только усовершенствовав себя как человека, а усо-

вершенствовать себя можно было только через самоанализ» [22, 729]. Не случайно, что XX в. характеризуется повышенным интересом к бессознательному, к разнообразным оккультным, эзотерическим и синкретическим учениям (например, в рамках «нью эйдж»). С. Хоружий, размышляя о природе антропологического поворота, приходит к мысли о «капитуляции перед бессознательным» [31]. Деформация в восприятии событийной истории также получает рефлексию в рамках философии постмодернизма (например, идея множественности истории у М. Фуко).

Становление общества потребления и массовой культуры способствует кризису духовной сферы человека. Эти тенденции оказываются резюмированы в маргинализации, либерализации и эгалитаризации современного общества и деконструктивистских тенденциях постмодернизма [21, 40—41]. В XX в. конфликт между «исчислимой» сложностью материальной культуры и «неисчислимой» сложностью культуры духовной принял форму противостояния между прагматическими ценностями и неутилитарными смыслами.

В XX в. «исторический оптимизм», выраженный в представлениях о прогрессе, начинает рассматриваться как «великий миф», утопия, своего рода светская религия, форма историко-философского мистицизма, порожденная наукой и философией эпохи Просвещения. Как справедливо подметил Ю.М. Осипов, «прогрессивное человечество» доводит себя до самоотрицания [23, 23]. С недоверием к идее прогресса выступили многие представители русской религиозной философии (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, С.Л. Франк и др.), в работах которых прогресс противопоставлялся христианским ценностям.

Идея прогресса зашла в тупик, превратилась в свою противоположность и породила такие явления, как «демодернизация», «неоархаизация», «анклавизация». Размышляя о природе прогресса, В.А. Гуторов отмечает, что «философские концепции прогресса искажали и упрощали реальность, постулируя идеи, заведомо противоречащие реальным фактам и сложным процессам» [5, 38]. В этом отношении мы разделяем мысль В.А. Нехамкина о том, что «при выявлении степеней прогресса ученым надо уйти от прямых к более сложным нелинейным зависимостям» [19, 718]. Вместе с тем представления о прогрессе и регрессе не являются относительными, а представляют собой объективные тенденции.

Идея прогресса, утвердившаяся в Новое время, составляет одну из базовых идеологем, метафору всей западноевропейской культуры. Представления как о приращении материальной сложности культуры и общества, так и о процессах губительного упрощения нравов осмысли-

вались уже в рамках античных представлений. В рамках христианства процесс развития культуры и общества рассматривается как процесс линейный и телеологический. Идея усложнения как улучшения вырастает из последовательного телеологического осмысления характера социокультурной динамки. Усложнение в рамках эпохи Средневековья рассматривается как всеобщая и универсальная тенденция, связанная с реализацией в истории Божественного замысла. Телеологичность социокультурной динамики по мере процессов секуляризации оказывается связанной с представлениями о разумной цели (явной или скрытой) исторического и космического процесса. «Хитрость мирового разума» (Г.В.Ф. Гегеля) указывает на то, что развитие и усложнение — это процесс перманентный. В период Нового времени «фаталистический оптимизм», в котором на первый план выходит «жизнь будущего века», вытесняется оптимизмом историческим, лишенным сакральных оснований, но сохраняющим финалистский характер. Усложнение начинает рассматриваться не только как улучшение, но и как приращение, «аккумуляция» знаний, материально-технического разнообразия. Идея усложнения в рамках эпохи Просвещения все больше приобретает телеономический характер, все больше освобождаясь от религиозного и финалистского содержания. Живой организм, его структурное усложнение, в процессе эволюции осмысляется как модель развития действительности. Приращение сложности и упрощение начинают рассматриваться как процессы диалектически связанные, естественные и эволюционные. Регресс и деградация рассматриваются как частный случай всеобщего эволюционного усложнения. Осознание объективного предела (выраженного в понятии «энтропия» и его последующей рефлексии) в начале XX в. способствовало возникновению представлений о балансе, в котором социально-культурная динамика рассматривается в контексте идеи перераспределения. Усложнение оказывается возможным только за счет перераспределения ресурсов (материальных или духовных), которые мыслятся как потенциально конечные. Разочарование в идее общественного прогресса актуализирует антропологическую проблематику, переносит акценты из сферы всеобщего переживания истории на ее индивидуально-личностное осмысление.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.

2. *Бузский М.П.* Субъектная основа бытия и регулирование общества. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 248 с.

3. *Воронов В.М.* Научно-технический прогресс и мировоззренческий кризис современности // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2013. № 2. Т. 16. С. 271—274.

4. *Гобозов И.А.* Прогресс или регресс общества? // Философия и общество. 2015. № 3—4. С. 34—50.

5. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32—43.

6. *Дубровский Д.И.* О нравственном прогрессе и нравственном регрессе // Философские науки. 2007. № 11. С. 81—102.

7. *Емельянов В.В.* Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса) // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 46—57.

8. *Иноземцев В.Л.* Технологический прогресс и социальная поляризация в XX столетии // Полис. Политические исследования. 2000. № 6. С. 28—39.

9. *Киселев Г.С.* Иллюзия прогресса // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 16—26.

10. *Колингвуд Р.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.

11. *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкгкиз, 1936. 266 с.

12. *Ласло Э.* Век бифуркации: постижение изменяющегося мира // Путь. 1995. № 1. С. 54—59.

13. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Избранное. М.: «Рарогъ», «Московский рабочий», 1993. С. 19—119.

14. *Макиавелли Н.* Государь: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2001. 656 с.

15. *Моисеев Н.Н.* Естественнонаучное знание и гуманитарное мышление // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 63—75.

16. *Назаретян А.П.* Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 91—98.

17. *Неклесса А. И.* Приватизация будущего // ИНТЕЛРОС. Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Специальный выпуск для XXVIII Международного экономического форума в г. Крыница-Здруй, Польша / Отв. ред. Е.В. Хомутова. М.: ИНТЕЛРОС — Интеллектуальная Россия, 2018. 28 с.

18. *Неклесса А.И.* Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 85—110.

19. *Нехамкин В.А.* Теория общественного прогресса: достижения и пределы // Вестник Российской академии наук. 2013. № 8. Т. 83. С. 711—719.

20. *Нисбет Р.* Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007. 557 с.

21. *Ополев П.В.* Становление и развитие диалектики и синергетики в культуре // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4 (13). С. 37—42.

22. *Осборн Р.* Цивилизация. Новая история Западного мира. Пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008. 764 с.

23. *Осипов Ю.М.* Бремя тектонических перемен, или Мистериальный танец мировых пирамид // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 11—23.

24. *Павленко Ю.В.* Альтернативные подходы к осмыслению истории и проблема их синтеза // Философия и общество. 1997. № 3. С. 3—31.

25. *Сафонов А.Л.* Глобализация: конец истории или конец эры прогресса? // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2013. № 6. С. 32—38.

26. *Сорокин П.А.* Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 3—14.

27. *Тюрго А.Р.* Прогресс человеческого разума // Философия и общество. 1999. № 3. С. 160—167.

28. *Уилсон Д.* История будущего. Пер. с англ. И.Е. Добровольского. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 286 с.

29. *Фейерабенд П.* Прогресс в философии, науке и искусстве // Эпистемология и философия науки. 2009. № 4. Т. 18. С. 215—231.

30. *Франк С.Л.* Смысл жизни // Духовные основы общества. М.: «Республика», 1992. 511 с.

31. *Хоружий С.С.* Кризис цивилизации сквозь призму антропологии, истоки, механизмы и пути преодоления // Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 20 декабря 2005 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://intelros.ru/club/texts/horuzjiy_1_club.pdf.

32. *Aron R.* Dix-huit leçons sur la societe industrielle. Paris: Gallimard, 1962. 378 p.

33. *Bury J.B.* The idea of progress: An inquiry into its growth and origin. London: Macmillan and Co., Ltd., 1920. 377 p.

References

1. *Bodrijyar ZH.* Prozrachnost' zla. M.: Dobrosvet, 2000. 258 s.
2. *Buzskij M.P.* Sub"ektnaya osnova bytiya i regulirovanie obshhestva. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2002. 248 c.
3. *Voronov V.M.* Nauchno-tekhnicheskij progress i mirovozzrencheskij krizis sovremennosti // Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2013. № 2. T. 16. S. 271—274.
4. *Gobozov I.A.* Progress ili regress obshhestva? // Filosofiya i obshhestvo. 2015. № 3—4. S. 34—50.
5. *Gutorov V.A.* O nekotorykh tendentsiyakh interpretatsii kontseptsii progressa v sovremennoj sotsial'noj teorii // Voprosy filosofii. 2017. № 12. S. 32—43.
6. *Dubrovskij D.I.* O nravstvennom progresse i nravstvennom regresse // Filosofskie nauki. 2007. № 11. S. 81—102.
7. *Emel'yanov V.V.* Istoricheskij progress i kul'turnaya pamyat' (o paradoksakh idei progressa) // Voprosy filosofii. 2011. № 8. S. 46—57.
8. *Inozemtsev V.L.* Tekhnologicheskij progress i sotsial'naya polyarizatsiya v XX stoletii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2000. № 6. S. 28—39.
9. *Kiselev G.S.* Illyuziya progressa // Voprosy filosofii. 2015. № 4. S. 16—26.
10. *Kolingvud R.* Ideya istorii. Avtobiografiya. M.: Nauka, 1980. 485 s.
11. *Kondorse ZH.A.* EHskiz istoricheskoj kartiny progressa chelovecheskogo razuma. M.: Sotsehkgkiz, 1936. 266 s.
12. *Laslo EH.* Vek bifurkatsii: postizhenie izmenyayushhegosya mira // Put'. 1995. № 1. S. 54—59.
13. *Leont'ev K.N.* Vizantizm i slavyanstvo // Izbrannoe. M.: «Rarog"», «Moskovskij rabochij», 1993. S. 19—119.
14. *Makiavelli N.* Gosudar': Sochineniya. M.: ZAO Izd-vo EHKSMO-Press; KHar'kov: Izd-vo «Folio», 2001. 656 s.
15. *Moiseev N.N.* Estestvennonauchnoe znanie i gumanitarnoe myshlenie // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1993. № 2. S. 63—75.
16. *Nazaretyan A.P.* Sinergetika v gumanitarnom znanii: predvaritel'nye itogi // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 2. S. 91—98.
17. *Neklessa A. I.* Privatizatsiya budushhego // INTELROS. Byulleten' Komissii po sotsial'nym i kul'turnym problemam globalizatsii Nauchnogo soveta «Istoriya mirovoj kul'tury» pri Prezidiume RAN. Spetsial'nyj vypusk dlya XXVIII Mezhdunarodnogo ehkonomicheskogo foruma v g.

Krynitsa-Zdruj, Pol'sha / Otv. red. E.V. KHomutova. M.: INTELROS — Intellektual'naya Rossiya, 2018. 28 s.

18. *Neklessa A.I.* Okna v budushhee: kul'tura slozhnosti i samoorganizatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. № 1. S. 85—110.

19. *Nekhamkin V.A.* Teoriya obshhestvennogo progressa: dostizheniya i predely // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2013. № 8. T. 83. S. 711—719.

20. *Nisbet R.* Progress: istoriya idei. M.: IRISEHN, 2007. 557 s.

21. *Opolev P.V.* Stanovlenie i razvitie dialektiki i sinergetiki v kul'ture // Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk. 2009. № 4 (13). S. 37—42.

22. *Osborn R.* TSivilizatsiya. Novaya istoriya Zapadnogo mira. Per. s angl. M. Kolopotina. M.: AST: AST Moskva: KHranitel', 2008. 764 s.

23. *Osipov YU.M.* Bremya tektonicheskikh peremen, ili Misterial'nyj tanets mirovykh piramid // Filosofiya khozyajstva. 2018. № 4. S. 11—23.

24. *Pavlenko YU.V.* Al'ternativnye podkhody k osmysleniyu istorii i problema ikh sinteza // Filosofiya i obshhestvo. 1997. № 3. S. 3—31.

25. *Safonov A.L.* Globalizatsiya: konets istorii ili konets ehry progressa? // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya. 2013. № 6. S. 32—38.

26. *Sorokin P.A.* Obzor tsiklicheskikh kontseptsij sotsial'no-istoricheskogo protsessa // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1998. № 12. S. 3—14.

27. *Tyurgo A.R.* Progress chelovecheskogo razuma // Filosofiya i obshhestvo. 1999. № 3. S. 160—167.

28. *Uilson D.* Istoriya budushhego. Per. s angl. I.E. Dobrovol'skogo. M.: AST: AST Moskva: KHranitel', 2007. 286 s.

29. *Fejerabend P.* Progress v filosofii, nauke i iskusstve // EHpistemologiya i filosofiya nauki. 2009. № 4. T. 18. C. 215—231.

30. *Frank S.L.* Smysl zhizni // Dukhovnye osnovy obshhestva. M.: «Respublika», 1992. 511 c.

31. *KHoruzhij S.S.* Krizis tsivilizatsii skvoz' prizmu antropologii, istoki, mekhanizmy i puti preodoleniya // Materialy k zasedaniyu kluba «Krasnaya ploshhad'» 20 dekabrya 2005 g.: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://intelros.ru/club/texts/horuzjiy_1_club.pdf.

И.С. КАРАМЫШЕВ

Математика как европейский феномен*

Аннотация. Показывается связь развития того, что принято называть словом «математика», с мировоззренческими установками, политическими и социокультурными особенностями тех, кого принято называть «европейцами». Во времена Платона европейцы жили в Греции, и именно там математика возникла как теоретическая наука, отделившись, с одной стороны, от мифологических и религиозных представлений, с другой, от прикладных вычислительных и измерительных практик. И достижения, и кризисы в развитии математики существенным образом обусловлены теми типологическими характеристиками культуры, в условиях которых работали математики. В статье не утверждается ни строгая линейная социокультурная детерминация развития математики, ни возможность извлечения из такого подхода прогностических ресурсов. Интерес именно к «европейской математике» обусловлен не только связанной с достаточностью и доступностью источников перспективностью исследований, но и признанием достижений европейских математиков как наиболее значительных. При этом речь не идет о существовании нескольких математик, среди которых особо выделяется европейская, или об одной математике, европейский вклад в которую оказался самым существенным. Этот момент здесь не проблематизируется. Исследовательский интерес направлен исключительно на фиксацию связи развития исторических форм математики с мировоззренческими установками, политическими и социокультурными особенностями европейцев.

Ключевые слова: математика, европейская математика, европейское человечество, история математики, философия математики, социокультурная философия математики.

Abstract. The article shows the connection between the development of what is commonly called by the word «mathematics», and worldview attitudes, political and sociocultural characteristics of those who are called

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Карамышев И.С. Математика как европейский феномен // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 129—140.

the "Europeans". In the days of Plato, the Europeans used to live in Greece, and it was there that mathematics had emerged as a theoretical science, separating, on the one hand, from mythological and religious representations, and on the other hand, from applied computational and measuring practices. Both achievements and crises in the development of mathematics are essentially determined by those typological characteristics of culture in the conditions of which mathematicians worked. The article affirms neither strict linear sociocultural determination of the development of mathematics, nor the possibility of extracting prognostic resources from this approach. The interest precisely in «European mathematics» is due not only to the prospects of research connected with sufficiency and availability of sources, but also with recognition of the achievements of European mathematicians as the most significant. In this case, we are not talking about the existence of several mathematics, among which the European one distinguishes, or about one mathematics, the European contribution to which turned out to be the most significant. This point in the article is not problematized. The research interest is directed solely at fixing the connection between the development of historical forms of mathematics and world outlook, the political and sociocultural characteristics of the Europeans.

Keywords: mathematics, European mathematics, European humanity, history of mathematics, philosophy of mathematics, sociocultural philosophy of mathematics.

УДК 165.9
ББК 87.22

Введение

Практики, существовавшие в разных культурных традициях и объединенные теперь общим названием «математика», существенно обусловлены политическим устройством и представлениями о мире, своих применителей. Наиболее распространено сведение многообразия таких практик либо к однонаправленному процессу, либо к нескольким независимым, но подобным по структуре и направлению. Редукция обоих типов, очевидно, не только упрощает, но и искажает картину, представленную фактами из истории математики. Более ценным в исследовании связи особенностей математических и политических практик отдельных культурных традиций с их представлениями об окружающем мире будет качественное раскрытие этих особенностей с положительной стороны, внимание не к недостающему или подобному, а к особенному и характерному.

Вычислительные и измерительные практики

Человек — существо считающее. Он не приходит с этой способностью в мир, но приобретает ее. Познавая мир, он учится различать, упорядочивать, устанавливать соответствия и, наконец, считать. Именно эти навыки позволяют ему целостно осмыслить и затем упорядоченно выразить полученные представления об окружающем мире и своем месте в нем. Платон говорит о происхождении у человека способности к счету из наблюдений за сменой дня и ночи, изменениями фаз Луны и цикличными повторениями времен года. Аристотель, определяя время как «число движения», пишет, что «быть во времени — значит быть в числе». Кант связывает временные представления с количеством как понятием рассудка [6, 128].

Наглядно иллюстрирует эту связь отсутствие временных представлений у не считающих народов, не способных рассказать историю как строгую последовательность событий без повторений и временных скачков. Иванов в статье «К антропологии числа», говоря об «отсутствии или очень слабой роли числительных и счета в языках и обычаях» некоторых амазонских племен, отмечает, что у них «нет не только мифологических повествований, но нет и связных историй, для которых было бы важно перечисление отдельных эпизодов» [5].

Связь способности народов к счету и вычислениям с наличием у них мифа, с возможностью формирования представлений об окружающем мире отражена в различных мифологических и религиозных текстах, а также в сохраненных народной традицией пословицах, поговорках, загадках и детских считалках. Последние представляют собой почти ритуальное действо и как бы выполняют роль учебных счетных практик. В детских играх и традиционных бытовых ритуалах, в религиозных и квазирелигиозных обрядах часто можно обнаружить математическое содержание: счет и сравнения, последовательности и закономерности, точные количества повторений молитв и поклонов.

В мифологических и религиозных текстах древности числам, измерениям, счету отведено важное место. Причем речь идет не только о малых числах (двенадцать подвигов Геракла), но и о больших, которые, в «Илиаде», например, выступают не только в значении «очень много» («словно как девять иль десять бы тысяч воскликнули разом» [1, 301]) — в поэме постоянно даются точные количества кораблей и воинов, мер вина и единиц скота.

Книга «Бытие» начинается с рассказа о шести днях творения (Быт. 1:1—31). Дальше говорится о размерах ковчега (Быт. 6:15), о количестве взятых на него животных (Быт. 7:2, 3) и о числе дней, в кото-

рые убывает вода (Быт. 8:5—12). При перечислении потомков Адама про каждого из них говорится, сколько лет он жил до рождения сына, сколько после, и затем приводится сумма этих двух- (или трех-)значных чисел (Быт. 5:3—32). Примеры умножения трех- (или даже четырех-) значных чисел содержатся в другой древней книге Ветхого Завета — книге Иова, где количества разных видов скота, приведенные в первой главе (Иов. 1:3), умножаются на два в последней (Иов. 42:13). Наконец, в «Числах», четвертой книге Моисея, приведены подробные данные по исчислению народа, отдельных его колен, священнослужителей и т. д.

Вычислительные и измерительные практики (измерение длины дороги, ширины реки и высоты стен; подсчет количества зерна, людей, дней, единиц скота) — фундаментальные способности, без которых ни одна культура не возникла и не смогла бы развиться. При том что древнегреческая математика по праву занимает почетное место среди математических или околоматематических практик других народов, многие математические методы и результаты неизвестные или запрещенные в Древней Греции были получены и применяемы в культурах, развивавшихся до (или независимо от) греческой.

Сохранившиеся математические тексты Древнего Египта представляют собой примеры или рецепты решений конкретных задач и не дают оснований говорить о существовании там математики как теоретической науки [8, 30]. Египтяне умели выполнять действия с дробями, вычислять площади и объемы, решать то, что в современной математике называют уравнениями с одним неизвестным. Все эти действия имели практический смысл и значение, в связи с чем приближенные значения принимались наравне с точными.

В математических текстах Месопотамии, которых «несравненно больше, чем египетских» [8, 31], но по отношению к которым так же стоит трудность, связанная с доступностью или репрезентативностью источников, вместе с задачами, сводящимися в наше время к решению уравнений второй и третьей степеней, содержатся таблицы квадратных и кубических корней. Здесь умели работать с дробями и процентами, а развитие точности методов астрономии привело к появлению зачатков тригонометрии и прообразов функциональных зависимостей.

В Китае умели извлекать квадратные и кубические корни из целых чисел, решать задачи, сводимые современными математиками к системам уравнений с несколькими неизвестными. Как и в Месопотамии здесь были знакомы с «теоремой Пифагора». Китайцы проявляли интерес к алгоритмическим методам, умели давать достаточно точные приближенные значения (отношение длины окружности к ее диаметру они определяли с точностью до восьмого знака после запятой). В

текстах XIII—XIV вв. встречаются решения уравнений четвертой и высших степеней, очевидно не имеющих наглядной геометрической интерпретации. Индийцы употребляли ноль для обозначения отсутствия единиц данного разряда, умели делить многозначные числа, производили вычисления с дробными, иррациональными и отрицательными величинами, ввели линии синуса и косинуса.

Математика древнегреческого полиса

В Древней Греции развитие математики шло иным путем. Здесь, отделившись, с одной стороны, от мифологических представлений, а с другой — от прикладных вычислительных и измерительных практик, она возникла как теоретическая наука. Не ограничиваясь приближенными, найденными эмпирическим путем решениями, греческие математики ищут точные доказательства и логически исчерпывающие решения проблем. Именно здесь появляются строгие математические доказательства и возникают первые попытки построения математики как теоретической науки.

Начало выделения философии и математики из области мифологических представлений древних греков связывают с одними и теми же фигурами (Фалес, Пифагор): и у них, и у следующих поколений исследователей философия и математика тесно связаны друг с другом. Знания в области математики позволяли греческим философам находить удачные примеры для иллюстрации своих рассуждений. Язык «первых греческих философов, включая Платона <...> [еще] полон знакомых архаическому человеку мифических, архаических образов, ассоциаций, представлений» [9, 28], но их деятельность уже направлена на отделение и математики, и философии от мифа и от вещей.

Апории Зенона — пример контринтуитивных положений, вступающих в прямое столкновение с опытными данными. В платоновском мире идей можно формулировать законы, независящие ни от мифологической традиции, ни от эмпирической данности. Греки стремились к идеалу и гармонии, к закону и порядку. Не поставленный Богом завет или издревле устоявшийся обычай определяли устройство полисов Древней Греции: Ликург дал законы Спарте, Солон — Афинам. Платона, рассуждающего о том, как должно быть устроено идеальное государство, не интересуют ни воля богов, ни опыт организации реальных государств.

Изменение характера развития математики Колмогоров объясняет «более развитой общественно-политической и культурной жизнью греческих государств, приведшей к высокому уровню диалектики, искусства спора, к привычке отстаивать свои утверждения в борьбе с про-

тивником» [8, 34]. К числу специфических особенностей древнегреческого полиса периода его расцвета относятся такие культурные приоритеты, как закон и порядок, приверженность идеалам и отказ от компромиссов, спортивное честолюбие и сакральность гармонии.

Платон и Аристотель развивают свои учения в Афинах, уже потерпевших поражение в Пелопонесской войне и навсегда утративших былое политическое лидерство в Элладе. Аристотель, как ранее Платон, констатирует (или утверждает) существование внешних ограничений. Он «налагает общий запрет на применение арифметики к геометрии. В самой геометрии проводится строгое ограничение построениями, осуществленными при помощи циркуля и линейки; найденные в эту же эпоху решения так называемой делийской задачи об удвоении куба объявляются лежащими вне геометрии, так как они прибегают к более сложным конструктивным средствам» [8, 35—36].

Григорян, рассматривая три высказывания Аристотеля («О случайном не может быть знания через доказательства», «Актуально-бесконечного не существует», «Математические науки чужды движению, за исключением тех, которые относятся к астрономии» [2, 353]), утверждает, «что эти слова характеризуют тот социокультурный (и/или метафизический) контекст развития греческой математики, в рамках которой не могли возникнуть такие теории как теория вероятностей, анализ бесконечно малых и теория геометрических преобразований на плоскости и в пространстве, хотя соответствующий уровень развития математики (математической техники) и имевшиеся проблемы делали возникновение упомянутых теорий вполне вероятным» [2, 353].

Установив строгий внутренний порядок, греки были вынуждены отгородиться от внешнего мира. Платон говорил о необходимости «всячески следить за тем, чтобы наше государство было не слишком малым, но и не мнимо большим — оно должно быть достаточным и единым» [10, 193]. Древнегреческий полис — принципиально ограниченная форма государственного устройства. Он не складывается стихийно и не дается традицией. Он «не похож на рядом существовавшую персидскую монархию. Это что-то другое <...> это наглядный пример конструктивного народа, то есть того, которого самого по себе нет и не было. Даже в географическом смысле Греции не существовало <...> никогда не существовало единого греческого государства» [9, 147].

Объединение Греции произошло только в рамках более крупных государственных образований. Македония, Эллинистические государства, Рим уже не были стеснены порядками греческих полисов. Исчезли внутренние границы, на огромном пространстве сосуществовали разные народы, в большей или меньшей мере сохранявшие свои поли-

тические и культурные традиции. Вместе с включением в состав империй новых территорий с населяющими их народами, принимаются и полученные ими математические наработки, и результаты. «Здесь, в обстановке объединения различных мировых культур, больших государственных и строительных задач, и невиданного ранее по своей широте государственного покровительства науке, греческая математика достигла своего высшего расцвета» [8, 36].

На фоне политического объединения Евклид в «Началах» собирает и подвергает логической переработке уже имеющиеся к тому времени достижения в области геометрии. Кроме того, он впервые закладывает «основы систематической теории чисел, доказывая бесконечность ряда простых чисел и строя законченную теорию делимости. Наконец, “Начала” содержат во второй, шестой и десятой книгах своеобразную геометрическую замену алгебры, позволившую в геометрической форме не только решать квадратные уравнения, но и производить сложные преобразования квадратичных иррациональных выражений» [8, 37].

Математика, вышедшая из греческих полисов на пространство средиземноморских империй, постепенно утратила представления о математической строгости. «На этом этапе истории математики, — по словам Колмогорова, — временный отказ от математической строгости оказался, однако, полезным, открыв возможность беспрепятственного развития алгебры, допускавшейся в рамках строгих концепций эвклидовых “Начал” лишь в чрезвычайно стеснительной форме «геометрической алгебры» отрезков, площадей и объемов» [8, 37].

В последние века существования Древнего мира деятельность ученых сводилась в основном к комментированию старых авторов: «Труды ученых-комментаторов этого времени (Паппа, Прокла (V в.) и др.), при всей их универсальности, не могли уже в обстановке упадка Античного мира привести к объединению изолированно развивавшихся алгебры Диофанта, включенной в астрономию тригонометрии и откровенно нестрогой вычислительной геометрии Герона, популярной у геодезистов, в единую, способную к большому развитию науку» [8, 38].

Границы между разными областями знания, которые пытались установить Платон и Аристотель, стали размытыми. И если ранее тригонометрии не предъявлялись требования полной строгости формулировок и доказательств только потому, что она считалась частью астрономии, то теперь, в условиях размытых границ, не только математическая строгость не являлась чем-то обязательным, но и само разделение знания на разные разделы со своими методами и требованиями ушло в забвение. Особенно рельефно это состояние выражено в геометриче-

ских текстах IX—X вв., представляющих собой совмещение тематически и стилистически разнородных частей. Зайцев выделяет три таких части: «фрагменты “Начал” Евклида (в переводе Боэция), выдержки из Римского землемерного корпуса и “окологеометрические” пассажи, эксцерпированные из трудов Августина, Кассиодора, Исидора и др.» [4, 337].

В поздней Античности и в Средние века происходит постепенное возвращение в математические тексты отринутых во времена Платона эмпирических данных и мифологических (или религиозных) представлений. Именно это позволило средневековым ученым преодолеть пропасть, отделявшую математику от естественных наук, и подготовить условия для следующего шага в развитии математики, на который не были способны математики древнегреческих полисов. В Средние века европейцы уже не были так привязаны к месту, к граду земному: уходя в крестовый поход, они не стремились вернуться на свою Итаку.

Математика европейской экспансии

В христианизированной Европе Средних веков ведущей ориентацией стало стремление к духовному совершенствованию, а не к гармонии, в том смысле, в каком ее понимали жители греческих полисов. Признание арифметики натуральных чисел и евклидовой планиметрии фундаментальными математическими теориями и специфическая редукция одних математических объектов к другим уже не казались необходимыми. Высвобождение от оков Античности позволило европейцам принять и достижения математиков Средней Азии и Ближнего Восток, роль которых отнюдь «не исчерпывалась сохранением и передачей европейским математикам результатов, полученных в Древнем мире и на Востоке» [8, 42].

Для европейской математики эпохи Возрождения более характерно не возрождение Античности, но отказ от созданных ею табу. Шпенглер пишет: «Ясно, что в античной математике ни в каком случае невозможны отрицательные числа <...>, не говоря уже о нуле <...> То, что для античного миропонимания казалось бессмысленным, вавилонская и индийская математика давно сделали существенной частью своего мира чисел» [11, 87].

В XV в. в Европе происходит становление независимых национальных государств: Англия и Франция выходят в таком статусе из столетней войны, Испания и Россия, окончательно высвобождаясь соответственно от арабского нашествия и от ига Золотой Орды. Новоевропейские государства уже не отгораживаются как греческие полисы от внешнего мира, но наоборот стремятся распространить свои порядки.

Новоевропейская математика развивается не в покинутом и забытом в поздней Античности и в Средневековье русле развития греческой математики, но в выросшем из почвы христианизированной Европы бунте национальных эгоизмов.

Античный мир ограничивался побережьем Средиземного моря, с разных сторон его окружали племена варваров, пустыни и Атлантический океан. Для новоевропейских государств границ не существовало. То время, когда Ермак покорял Сибирь, а конкистадоры колонизировали Америку, Колмогоров называет первым веком превосходства европейской математики над математикой Древнего мира и Востока [8, 45]. Преодолевая заснеженные равнины и амазонские джунгли, горы и океаны, европейцы нарушают и преодолевают аристотелевские императивы, создавая теорию вероятностей, аналитическую геометрию и анализ бесконечно малых. Дальнейшее развитие математики становится все более интенсивным: открываются новые разделы, разрушаются очередные запреты. Постепенно вырабатывается идеал новой строгости, отличающийся от строгости древнегреческих полисов своими универсальностью и тотальностью. Внутреннее развитие математики сопровождается и ее экспансией в другие научные дисциплины. Кант писал: «Учение о природе будет содержать науку в собственном смысле в той мере, в какой может быть применена в ней математика» [7, 59].

Когда к рубежу XIX и XX вв. власть и влияние европейской политики и европейской культуры в мире стали почти абсолютными, а интенсивность развития и эффективность практического применения математики превосходили самые оптимистические прогнозы, наступил кризис. Гуссерль связывал кризис европейских наук с кризисом европейского человечества [3]. Ему, австрийскому математику, довелось жить во времена, когда прекратила свое существование Австро-Венгерская империя и когда в теории множеств были обнаружены парадоксы, вызвавшие кризис оснований математики.

В то время, когда Гуссерль работал над «Кризисом европейских наук и трансцендентальной феноменологией», его соотечественник Музиль писал роман «Человек без свойств». Оба текста создавались в годы между крушением Австро-Венгерской империи и аншлюсом Австрии, и оба не были закончены по причине смерти своих авторов. В романе Музиля также показана связь кризиса европейских наук с кризисом европейского человечества: и в том, и в другом случае имел место кризис оснований. Действие романа разворачивается в Австро-Венгрии в 1913 г. — здесь создается специальный комитет для разработки к празднованию в 1918 г. семидесятилетия правления Франца Иосифа I

национальной идеи, способной объединить народы империи. Ни император, ни его империя до этого дня не доживут.

В XVI в. огромная империя Карла V Габсбурга была объединена католической верой, в которую обращали и население захватываемых земель. В начале XX в. значительно меньшую по размерам империю Франца Иосифа I Габсбурга не объединяло ничего. Вместе с Австро-Венгрией рушатся Российская, Германская и Османская империи, Франция и Великобритания потеряют свои многочисленные колонии в течение нескольких следующих десятилетий. И Европа, и математика белее века продолжают существовать в условиях кризиса своих оснований. Ни советская, ни американская модели не стали новым основанием для европейских народов, которые возникли как национальные государства в борьбе с внешним врагом, а развивались, захватывая новые земли и распространяя там свою веру, свою культуру и свой язык. Отказавшись от своих бывших владений, отказываясь от своих культурных и религиозных традиций, европейские народы не могут найти новых оснований.

Реагируя на кризис в основаниях математики, Брауэр (как в свое время Аристотель) призывает наложить запрет на неконструктивные ходы в математических доказательствах. Гильберт выступает против запретов и оставляет в кризисном состоянии математику, которая продолжает существовать и развиваться, как бы забывая о проблеме в своих основаниях. Быть может, хорошенько забыв, математика, снова расширив свои горизонты, вспомнит об этой проблеме и сможет ее решить уже на каком-то другом уровне. В XX в. человечество расширило свои горизонты, научившись выходить за пределы атмосферы Земли, смотреть на свою планету со стороны и даже получив возможность ее уничтожить.

Заключение

В начале нового тысячелетия фигура математика-универсала, способного компетентно смотреть на всю современную ему математику, уже невозможна. Все возрастающая сложность и невероятные темпы увеличения объема математического знания, существенная роль компьютерных алгоритмов в процессах доказательства и проверки математических утверждений, распределение математического труда на огромное количество математиков и вычислительных машин приводят к принципиально новой и по-настоящему еще неотрефлексированной ситуации. Несмотря на затянувшийся (и по-новому себя проявляющий) кризис в основаниях математики и в основаниях европейского человечества, мир остается и европеизированным, и математизированным.

Разогнанные параллельно процессы математизации и европеизации продолжаются по инерции, хотя педали, кажется, уже давно перестали крутить. В огромном европеизированном и математизированном мире никто не может сказать ни что такое математика, ни что такое Европа.

Литература

1. *Гомер.* Илиада. СПб.: Азбука, 2014.
2. *Григорян А.А.* Социокультурные и метафизические круги и их преодоление в развитии математики // Стили в математике: социокультурная философия математики: Сб. ст. СПб.: РХГИ, 1999.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введ. в феноменол. философию / Пер. с нем. Д.В. Скляднева; Фонд «Университет». СПб.: Даль, 2004.
4. *Зайцев Е.А.* Монастырская геометрия и библейская экзегеза // Стили в математике: социокультурная философия математики: Сб. ст. СПб.: РХГИ, 1999.
5. *Иванов В.В.* К антропологии числа // Иванов В.В. Избранные труды. Т. 7. Кн. 1. М., 2010.
6. *Кант И.* Критика чистого разума. СПб.: Наука, 2008.
7. *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.
8. *Колмогоров А.Н.* Математика в ее историческом развитии. М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007.
9. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, 2012.
10. *Платон.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 3 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Автор вст. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев. Примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994.
11. *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Искусство, 1993.

References

1. *Gomer.* Iliada. SPb.: Azbuka, 2014.
2. *Grigoryan A.A.* Sotsiokul'turnye i metafizicheskie krugi i ikh preodolenie v razvitii matematiki // Stili v matematike: sotsiokul'turnaya filosofiya matematiki: Sb. st. SPb.: RKHGI, 1999.
3. *Gusserl' EH.* Krizis evropejskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: Vved. v fenomenol. filosofiyu / Per. s nem. D.V. Sklyadneva; Fond «Universitet». SPb.: Dal', 2004.

4. *Zajtsev E.A.* Monastyrskaya geometriya i biblejskaya ehkzegeza // Stili v matematike: sotsiokul'turnaya filosofiya matematiki: Sb. st. SPb.: RKHGI, 1999.

5. *Ivanov V.V.* K antropologii chisla / Ivanov V.V. Izbrannye trudy. T. 7. Kn. 1. M., 2010.

6. *Kant I.* Kritika chistogo razuma. SPb.: Nauka, 2008.

7. *Kant I.* Soch.: V 6 t. T. 6. M.: Mysl', 1966.

8. *Kolmogorov A.N.* Matematika v ee istoricheskom razvitii. M.: URSS: Izd-vo LKI, 2007.

9. *Mamardashvili M.K.* Lektsii po antichnoj filosofii. SPb.: Azbuka, 2012.

10. *Platon.* Sobr. soch.: V 4 t. T. 3 / Pod obshh. red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa, A.A. Takho-Godi. Avtor vst. st. i st. v primech. A.F. Losev. Primech. A.A. Takho-Godi. M.: Mysl', 1994.

11. *SHpengler O.* Zakat Evropy. M.: Iskusstvo, 1993.

А.А. ИЛЬИН

Эволюция или революция. Политико-философская стратегия реформирования государства с позиции П.И. Новгородцева и И.А. Ильина*

Аннотация. Конец XIX в. был для Российской империи непростым временем. Нескончаемые споры относительно идеального политического режима поднимались на заводах, в студенческих аудиториях, газетах и журналах. Либералы, монархисты, социалисты сгенерировали плюрализм политических мнений. Разобраться в плюсах и минусах множества политических идей большинству граждан России было не под силу. Политический идеал граждан формировался под воздействием демагогов и провокаторов без собственных оценочных суждений. Несмотря на отсутствие единой стратегии развития государства, большинство политических сил были уверены в том, что реформировать Россию все же необходимо. Соглашалось с идеей реформирования монархического режима и население России. Тема этого спора отразилась

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ильин А.А. Эволюция или революция. Политико-философская стратегия реформирования государства с позиции П.И. Новгородцева и И.А. Ильина // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 140—148.

и в политическом наследии П.И. Новгородцева и И.А. Ильина. Автор рассматривает идеи этих ученых совместно потому, что Новгородцев являлся научным наставником Ильина в студенческие годы. В данной статье автор сравнивает философско-политические идеи государственного реформирования России, предложенные Новгородцевым и Ильиным, на предмет их актуальности сегодня.

Ключевые слова: П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, революция, политический режим, духовность, западничество, славянофильство, идеология.

Abstract. The end of the 19th century was not an easy time for the Russian Empire. Endless disputes about the ideal political regime were raised in factories, student audiences, newspapers and magazines. Liberals, monarchists, socialists generated pluralism of political opinions. The majority of Russian citizens could not understand the pros and cons of a multitude of political ideas. The political ideal of citizens was formed under the influence of demagogues and provocateurs without their own value judgments.

Despite the absence of a unified strategy for the development of the state, most political forces were convinced that it was still necessary to reform Russia. Agreed with the ideas of reforming the monarchical regime and the population of Russia.

The topic of this dispute was reflected in the political legacy of P.I. Novgorodtseva and I.A. Ilyin. The author considers the ideas of these scientists together because P.I. Novgorodtsev was the scientific mentor of I.A.Ilyin in his student years. In this article, the author compares the philosophical and political ideas of state reform in Russia proposed by P.I. Novgorodtsev and I.A. Ilyin on the subject of their relevance today.

Keywords: P.I. Novgorodtsev, I.A. Ilyin, revolution, political regime, spirituality, Westernism, Slavophilism, ideology.

УДК 321.01
ББК 87.6

Начать свое исследование хочется с утверждения, что Павел Иванович Новгородцев не был сторонником революционной стратегии реформирования государства. Он выступал за монархию, но чтобы в ней преобладал симбиоз правового и социального государства: «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией» [6, 13]. Сочетая в себе такой дуализм, государство способно стать правовым, где права и свободы гражданина и человека будут являться высшей ценностью, а в государстве будет процветать порядок. Правда, это ли-

беральное умозаключение после Октября 1917 г. Новгородцев поменяет на консервативное. Причиной тому стало то, что деятельность государства в прошлом и настоящем далека от своей справедливой сущности: «идеальная цель общежития очень высока, перед ней все исторические формы кажутся несовершенными» [1, 87].

В виде порочного круга представлялась политическая система и И.А. Ильину: «Кто еще не попался на месте преступления (например, предательства, иностранного шпионажа, вражеской агентуры, подготовки заговора, выделке фальшивых документов или монет) — тот считается политическим «джентльменом», независимо от своей профессии, и полноправным гражданином (про его художества все знают, да не докажешь)» [3, 290]. Недоверие политических сил друг к другу Ильин расценивает как природное долженствование в политике. Личностный фактор, выраженный в предательстве, лицемерии будет сохраняться при любом политическом режиме. Поэтому Ильин считал, что право и государство возникают из внутреннего мира человека, а не из революции.

К такому мнению ученые пришли из-за того, что Февраль 1917 г. не принес желаемых выгод для большинства населения страны. И вместо ожидаемого порядка русская революция принесла «беззаконие, разгул террора и стремление к тотальному уничтожению» [11, 76].

Новый политический строй, который предлагали различные политические течения того времени, — это не народное волеизъявление, а навязанная идеология более образованного класса безграмотному большинству. Революционно настроенная интеллигенция призывала к социалистическому пути развития государства, где преобладает справедливое распределение ресурсов страны между ее гражданами. На деле же все сводилось к захвату власти народными руками. Но чтобы призвать народ идти на такой отверженный шаг, приходилось использовать методы пропаганды и агитации.

Необразованное большинство попадало под влияние грамотного меньшинства и превращалось в инструмент для осуществления корыстных политических целей. «Политика представляется как борьба за правильное истолкование народной воли. Каждая общественная группа толкует народную волю по-своему, и каждая стремиться сделать свое толкование общим, привлечь на его сторону большинство, убедить всех в его правильности» [8, 145]. Убедить народ в нужной демагогам правильности не составляло труда. Политические партии и союзы выдвигали свою политическую мысль, придавая ей исключительную уникальность. И не факт, что народ хотел именно того, к чему его призы-

вали политические союзы. Граждане были очарованы обещаниями, не вникая в суть речей демагогов и провокаторов.

По мнению П.И. Новгородцева, ввиду внутренней государственной нестабильности, которая была вызвана Русско-японской, Первой мировой войнами, отношения между властью и народом были окончательно разрушены. Этой ситуацией воспользовались те, кто желал захватить власть и призывал граждан к внутреннему и внешнему поиску. Идеи для размышлений подбирала революционная интеллигенция. «И понятно, — говорит Новгородцев, — что личность ищет выхода своей “неудовлетворенной тоске” в моральных и религиозных исканиях, в эстетических впечатлениях и философских созерцаниях, в утопических мечтаниях о новом строе жизни» [7, 307]. Эти мечтания и представлялись как новая жизнь, со справедливым распределением ресурсов природных и человеческих. Превратить мечты в реальность возможно только благодаря революции, в чем различные политические силы убеждали граждан.

И.А. Ильин понимал, что при революционном изменении государства желаемой справедливости достичь не удастся. Жажда личной наживы верхушки власти при распределении различных ресурсов в обществе будет выше справедливости. Так как государство было, есть и будет — будет эксплуатация одного класса другим, а демократические ценности механически переносить из страны в страну невозможно. Демократия должна опираться на исторический навык, формироваться в результате опыта и народной борьбы. В ее основе должна быть заложена культура законности, свободы и правосознания, она требует от человека политической силы и чувства ответственности [4]. Путь к демократии, по Ильину, должен быть постепенным и продуманным. Народ приобщать к государственным делам надо после того, как он научится голосовать за менее значимые вопросы. Так, допуск к делам государственного масштаба будет являться поощрением: «Чтобы приучить людей к государственно-верному изволению, надо начинать с ограниченного права голоса: давать его только оседлым, только семейным, только работящим, только никогда не служившим компартии, только возрастно зрелым, только приемлемым и для избирателей, и для национальной власти» [4, 147].

Чтобы избежать глупостей в народном волеизъявлении, необходимо увеличивать и долю ответственности гражданина за его решения путем наделения права на минимальное наличие частной собственности: «Частная собственность закрепляет оседлость человека, становится базой создания семьи» [2, 248]. К особой заслуге частной собственности следует отнести то, что она формирует государственное мышление,

способствует развитию патриотизма. Частная собственность включает гражданина в хозяйственный процесс, влияет на понимание и осознание им прав других людей в обществе, заставляет ценить правопорядок и надежную твердую власть.

Частную собственность и рыночную экономику поддерживал и П.И. Новгородцев. В свободном рынке он видел расцвет творческой активности населения, считая, что вмешательство государства в кластер народной экономики отражается в пассивной гражданской позиции: «Государство считает своей обязанностью активно вмешиваться в экономику и на этой основе обеспечивать материальный минимум каждому члену общества» [2, 209]. Материальный минимум для демократии — это равнозначное владение всех без исключения граждан государства необходимым для его жизнедеятельности движимым и недвижимым имуществом. При таком подходе, считал Новгородцев, можно достичь минимального порядка в обществе. Особенно это отражено в голосовании: неосознанно голосуя за какой-либо закон, гражданин рискует потерять все свое имущество. Под голосованием стоит понимать инвестирование в собственное хозяйство.

Западнические идеи революционного переустройства России не способны изменить жизнь и быт большинства населения страны в лучшую сторону. Государственное развитие России П.И. Новгородцев и И.А. Ильин видели в осознании народом своей собственной свободы и волеизъявления, которые не постигаются путем пропаганды и агитации, а познаются собственной жизнью. Именно такой подход, считали они, способен навести порядок в стране, политическом мироустройстве, народном представлении об идеальной жизни.

Чем старше становились Новгородцев и Ильин, тем больше они склонялись к мысли человеческого преклонения перед историей и традициями. Именно история наталкивает на осознание и принятие человеком идеи своего несовершенства, указывает каждому, независимо от занимаемого общественного положения, на место в жизни. Павел Иванович был уверен, что только персонифицированное осознание личностью своего общественного предназначения поможет устранить душевные противоречия. Рассуждая о политической эволюции России, мы возвращаемся к триаде: самодержавие, православие, народность. И видим, что главным связующим принципом всех и вся на Руси, регулятором закона — с точки зрения нравственности — выступает религия.

Религия дает человеку объяснение всем волнующим его вопросам, расставляет жизненные акценты, в любой трудный период выступает универсальным ключом к решению общегосударственных и личных проблем. Идеологическую подсказку этой позиции Павел Ивано-

вич нашел в творчестве Достоевского: «У него видел он начала новой, русской и православной, общественной философии, которой, казалось ему, суждено обновить и усталые души европейских людей» [10, 218]. Именно отказ от православия, Бога, по мнению Новгородцева, и сделал несчастными «саму интеллигенцию и нашу Родину» [9, 204].

Государственное и народное несчастье, поиск политического смысла, по мнению Ильина, стоит рассматривать как божественный знак, призывающий одуматься. Монархическая и религиозная страна не должна стать социалистической республикой. Так как от республики стоит ждать тиранию и тоталитаризм, основанные на страхе и демагогии, не способствующие духовному совершенствованию своих граждан. Мало того, такое государство влияет на повышение общественной деградации. Это подтверждают причины русских революций, захват власти большевиками. И.А. Ильин называл это «порождением “больного” национального правосознания» [11, 64].

Рассуждая о монархии и республике, Ильин выделяет уязвимые моменты этих форм правления, основываясь на уроках истории: формальные признаки монархии или республики не могут дать исчерпывающую характеристику государства, различия Ильин предлагает искать в другой сфере.

Другая сфера, которая не вызывала никаких сомнений, — духовная. Так как право и государство, как мы уже указывали, создаются из внутреннего духовного мира человека, а должное соблюдение государством своих обязанностей поднадзорно человеческому правосознанию, поэтому «божественная стихия, вливаясь в человека, создает его духовный характер, а развертываясь в его делах и созданиях, слагает духовную культуру народа» [5, 466]. Можно предположить, что человеческое правосознание — это не призыв одуматься и понять всю суть политического преобразования, а прежде всего вывод, сделанный из личного, пусть и не совсем положительного, опыта. Только распознав обман, испытав жесткую тиранию и унижения, граждане начнут сопоставлять плохое и хорошее, делать выводы.

Исходя из изложенного, механизмы государственного реформирования, предложенные П.И. Новгородцевым и И.А. Ильиным — тождественны. Оба философа поддерживают эволюционный путь реформирования государства, в основе которого лежит самостоятельное осознание бытия, опирающееся на духовный контекст. Правда, самоосознание приходит не сразу, а преодолев череду событий — и не всегда приятных.

Но и духовность не способна принести желаемых результатов, так как в ее основе лежат смирение, послушание, покорность. Это

можно считать застоем. То, что произошло в 1917 г., стоит расценивать как столкновение различных политических парадигм, которые безусловно привели к прогрессу, пусть дорогой ценой и не сразу. Испытав на себе издевательство, эксплуатацию, унижения, люди получили право на минимальное образование, отдых, улучшение бытовых, жилищных условий. А политический терроризм со стороны тоталитарного режима стоит понимать как функцию охраны еще шаткой политической системы новой республики.

Сегодня идеи П.И. Новгородцева и И.А. Ильина представляют немалый интерес, но относиться к их идеям стоит как к классическому напутствию, библейской мудрости. Актуальными взглядами, по нашему мнению, из политических идей ученых стоит считать следующие: во-первых, любой политических режим не стоит переносить механически из страны в страну; во-вторых, государство не должно вмешиваться в кластер народной экономики. Соблюдение этих двух минимальных пунктов способно привести государство и его граждан к осознанному эволюционному развитию. Правда, эволюционное развитие возможно только при всеобщем желании социума, а не отдельных его представителей. А пока этого не произойдет, какие-либо положительные изменения возможны только благодаря революции.

Революционный способ реформирования государства 1917 г. можно считать естественным. Человеческая природа воспринимает действительность, опираясь на аксиологический подход, где ценностные ориентиры выступают двигателем эволюции. Правда, ценностные ориентиры граждан в конце XIX—начале XX в. формировались и опирались не на собственный опыт проб и ошибок, а на выступления демагогов и провокаторов. Последние искусно преподносили западные идеалы и ценности, о которых сами узнавали из литературных источников. Этим демагоги и спровоцировали народные настроения в сторону революционного реформирования государства. Революционное реформирование государства в конце XIX—начале XX в. можно рассматривать как выход из политического застоя, тупика, что являлось первым шагом к идеальному государству, за которым последуют остальные уверенные шаги со скоростью в несколько десятилетий или столетий. Исходя из этого, можно утверждать, что постепенное эволюционное реформирование государства возможно лишь после революционного изменения политического строя. Иначе, количественный подход будет преобладать над качественным, и ни о какой эволюции речи быть не может.

Литература

1. *Денильханов А.Х.* Право на достойное существование (Политическая философия П.И. Новгородцева). М.: Издатель Воробьев А.В., 2009.
2. *Жуков В.Н.* Русская философия права: от рационализма к мистицизму: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
3. *Ильин И.А.* Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993.
4. *Ильин И.А.* О грядущей России: Избранные статьи, М.: Воениздат, 1993.
5. *Ильин И.А.* Творческая идея нашего будущего // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1998.
6. *Менделеев А.Г.* «Роковая, родная страна…»: Кадетская газета «Речь» и ее люди. 1906—1917 гг. М.: Изд-во РАГС, 2006.
7. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1909.
8. *Новгородцев П.И.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
9. *Новгородцев П.И.* О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М., 1990.
10. *Флоровский Г.В.* Памяти П.И. Новгородцева // Новый мир. 1991. № 12.
11. *Чердакова Т.Б.* И.А. Ильин о нравственных основах права и государства. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006.

Rreferences

1. *Denil'khanov A.KH.* Pravo na dostojnoe sushhestvovanie (Politicheskaya filosofiya P.I. Novgorodtseva). M.: Izdatel' Vorob'ev A.V., 2009.
2. *ZHukov V.N.* Russkaya filosofiya prava: ot ratsionalizma k mistitsizmu: monografiya. M.: YUrlitinform, 2013.
3. *Il'in I.A.* Nashi zadachi // Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. T. 2. Kn. 1. M., 1993.
4. *Il'in I.A.* O gryadushhej Rossii: Izbrannye stat'i, M.: Voenizdat, 1993.
5. *Il'in I.A.* Tvorcheskaya ideya nashego budushhego // Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. T. 7. M., 1998.

6. *Mendeleev A.G.* «Rokovaya, rodnaya strana..»: Kadetskaya gazeta «Rech'» i ee lyudi. 1906—1917 gg. M.: Izd-vo RAGS, 2006.

7. *Novgorodtsev P.I.* Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. M., 1909.

8. *Novgorodtsev P.I.* Izbrannye trudy. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN), 2010.

9. *Novgorodtsev P.I.* O putyakh i zadachakh russkoj intelligentsii // Iz glubiny. Sb. st. o russkoj revolyutsii. M., 1990.

10. *Florovskij G.V.* Pamyati P.I. Novgorodtseva // Novyj mir. 1991. № 12.

11. *CHerdakova T.B.* I.A. Il'in o nravstvennykh osnovakh prava i gosudarstva. Blagoveshhensk: Amurskij gos. u-nt, 2006.

В.В. АТАЯН

Стратегии исследования социологии и онтологии ценностей*

Аннотация. История аксиологии демонстрирует, что процесс исследования ценностного фактора осуществляется в рамках той или иной методологической линии. В работе определяются главнейшие исследовательские стратегии, стремящиеся объяснить генезис ценностей и их влияние на культурные и общественные отношения.

Ключевые слова: аксиология, глобализация, ценности, стратегии исследования.

Abstract. The history of axiology demonstrates that in the process of researching the value factor is carried out within the framework of a particular methodological line. The most important research strategies that seek to explain the genesis of values and their influence on cultural and social relations are singled out.

Keywords: axiology, globalization, values, strategy research.

УДК 316
ББК 87.6

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Атаян В.В. Стратегии исследования социологии и онтологии ценностей // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 148—154.

Вопрос об онтологии ценностного является чрезвычайно важным для науки о ценностях — аксиологии (от греч. ἀξία — ценность и λόγος — учение). Вместе с вопросом об онтологическом статусе ценностного на повестку ставится ряд других важных, тесно связанных и релевантных вопросов, относящихся к социологии, истории и психологии ценностного. Иначе говоря, на научно-исследовательскую повестку ставятся вопросы о генезисе и существовании ценностей и их роли в процессе функционирования общественных отношений.

Целями настоящей статьи являются классификация и анализ некоторых стратегий исследования ценностной сферы, ее обществоведческой и онтолого-гносеологической составной.

Важно констатировать, что несмотря на репрезентацию аксиологической науки как молодой, в недрах истории философии аксиологические и соприкасающиеся с ними штудии представлены весьма широко. Термин «аксиология» вводится в научно-философский оборот в 1902 г. по инициативе французского философа П. Лапи. В последствии возник конкурирующий термин «тимология» (от греч. τιμή — цена), авторство которого принадлежит И. Крейбигу. К 1904 г. термин «аксиология» стал широко использоваться Эдуардом фон Гартманом [6].

При этом начало аксиологической эпохи в рамках философского знания окончательно можно определить, вероятно, с творчества Ф. Ницше. Изучая этот вопрос, М. Хайдеггер, отмечает, что благодаря изысканиям Ф. Ницше философия конца XIX—начала XX в. становится философией и феноменологией ценности [7, 96].

Важное значение для исследования социальной и мировоззренческой роли ценностей, на наш взгляд, представляет линия Ф. Ницше, привнесшего в аксиологическую проблематику еще и аспекты соотношения ценностной и натуральной (природной) сферы. Центральным моментом в этой дихотомии стало постулирование власти субъекта над природой.

Под натурой (природой) Фридрих Ницше подразумевает прежде всего популяцию людей, чье существование детерминировано эволюционными законами. Важнейшим орудием реализации власти субъекта (личности) над популяцией (стадом, толпой) становится познание.

Натура (природа), изучаемая через призму властных отношений, не может претендовать на какую-либо самостоятельность. Ницше отмечает, что мы — люди — способны постичь лишь то бытие, которое сами и сформировали. При этом человеческое отношение к внешнему миру является ценностным, но никак не познавательным.

Ницше ничуть не сомневается в том, что даже всякое чувственное мировосприятие тесно связано с ценностными суждениями и построено на таких антиномиях, как полезно или вредно, приятно или неприятно и т. д. Он отмечает, таким образом, что всякие потребности осуществляют оценивание и толкование мира, наших влечений как pro et contra. А добродетели являются по сути физиологическими состояниями, а конкретно — наиглавнейшими из функций органического характера, ощущаемыми как необходимые, как хорошие [9, 121]. При этом логика проистекает из «царств вожделений». И всякий раз, когда человек говорит о бытии вещи, это означает лишь только то, что эта вещь имеет значение. Ницше констатирует, что корнем вопроса о «сущности» какого бы то ни было явления всякий раз становится вопрос о том, что это значит для меня.

Таким образом, для Ницше научное знание фундируется исключительно на утилитарно-ценностном отношении к природе. Философ отмечает, что научный взгляд мира представляет собой интенцию сделать все полезным для практики и доступным для эксплуатации. Кроме того, Ницше констатирует, что истина — это то, что «предпочитается», «ценится» [1].

В противовес сциентистскому подходу к познанию Ф. Ницше, таким образом, выдвигает ценностный принцип, ценностное ориентирование и тотальное повиновение субъекта и социума, являющихся неотъемлемыми элементами природы. Аксиологическое же детерминировано стремлением к власти для реализации биологических потребностей индивида.

Анализируя стратегии исследования ценностно-глобалистической сферы, важно отметить, что ницшеанская и кантианская линии в своей исследовательской аксиоматике полностью различаются.

Так, кантианская линия ориентирована на четкое подчинение конкретной личности и социума в целом надиндивидуальным правилам и нормам. Ницшеанская исследовательская программа имеет интенцию на обнаружение механизмов работы ценностей в социуме посредством их обнаружения в такой субстанции, как индивидуальная воля.

Ницше, в отличие кантианской традиции, отмечает, что субъект формирует ценностный и материальный мир. В ницшеанской теории вся аксиологическая сфера имеет животно-биологическую природу. В соответствии с этой «биологической логикой» аксиологии Ницше также обрушивается с жесточайшей критикой на христианскую религию и ее ценностные основания.

Отличной от ницшеанской, как было отмечено ранее, является кантианская (неокантианская) аксиология. Рассуждая о ценностях, представитель неокантианства Г. Риккерт отмечает, что «значение есть сущность ценности» [7, 11]. Формируя свою аксиологическую модель, Риккерт пытается достичь того, чтобы субъект-объектное отношение преодолевалось в феномене ценности [1]. Анализируя существование общества, Риккерт отмечает, что процессу исторического развития свойствен единый смысл [8, 100] — иначе говоря, единые ценностные основания и ориентации. В отличие от законов, говорящих о сфере сущего (того, что будет), ценность говорит о должном, о том, что должно быть. В этом контексте, анализируя принципы развертывания социально-исторического процесса, Риккерт, отмечает, что прогресс и регресс суть понятия ценностные [8, 100]. Эти понятия не отражают объективный ход истории, но показывают отношения субъектов к истории и к историческим трансформациям различных форм общественного сознания. В соответствии со взглядами Риккерта и Виндельбанда ценности являются надисторическими сущностями, формирующими вневременной трансцендентный мир.

Онтологию этого трансцендентного мира стремился охарактеризовать Николай фон Гартман. Анализируя онтологию ценностей, Гартман отмечает, что аксиологическая сфера имеет даже более сложные характеристики, нежели математические сущности, о которых говорил Платон. Онтология математических сущностей, на взгляд Гартмана, отличается от бытия ценностей, поскольку они не соприкасаются со сферой морали, в частности с должным [2, 114].

По мнению Гартмана, решить вопрос об онтологии ценностного, можно ответив на вопросы об их относительности или абсолютности. Решая эту проблему, Гартман констатирует, что ценности носят изменчивый и исторический характер. Такой подход философ называет «ценностным релятивизмом».

Таким образом, Эрих фон Гартман постулирует наличие различных и противоположных исследовательских подходов, объясняющих работу ценностной сферы исходя из решения *основного онтологического вопроса.*

Отталкиваясь от онтологии ценностей, можно объяснить и характер их функционирования и влияния на общественные отношения и формирование сознания. Существование и функционирование ценностей оказываются неразрывными. Непосредственно Гартман констатирует, что процесс развертывания ценностей, находящихся в «царстве ценностей», не может быть подвергнут рациональному изучению. Гартман при этом полагает, что субъект, способный открывать новые

элементы царства ценностей, способен познавать высшие законы и оказывается сопричастен божественной сфере. Таким образом, философ решает вопрос о стратегии изучения ценностей в рамках идеалистической методологии.

М. Шелер, Н. Гартман и Н.О. Лосский при конструировании теории ценностей полагают очевидным наличие царства ценностей и сверхъестественного субъекта. Последний для этой традиции является инстанцией, порождающей ценности и поддерживающей их функционирование.

Для построений в рамках материалистической традиции подход Шелера, Гартмана и Лосского, разумеется, не может быть взят за основу. Так, ученый-аксиолог О.Г. Дробницкий, принадлежащий к марксистской традиции, приходит к выводу, что ценности могут быть охарактеризованы как двоякие сущности. С одной стороны, ценности выступают в качестве идеальных (духовных), с другой — как материальные.

Кроме того, в марксистской традиции не представляется возможным наличие субъекта без объекта, что возможно в теории Г. Риккерта, различающего при этом ценности и блага.

Таким образом, в концепции Риккерта ценность противопоставлена благу. Блага имеют временный, исторический характер. Ценностная же сфера фактически отнесена к божественной. Именно в этом контексте, как отмечает Риккер, для ценности как ценности вопрос о ее существовании лишен всякого смысла [10, 99].

Материалистическая стратегия исследования ценностей сущностно отличается от спиритуалистско-идеалистической линии своим «социологизмом» и «экономизмом». Так, Дробницкий отмечает, что ценность представляет собой социальное явление, и именно это способствует раскрытию парадокса ценности [3, 312]. Если неокантианцы объясняют работу ценностей религиозными факторами, то марксисты делают это через призму социально-экономических отношений.

В рамках метода материалистического метода отмечается, что «во всяком девственно-природном объекте имеется общественная сторона» [3, 314]. Справедливо отмечается, что первооткрывателем этой особой «гносеологии» общественного предмета был К. Маркс.

Маркс, исследуя феномен товарного фетишизма, зародившегося во времена капитализма, превращает товар в «чувственно-сверхчувственный феномен». Вместе с тем товар характеризуется как определенный сущностными силами людей, как результат отчуждения труда. В рыночной культуре товарное производство неразрывно сопро-

вождается производством ложных ценностей и смыслов — так называемыми «иероглифами», как обозначает их Маркс.

Таким образом, возможно выделение двух стратегий объяснения зарождения и функционирования ценностей. Одна стратегия отталкивается от религиозных постулатов и оснований, другая — от сферы материального производства и сопутствующих культурных надстроек.

В рамках первой стратегии генезис ценностей объясняется сверхъестественным фактором, а ценности имеют вечный и неизменный характер. В соответствии с этой интенцией формируется иерархия ценностей. Констатируется необходимость наличия избранного субъекта, способного осуществлять открытие и познание новых ценностей.

Вторая стратегия объясняет происхождение и функционирование ценностной сферы в контексте производственно-трудовых отношений. Ценности в рамках данной стратегии имеют исторический и изменчивый характер. Вместе с тем социально-исторический процесс приводит к еще большей унификации ценностей и смыслов, стремясь в итоге к формированию единого и общекультурного (глобального) ценностного поля.

Указанные стратегии могут быть использованы как фундаментальные методологии при исследовании ценностной сферы эпохи глобализации. Непосредственным предметом при применении данных металогических стратегий могут стать виды общественного сознания, рыночное сознание и его критика, метаморфозы культуры, проистекающие в эпоху глобализации, а также иные социокультурные и макропсихологические феномены.

Литература

1. *Атаян В.В.* Анализ типов ценностной ориентации в эпоху глобализации: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2013. 156 с.
2. *Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб., 2003.
3. *Дробницкий О. Г.* Мир оживших предметов. М., 1967.
4. *Ницше Ф.* Антихристианин // Сумерки богов. М., 1989.
5. *Ницше Ф.* Воля к власти. СПб., 2008.
6. Новая философская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0147b7e8f087b539ec51af47 (дата обращения: 27.10.2018).
7. *Риккерт Г.* Понятие философии. СПб., 1914.
8. *Риккерт. Г.* Философия истории. СПб., 1908.

9. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.
10. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

References

1. *Atayan V.V.* Analiz tipov tsennostnoj orientatsii v ehpokhu globalizatsii: Dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.1. Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. M., 2013. 156 s.
2. *Gartman N. K* osnovopolozheniyu ontologii. SPb., 2003.
3. *Drobnitskij O. G.* Mir ozhivshikh predmetov. M., 1967.
4. *Nitsshe F.* Antikhristianin // Sumerki bogov. M., 1989.
5. *Nitsshe F.* Volya k vlasti. SPb., 2008.
6. Novaya filosofskaya ehntsiklopediya: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0147b7e8f087b539ec51af47 (data obrashheniya: 27.10.2018).
7. *Rikkert G.* Ponyatie filosofii. SPb., 1914.
8. *Rikkert. G.* Filosofiya istorii. SPb., 1908.
9. *KHajdegger M.* Evropejskij nigilizm // Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya. M., 1993.
10. EHntsiklopedicheskij slovar' / Pod red. A.A. Ivina. M., 2004.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

Философия как поиск гармонии*

Аннотация. Раскрывается определение философии как способа обнаружении гармонии, выявляется возможный универсальный механизм философского способа познания, с помощью которого описывается связь абсолютного начала, эманации и законов гармонии.

Ключевые слова: философия, магнетизм, любовь, мудрость, эманация, гармония, кластер, механизм, принцип, закон.

Abstract. In article definition of philosophy as way detection of harmony reveals. For this purpose the possible universal mechanism of a philo-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Родзинский Д.Л. Философия как поиск гармонии // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 154—166.

sophical way of knowledge by means of which communication of the absolute beginning, an emanation and laws of harmony is described comes to light.

Keywords: philosophy, magnetism, love, wisdom, emanation, harmony, cluster, mechanism, principle, law.

УДК 101
ББК 87

Для осуществления поставленной задачи — определения философии как способа обнаружения гармонии — необходимо последовательно раскрыть три вытекающих друг из друга части единой темы.

Первая предполагает рассмотреть понятие «философия» как способ познания гармонии. Вторая — выявить один из возможных универсальных механизмов философского способа познания. Третья — обосновать через уже выявленный универсальный механизм философскую природу гармонии.

Обратимся к первой части нашего исследования.

Одним из самых изученных и вместе с тем загадочных остается термин «философия». Имея множество форм интерпретаций, он продолжает будоражить пытливые умы, находящие в нем новые или хорошо забытые старые глубинные смыслы его понимания. Используя два популярных научных метода, аналитический и исторический, мы проведем исследование для того, чтобы в очередной раз убедиться, что это понятие хранит в себе неистощимый потенциал всех смыслов, определенная комбинаторика которых позволяет «кодировать» любую форму знаний о себе как отдельного человека или целого народа, так и всего человечества.

Общеизвестно, что сам термин «философия» имеет греческое происхождение и представляет собой союз двух слов — «фило», что обобщенно переводится как любовь, и «софия», означающая «мудрость». Следовательно, буквальный перевод греческого термина «философия» на русский язык означает любовь к мудрости, или любомудрие. Но здесь-то и начинается самое интересное. Ведь мало кто углублялся в смысловое значение этого сложного словосочетания. Рассмотрим каждое составляющее этого термина отдельно.

Что такое любовь? Любовь — это фрагмент той могучей, универсальной и единственно существующей силы, которая с необходимостью принуждает каждую часть воссоединяться с «родственной» ей другой частью, образуя разные типы целостности бытия. Эта сила воссоединения еще в архаичные времена получила название «магнетизм»

[18, 169]. Магнетизм притягивает части друг к другу по принципу симпатии или подобия — подобное стремится к подобному, формирует в разных мировоззренческих и дисциплинарных системах разные по масштабу целостные кластеры: материю, поле, сознание, общество, природу, космос, универсум, Вселенную. Это значит, что с течением времени и с развитием культуры единственно существующая магнетическая сила устремленности подобного к подобному получает специфические наименования, разнообразие которых вводит человека с непроницательным умом в глубокое непонимание и заблуждение о том, как устроено объективное и субъективное бытие. Проанализируем устройство мироздания, обнаруживающее силу магнетизма на *мега-, макро-, микро- и нано*уровне, его проявления в виде различных терминов.

На *мегауровне* существования Вселенной магнетизм проявляется в виде гравитационной силы, которая группирует галактики, а внутри них — звездные и планетные системы, одной из которых выступает Солнечная. Гравитационные силы притягивают Землю к Солнцу так же, как Луна «привязана» к Земле.

На *микро-* и *наноуровне* магнетизм определяет орбиту движения электронов вокруг ядра, а также связи между атомами, молекулами. Иначе говоря, магнетизм определяет структурную организацию самой материи. Чем сильнее магнетизм, тем меньше орбита вращения электрона вокруг протона и нейтрона [10, 448]. Наконец, его сила определяет характер становления материи: при слабом магнетизме идет процесс гниения и разложения, при сильном — ее развитие.

На *макроуровне* магнетизм проявляется в виде силы притяжения, заставляющей камень, подброшенный вверх, с необходимостью падать вниз. Природная необходимость как частный вид магнетизма принуждает растения рефлекторно тянуться к свету и теплу солнца. Животный мир обнаруживает природную необходимость в виде животной силы, инстинктивно устремляющей самцов к самкам и наоборот. В человеке природная необходимость проявляется в реализации физиологических потребностей, высшей формой проявления которых становится чувство любви.

Возникает вопрос: есть ли отличие магнетизма от любви? Магнетизм и любовь едины по своему содержанию, но различны по формам своего проявления. Так, если магнетизм — единственная сила, которая безраздельно господствует в неживой и живой, но неразумной природе в виде необходимости, то любовь может принадлежать только человеку, в чьем разуме магнетическая необходимость сталкивается со свободой и ответственностью за выбор, именуемый судьбой. Таким

образом, магнетизм — это любовь без свободы, а любовь — это магнетизм со свободой. Вместе они — магнетизм неживой и живой природы и любовь разумного человека — формируют «симпатические» связи мироздания, по законам которых выстраивается архитектоника всего бытия.

Свобода разума человека может по-разному сочетаться с универсальной необходимостью — в диапазоне от высшего переживания счастья до предельного состояния несчастья. От чего зависит счастье и несчастье человека? Если в основании свободного выбора лежат знания, то сочетание знания и свободы приводит человека к счастью. Если же в основании свободного выбора лежит невежество, то оно совместно со свободой приводит к широкому диапазону страданий. Упрощенно объяснить это можно следующим образом. Все в мире, благодаря законам магнетической необходимости, достигает предала своего развития, расцвета, совершенства. Поэтому природа прекрасна сама по себе. Только человек, у которого есть право на выбор, способен уклоняться от естества своей сложной природы в силу недостатка знания, тем более — грубого невежества. Знания гармонизируют человека не только с агрессивными силами внешнего мира, представленными законами общества и природы, но и глубинами своего собственного психического бытия, неустроенность которого не может быть компенсирована лояльностью окружающей среды.

Возникает вопрос: если все в этом мире естественным образом достигает своего расцвета, не имея искушения свободы, осуществляет природную необходимость, то каким образом человек может достичь полноты своего бытия? Ответ будет таким: когда выбор «предмета» его любви будет тождествен магнетической необходимости, безраздельно управляющей миром.

Возникает следующий вопрос: какие формы в течение жизни человека может принять магнетическая необходимость? Антропологические учения определяют следующие периоды жизни: детство, молодость, зрелость, старость. Все они связаны со своей формой проявления любви — «сторге», «эрос», «филия» и «агапе». Последовательное и совокупное переживание этих чувств дает возможность человеку достичь полноты содержания своей жизни. Исследуем детальнее этот процесс.

На первом этапе своей жизни ребенок полностью подчинен воле своих родителей. Зато именно это послушание дает ему возможность встать на путь «очеловечивания», связанный с любовью к своим родителям [23, 105]**.** Любовь и покорность матери и отцу становятся первым моральным чувством**,** благодаря которому он сможет благополучно

войти в общество. Моральная любовь «сторге» только начинается с родителей, находит она свое продолжение в магнетизме к друзьям, культуре, Родине.

Первое чувство любви плавно переходит в следующий этап созревания, принимающий эротический характер своего проявления. Зрелость эротического чувства связана с самозабвением любящего в любимом. Любящий больше не живет для себя, не заботится о себе, но находит источник своих сил в другом. В этом другом он и находит наслаждение собою. Это и составляет бесконечность любви [3, 275—276]. Это значит, что каждый хочет при помощи другого добиться признания ценности своей жизни. Ибо сам по себе он был «ничем», пока ценность его жизни не была признана другим, тем, кто дает ему это высокое чувство и потому владеет им [19, 207]. Ведь пока нас не любят, мы ощущаем себя «лишними». Зато когда наша жизнь принята и одобрена, мы начинаем чувствовать свою необходимость [19, 217]. Ведь высокие чувства заставляют преодолеть собственную замкнутость, рассматривать себя как продолжение другого [25, 496]. На самом же деле это эротическое желание раствориться в другом для обретения себя оказывается лишь способом или механизмом для обретения ценности любви, которая обнаруживается в детях. Так как в основании половой любви лежит великий замысел мира — рождение ребенка [28, 384]. Глубоко анализируя интимную близость в отношениях между мужчиной и женщиной, Кант, как, впрочем, и многие другие философы, приходит к убеждению в том, что таким образом природа заботится о сохранении рода человеческого. И противостоять этому — преступление [8, 363]. Поэтому всякая устремленность к красоте становится проявлением воли рода сохранить себя в мире через деторождение [28, 148]. Проще говоря, любовная лихорадка взрослых людей друг к другу объясняется волей мира привести на свет нового ребенка. Игнорирование воли природы и предков вызывает в будущем психические страдания, и даже возможное стремление к самоубийству как расплату за эгоизм. Шопенгауэр полагает, что таким образом возмущенная воля рода гневно отвергает своего легкомысленного потомка, не оправдавшего их надежду на укрепление своего пребывания в мире [28, 399].

Очередной виток спирали магнетической необходимости связан со зрелым этапом жизни. В период «акме» происходит расцвет способностей и призвания, который «во весь голос» начинает заявлять о себе только сейчас. Иначе говоря, если себялюбие являлось извращенной формой самолюбия, то интерес к самовыражению — «филия» — предназначению или даже дару — представляется уже зрелым чувством человека, проявляющемся в свободном творчестве как попытке увидеть

себя изнутри. А.Ф. Лосев объясняет это тем, что «любящий всегда гениален», потому что открывает в любимом то, что сокрыто от равнодушного. Как полагает русский философ, творческая свобода — есть ничем не ограниченная любовь, которая может обнаруживать себя в любой области человеческой деятельности, ибо только тот «открыт» жизни, кто из-за любви бесстрашен [11, 70]. И этот этап является важнейшим отрезком в жизни, связанным с профессиональным становлением. Именно в это время человеку открывается его внутренний мир, выраженный в его творениях. Этот внутренний мир, «просочившийся» наружу, со временем должен будет без остатка занять место мира внешнего. Все это свидетельствует о том, что любовь к своему дару, призванию, предназначению начинает делить мир людей на части. Одна из них состоит из любящих и реализующих свое призвание, другая— не знающих этого чувства, и потому представляющих собой самозванцев. Первые становятся украшением мира, вторые — в разной мере обезображивают собой мир.

Наконец, последний четвертый виток универсальной силы любви — «агапе», связан отношениями с Творцом, источником рождения эстетических и когнитивных образов, переживаемых человеком в процессе жизни. Стареющие чувства передают свои силы созерцательной способности разума, чьи спекулятивная способность объясняется передачей энергии от стареющей плоти к бессмертному духу, который на любовные переживания тела смотрит свысока. Именно на этом этапе осознается, что земная красота выступала подготовительным периодом для формирования эстетической и нравственной зрелости. Она в полной мере достигается, когда разум готов восхищаться Богом, который есть любовь (I Ин. 4: 7—8.). Как отмечает С.Л. Франк, любовь становится такой открытостью души, благоговение перед всем живым открывает объятия всякому проявлению бытия. Здесь ощущается божественный смысл [24, 322].

Что нам дал анализ понятия «философия», синтезированный двумя терминами — «любовь» и «мудрость»? Он привел нас к рациональному осмыслению феномена, который связан с единственно существующей силой мироздания, именуемой «магнетизмом», главным свойством которого выступает принцип симпатии или подобия — стремление подобного к подобному. «Симпатические» связи магнетизма, охватывая собой весь мир в его органической, растительной, животной и разумной сферах, не меняя сути своего существования, обретает различные наименования: *гравитационной силы, электромагнитного поля, сильного и слабого взаимодействия частиц, притяжения, рефлексов, инстинктов и, наконец, разных типов любви* человека. Цель

этого безличного магнетизма — объединить разрозненные силы-части в разные типы целостности для обретения ими содержательного единства. Содержательное единство многообразия формальных целостностей принимает характер благообразия вечной и универсальной гармонии.

Предварительные итоги вынуждают сформулировать некоторые выводы, в которых мы попытаемся воссоединить высокую метафизику с народной мудростью. Первый вывод гласит: бесполезно любое знание, если оно не приводит к любви. Второй вывод: универсальная любовь неживой, живой и разумной природы образует «симпатические» связи бытия, основанные на принципе: «подобное устремляется к подобному», собирательный образ которых получил наименование «гармония». Третий вывод: «симпатические» связи магнетизма, основанные на принципе «подобное устремляется к подобному» претендуют на универсальный способ философского познания бытия.

Теперь приступим к анализу второй части понятия «философия» — термину «софия», или мудрость. Что такое мудрость? Вначале определим роль мудрости, а затем дадим ей рабочее определение. Итак, благодаря универсальному знанию мудрости можно сделать правильный выбор своего уникального жизненного пути, ведущего к счастью. Ибо только стремление к счастью в самых разных видах его проявления объединяет всех людей без исключения, включая тех, кто не подозревает, во имя чего живет. Поэтому мудростью назовем знание тех принципов, механизмов и законов, по которым развивается разноименная универсальная гармония.

Что такое гармония? Вначале дадим рабочее определение гармонии, чтобы затем обеспечить понимание происхождения и функционирования всего кластера его свойств. Итак, гармония — это греческий термин, одно из главных значений которого — «связь». Связь чего с чем? Гармония — это динамическая, иначе говоря, подвижная связь разноколичественных и разнокачественных частей или сил, каждая из которых, занимая свое и только свое место, служит благообразию Целого. Целое, самовыражаясь через жизнь своих частей-сил, наполняет их своим благообразием, совершенством, счастьем. Поскольку в гармонии каждая часть-сила имеет свою меру количественно-качественного состояния, то каждая часть, занимая свое место, рождает универсальную иерархию, становящуюся архитектоникой, или структурной организацией, мира.

Все в природном мире с необходимостью занимает свое место — от электрона до галактик. И только человек, наделенный свободой выбора, склонен заблуждаться, не зная принципов, механизмов и законов

организации подвижной гармонии, он невежественно и вероломно пытается занять чужое место, обрекая себя и других на разную степень страдания и несправедливости.

Подведем общий итог в определении философии. Философия — это любовь к мудрости, чье знание о принципах, механизмах и законах организации динамичной гармонии кратчайшим путем ведет человека к своему месту в иерархии бытия, а значит — счастью и совершенству.

Обратимся теперь ко второй части нашего исследования — выявлению одного из возможных универсальных механизмов философского способа познания. Одними из универсальных его требований выступают поиск и обоснование абсолютного начала, выступающего альфой и омегой, началом и концов всех суждений. В истории философской мысли в отношении к абсолютному началу, или Абсолюту, сложились два противоположных мнения. Первое — классическое, — полагает, что чем сильнее разум, тем больше проявляется его склонность все сводить к единству; второе — современное, постмодернистское, предлагает сохранять плюрализм разнокалиберных представлений многополюсных определений, подчиняя их принципу дополнительности. В этом вопросе мы склоняемся к классической трактовке, полагая, что плюрализм хорош там и тогда, где и когда еще не обнаружен универсальный инструмент — механизм примирения различных позиций и точек зрения. Однако, как только подобный механизм будет обнаружен, все многообразие враждебно настроенных моделей объяснения моментально обретет гармонию. Их согласие, или интеграция, будет обеспечена тонкой дифференциацией их свойств на определенном участке реальности универсальным механизмом познания, который объединит части в целое. Останется дело за малым — найти этот механизм.

Поиск этого универсального механизма и привел нас к разноименному образу Абсолюта (Логос, Мировой Разум, Благо, Перводвигатель, Единое), который представляет собой истечение низшего из высшего, или эманации. Что такое эманация? Буквальный перевод означает «истечение», «исхождение», «вытекание» бытия из высшего сверхбытийственного своего состояния, универсальность которого охватывала собой все периоды мировой философии. Как популярнейшая категория она выражала собой излияние силы Абсолюта с поэтапным или последовательным умалением ее влияния на мир, вплоть до появления хаоса. Сам Абсолют оставался при этом в неизменном и совершенном состоянии [12, 212].

Что общего между уже исследованным нами магнетизмом и только что выявленным понятием эманация? Эманация — это метафи-

зическая форма проявления магнетизма, магнетизм — это натурфилософское проявление эманации. Оба эти термина имплицированы в образ гармонии.

Среди большого числа примеров использования понятия эманации в мировой философии большую часть внимания мы уделим античной философии, стоящей у истоков европейской культуры.

Так, например, уже огненный Логос Гераклита, выступающий одной из модификаций Абсолюта, изливает из себя мир, который возникает из огня и со временем в него вновь превращается, что повторяется периодически. Согласно Гераклиту, мир представляется модификацией огня, в меру вспыхивающего и в меру угасающего [2, 64].

В основании космоса, согласно учению Левкиппа и Демокрита, пребывают атомы, чье истечение влияет на чувства человека, из-за чего осуществляется механизм познания мира. Истечение атомов является, согласно атомистам, источником чувственного и разумного познания мира [6, 147].

Учение Сократа связано с эманацией, которая исходит из безличного Мирового Разума, влияющего и на поступки, и на мысли человека [15, 14].

Философия Платона пронизана учением об эманации, источником которой выступает безличный мифологический образ Единого, или Блага, окутывающего космос истечением своей энергии (Государство, VI, 508a — 509d).

Аристотель уделяет учению об эманации большое внимание, связывая с ней энергию космоса (Метафизика, IX, 6—9) и причину появления движения из перводвигателя (Метафизика, XII, 6—10).

Эпикур, продолжая взгляды Демокрита, связывает свободу человека с учением о судьбе, представляющую собой «свободную эманацию» атомов. Последние, в результате столкновения друг с другом, должны отклоняться на неопределенный угол от своей первоначальной траектории, умаляя тем самым предопределенность событий [1, 341].

Стоики воспринимали космическую эманацию в виде излияния первоогня, влияющего своей исходящей энергией на бытийственную действительность, которая подчинялась разумной силе — всеохватывающему образу Судьбы. Судьбоносная организация космоса определяла собой развитие не только жизни отдельного человека, но и целых государств.

Плотин синтезировал разрозненные концепции об эманации и создал свое грандиозное учение — доктрину об «истечении» Единого в мир, подчиняющийся строгой иерархической организации (Эннеады,

III, 4, 3; 7, 2; 8, 9; IV, 5,2; 7, 5; VI, 7, 12, 22), действующей в космосе по закону необходимости (III, 2, 2; IV, 8, 6; V, 4, 1).

Исследование феномена эманации в различных философских концепциях дополним теперь изучением ее механизма. Эта процедура ставит перед собой задачу выявить связь эманации с понятием гармонии, которая, согласно нашей гипотезе, должна представлять собой кластер механизмов, законов и принципов организации бытия.

Универсальному механизму эманации как частному проявлению магнетизма соответствуют четыре этапа становления. Рассмотрим их подробнее. На первом этапе Абсолют, мобилизуя в себя в точку, обретает первую и совершенную форму движения — линейность. Второй этап свидетельствует о том, что линейное движение становится причиной возникновения цикла, или вращения по кругу. На третьем этапе цикл превращается в спираль. В завершение, на последнем этапе спираль, максимально удаляясь от точки, превращается в хаос, формируя структурную организацию зарождающихся траекторий движения динамической гармонии.

Таким образом, исследованный нами механизм эманации, непосредственно формирующий феномен гармонии, рациональным способом раскрывает два принципа его организации — горизонтальный и вертикальный. Так, если горизонтальный принцип организации гармонии объясняет последовательность всех переходов через взаимный магнетизм**,** в котором подобное устремляется к подобному, то вертикальный принцип описывает все переходы — связи через иерархию разворачивающегося бытия, где один тип движения последовательно превращается в другой.

Пришло время обратиться к третьей части нашего исследования — обосновать через уже выявленный универсальный механизм философскую природу гармонии. Структурную организацию эманации, в которой равномерно угасает сила магнетизма, мы уже выявили. Осталось определить главный параметр — соразмерность механизма эманации феномену гармонии.

Если эманация включает в себя четыре траектории движения — линию, цикл, спираль и хаос, то феномен гармонии должен так же содержать их в себе.

Вначале выявим отношения между эманацией и зарождающимися законами гармонии. Если эманация выступает *содержанием* законов гармонии, то законы гармонии становятся *формой* проявления эманации. Поэтому каждому этапу становления эманации будет соответствовать своя траектория движения одного из четырех законов гармонии.

Так, линейному движению эманации, образующему два полюса — «начало и конец», «левое и правое», «вдох и выдох» и т. п., соответствует *гармония единства* противоположностей. Исследованию гармонии единства посвящена многочисленная литература [9, 148].

Круговому (цикличному) движению эманации соответствует *гармония целостности,* свидетельствующая о законченности, завершенности круга. Исследованию гармонии целостности посвящена многочисленная литература [3, 148].

Спиралевидному движению эманации соответствует *гармония согласованности,* подчеркивающая повторяемость и связанность между собой витков спирали. Исследованию гармонии согласованности посвящена многочисленная литература [20, 40].

Хаотичному движению эманации соответствует *гармония пропорции,* или меры количественных изменений хаоса, превращающихся в качественно новое состояние. Исследованию гармонии пропорции посвящена многочисленная литература [21, 204]. Более подробное изложение, связанное с онтологическим родством механизма эманации с законами гармонии, представлено в нашем специальном исследовании [17, 26—33].

Итак, в структуре гармонии мы выявили два принципа ее организации — «вертикальный» и «горизонтальный». Так, если *горизонтальный принцип объясняет связи через подобие, или симпатию элементов, влекущихся друг к другу, то вертикальный принцип гармонии* определяет характер их соподчинения — универсальную иерархию всеобщих отношений.

Поскольку законы гармонии исчерпывают собой все интенции мышления и траектории бытия, то, следовательно, их кластер претендует на совершенное знание, способное ответить на фундаментальные вопросы, накопленные человечеством, среди которых находит свое объяснение происхождение всех типов научной рациональности, исходя из законов гармонии и двух принципов их организации. Но это предмет нашего исследования в следующей статье.

Литература

1. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М., 1986.
2. *Богомолов А.С.* Диалектический Логос. Становление античной диалектики. М., 1982.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1930—1958.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: В 4 т. Т. 2. М., 1969.

5. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. М., 1998.
6. *Горан В.П.* Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск, 1984.
7. Древнекитайская философия: В 2 т. Т. 2. М., 1994.
8. *Кант И.* Избранные труды. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.
9. *Кессиди Ф.Х.* Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. М., 1963.
10. *Кудрявцев П.С.* Курс истории физики. М., 1982.
11. *Лосев А.Ф.* Вступительная статья к первому тому сочинений Платона // Платон. Соч. Т. 1. М., 1968.
12. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. М., 1994.
13. *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М., 1994.
14. *Мещеряков В.Т.* Гармония и гармоническое развитие. Л., 1976.
15. *Нерсесянц В.С.* Сократ. М., 1984.
16. Ригведа. Мандалы I—IV. М., 1989.
17. *Родзинский Д.Л.* Абсолютная природа разума. М., 2016.
18. *Родзинский Д.Л.* Сознание античного мудреца. М., 2003.
19. *Сартр Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
20. *Суминова Т.Н.* Ноосфера: поиски гармонии. М., 2005.
21. *Трубецкой С.Н.* Метафизика в Древней Греции. М., 2003.
22. Упанишады: В 3 т. Т. 2. М., 1991.
23. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1955.
24. *Франк С.Л.* С нами Бог. Три размышления // Духовные основы общества. М., 1992.
25. *Франк С.Л.* Соч. М., 1990.
26. *Шестаков В.П.* Гармония как эстетическая категория: Учение о гармонии в истории эстетической мысли. М., 1973.
27. *Шолем Г.* Основные течения в еврейской мистике. М., 1994.
28. *Шопенгауэр А.* Избр. произвед. М., 1993.

References

1. *Asmus V.F.* Antichnaya filosofiya. M., 1986.
2. *Bogomolov A.S.* Dialekticheskij Logos. Stanovlenie antichnoj dialektiki. M., 1982.
3. *Gegel' G.V.F.* Soch.: V 14 t. T. 4. M., 1930—1958.

4. *Gegel' G.V.F.* EHstetika: V 4 t. T. 2. M., 1969.

5. Germes Trismegist i germeticheskaya traditsiya Vostoka i Zapada. M., 1998.

6. *Goran V.P.* Neobkhodimost' i sluchajnost' v filosofii Demokrita. Novosibirsk, 1984.

7. Drevnekitajskaya filosofiya: V 2 t. T. 2. M., 1994.

8. *Kant I.* Izbrannye trudy. T. 4. CH. 2. M., 1965.

9. *Kessidi F.KH.* Filosofskie i ehsteticheskie vzglyady Geraklita EHfesskogo. M., 1963.

10. *Kudryavtsev P.S.* Kurs istorii fiziki. M., 1982.

11. *Losev A.F.* Vstupitel'naya stat'ya k pervomu tomu sochinenij Platona // Platon. Soch. T. 1. M., 1968.

12. *Losev A.F.* Istoriya antichnoj ehstetiki. M., 1994.

13. *Losev A.F.* Mif. CHislo. Sushhnost'. M., 1994.

14. *Meshheryakov V.T.* Garmoniya i garmonicheskoe razvitie. L., 1976.

15. *Nersesyants V.S.* Sokrat. M., 1984.

16. Rigveda. Mandaly I—IV. M., 1989.

17. *Rodzinskij D.L.* Absolyutnaya priroda razuma. M., 2016.

18. *Rodzinskij D.L.* Soznanie antichnogo mudretsa. M., 2003.

19. *Sartr ZH.-P.* Pervichnoe otnoshenie k drugomu: lyubov', yazyk, mazokhizm // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. M.: Progress, 1988.

20. *Suminova T.N.* Noosfera: poiski garmonii. M., 2005.

21. *Trubetskoj S.N.* Metafizika v Drevnej Gretsii. M., 2003.

22. Upanishady: V 3 t. T. 2. M., 1991.

23. *Fejerbakh L.* Izbrannye filosofskie proizvedeniya: V 2 t. T. 2. M., 1955.

24. *Frank S.L.* S nami Bog. Tri razmyshleniya // Dukhovnye osnovy obshhestva. M., 1992.

25. *Frank S.L.* Soch. M., 1990.

26. *SHestakov V.P.* Garmoniya kak ehsteticheskaya kategoriya: Uchenie o garmonii v istorii ehsteticheskoj mysli. M., 1973.

27. *SHolem G.* Osnovnye techeniya v evrejskoj mistike. M., 1994.

28. *SHopengauehr A.* Izbr. proizved. M., 1993.

К.В. МОЛЧАНОВ

Диалектическое изучение английского языка в свете труда «Наука логики» Гегеля: новодиалектическое познание, диалектическое программирование и процессы мышления*

А**ннотация**. В статье обсуждается диалектическое изучение английского языка в свете труда «Наука логики» Гегеля. Но это не обучение английскому языку, это — исследование этого языка в широком смысле. В ходе исследования были установлены некоторые связи между новодиалектическим познанием (включая диалектическое программирование) и английским языком. Основным результатом исследования является выявление процессов мышления. Обсуждаемые положения определяют комплекс вопросов, касающихся диалектического познания. Результаты исследования могут быть использованы для развития гносеологии, программирования, лингвистики и психологии.

Ключевые слова: диалектика, гносеология, мышление, программирование, лингвистика.

Abstract. The article discusses the dialectical study of the English language in the light of the work «Science of Logic» by Hegel. But this is not English language learning only — it is the study of this language in the wide sense. In the course of the study, some links between new dialectic cognition (including dialectical programming) and the English language were ascertained. The main result of our research is to identify the processes of thinking. The discussed provisions define the complex of issues relating to dialectical cognition. The results of the research can be used to develop epistemology, programming, linguistics, and psychology.

Keywords: dialectics, epistemology, thinking, programming, linguistics.

ББК 87.22
УДК 141

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Диалектическое изучение английского языка в свете труда «Наука логики» Гегеля: новодиалектическое познание, диалектическое программирование и процессы мышления // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 167—178.

В настоящее время в авторской *современной диалектической философии*[1] изучение иностранных языков происходит весьма активно.

Сразу же отметим, что под изучением языков понимается не столько общеизвестное обучение правилам и навыкам чтения, письма, разговора и т. д., сколько именно изучение языков как кладезей знаний[2], т. е. имеются в виду исследование и познание языков в смысле гносеологии, а уже в силу этого осмысляется возможность обучения их использованию для общения[3]. Диалектические исследования проводятся в отношении как того или иного конкретного языка, так и, что более важно, той или иной совокупности языков, но особенно актуальны для изучения пары языков, соответствующих качественно различным формам (видам) мышления, в первую очередь определяющих различные выражения грамматических значений; а в настоящей статье речь пойдет о некоторых из предметов и положений, связанных с диалектическим изучением английского языка.

Для пояснения положения, касающегося познания, гносеологии, приведем следующий пример. Как мы некогда указали на нашей страничке в «Твиттере» (@ru_dialectics), чтобы зафиксировать наш приоритет указываемой идеи, все понимают такие фразы английского языка, как «a family of five» и «a yard of silk» (а лучше — «a bunch of bananas», ибо в этом случае даже числа или нечто численного нет), но почему-то не различают соответствующие количественные аспекты применения предлога «of»[4], следующие, скажем так, из долгосрочной (языковой) реализации определенного мышления (из жизни носителей английского языка); однако именно в их смысле выступают аспекты количества, не указанные в труде Гегеля «Наука логика» (великому философу не до

---

[1] Ее основы изложены в ряде наших статей, например, в журнале «Философские исследования» с 2002 по 2008 гг.

[2] Знания в настоящей статье следует понимать в диалектическом смысле.

[3] Таким образом, в современной диалектике изучение иностранного языка различается как *исследование и познание иностранного языка в смысле гносеологии* и как *обычно понимаемое изучение иностранного языка*, но которому противопоставляется *диалектическое изучение в узком смысле иностранного языка,* в частности *диалектическое изучение в узком смысле английского языка* — и соответствующие словосочетания будут использоваться в настоящей статье как диалектические термины, пусть несколько громоздкие, но зато однозначные.

[4] В современной диалектике этот предлог изучен основательно, и кроме обозначаемого результата получены еще и другие; иные предлоги английского языка также были изучены в диалектическом смысле.

этого было — совершалось изучение *самой логической идеи!). Эти аспекты были изучены в современной* диалектической философии, а на основе указанных Гегелем соотношений количества и качества были проведены параллели между аспектами этих категорий как устоявшихся конструкций, но уже с учетом вновь выявленных аспектов количества в связи с предлогом «of». Тем самым удалось путем простого сравнения и сопоставления обнаружить новые аспекты качества, т. е. переосмыслить и соответственно расширить гносеологию бытия, наличного бытия и т. д. — гегелевское учение о бытии, и это стало одной из основ формирования нами новодиалектического продолжения гегелевского труда «Наука логики» (являющегося в свою очередь одной из основ современной диалектической философии), в котором, в частности, актуально определенное Гегелем соотношение бытия и мышления, в данном случае важное как в смысле качества и бытия, так и мышления и соответственно языка. При этом соотношение бытия и мышления актуально для настоящей статьи в смысле того, что язык «представляет собою как бы тело мышления» [1, т. 1, 245], причем слова становятся «наличным бытием, оживленным мыслью. Это наличное бытие для наших мыслей абсолютно необходимо» [1, т. 3, 273]. Именно это — соотношение бытия и мышления, слов и мышления — архиважно в настоящей статье об изучении иностранного языка, точнее — о принципиально новой расширенной форме обычно понимаемого изучения иностранного языка: в данном случае английского языка, или о его диалектическом изучении в узком смысле, но в связи с его исследованием и познанием в смысле гносеологии, причем когда на первый план выступает мышление[5]. Последнее актуально как в связи с тем, что носителями английского языка являются люди с принципиально иной формой мышления, чем у народов с синтетическими или полисинтетическими языками, так и в смысле мышления вообще в плане осуществления познания (т. е. в смысле гносеологии). Иными словами, в узком гносеологическом смысле актуально, принципиально и важно качественное различие английского и русского языков — как часто говорят, соответственно аналитического и синтетического языков. Однако речь пойдет не о строении и функциональном взаимодействии различных частей речи, не о языковых единицах и не о выражении грамматических значений, а о более глубоких бытийных и мыслительных смыслах,

[5] Как мы уже неоднократно писали в наших работах, мышление не известно материалистичным наукам — оно не может быть познано в них пока они не откажутся от примата материального, однако при этом знания о мышлении любой желающий может почерпнуть из трудов Гегеля.

которые некоторым образом раскрываются в непосредственных обсуждаемых ниже положениях: речь пойдет 1) об ознакомлении читателя с новым подходом к обычно понимаемому изучению английского языка — о диалектическом изучении в узком смысле английского языка и 2) об обозначающихся в связи с этим некоторых теоретических и прикладных положениях.

Первая ступень диалектического изучения в узком смысле английского языка — непосредственная. Это — в целом обычно понимаемое изучение иностранного языка, или непосредственное изучение английского языка. Это — обычное изучение языка, которое бытует в школах, вузах и т. д., которое в силу широкой распространенности, но с оговорками, приходится принимать за начальную, хотя и критичную, стадию обучения, однако которая в современной диалектике используется все же лишь как неизбежный базис, который все равно переосмысляется в процессе диалектического изучения в узком смысле английского языка.

Вторая ступень диалектического изучения в узком смысле английского языка — уже диалектическая (она уже в определенной мере относится к исследованию и познанию английского языка в смысле гносеологии, как и все последующие обозначаемые ниже ступени). Вторая ступень — опосредствованная, это — опосредствованное изучение английского языка. Она отличается рефлектированием в себя — как непосредственно, это одна ее ветвь, так и с учетом первой ступени, это вторая ее ветвь[6]: это — сложное рефлектирование. (Именно для рефлектирования, а также для выявления методологии изучения языка архиважно качественное различение мышлений, соответствующих языкам с разными выражениями грамматических значений.) На этой ступени происходит отход от традиционных представлений о запоминании слов, от того, что запоминаемое английское слово имеет только такое-то значение (значения) на русском языке, или обеспечивается существенное рефлектирование реконструируемого наличного бытия *материалов* английского языка (в том числе слов, их значений и т. д.), что и составляет основу диалектического изучения в узком смысле английского языка; отсюда — далее изменяются представления о правилах английского языка (формальных по своей сути): они перестают быть внешними к словам формальными правилами, правилами составления предложения и т. д., и определяется некоторое наличное бытие,

[6] Конечно же, понятие рефлексии и отношение «в себя» необходимо понимать в смысле диалектики, в смысле философии Гегеля, и любой желающий может почерпнуть соответствующие знания из трудов Гегеля.

понимаемое в гегелевском смысле. Более того, *становятся* взаимными (соотносимыми) бытие и рефлектирование (в первую очередь слова и правила), и *становится осуществимым* опосредствование позиций бытия мыслей, наличного бытия, моментов мышления — всего того, что составляет мышление и *затем* выражается в речи, и начинается опосредование языка, *вживление* в него (речь уже потом). Таким образом, при диалектическом изучении в узком смысле английского языка навыки чтения, говорения и т. д., которым обычно обучают, являются не целью и не результатом обучения, а производными мышления и инструментами самого обучаемого, но с существенными дополнительными смысловыми и логическими нагрузками (см. ниже); качественное различие очевидно!

Однако сказанное выше можно рассматривать и по-другому, с иных позиций, например, а) с позиций изучения русского языка, б) в смысле опосредствования разных языков и в) в различных сочетаниях отдельных рассмотренных (и других) положений, в том числе с позиций совместного использования (сочетания) языков, что открывает ряд возможностей: например, в смысле сочетания с формами этапов изучения иностранного языка суть а) опосредствование (пар) языков (их сочетание в гносеологических и иных целях) и б) использование рефлективной формы обработки и изложения (и изучения) текстов и компьютерных данных. Об этом мы уже писали в ряде наших работ (см., напр.: [2]), поэтому сейчас отметим лишь один важный в смысле настоящей статьи аспект — в указанных случаях происходит использование *противоречия*, которое, по словам Гегеля, есть корень всякого движения и жизненности [1, т. 5, 520], за счет которого и удается сочетать тексты (с получением сверхсуммарных результатов), созданные с помощью одного или различных видов мышления (языков), причем в различных целях — от простой обработки текста (редактирование) до их опосредствования (в том числе в смысле программистской обработки различных данных или в гносеологических целях — вплоть до исследования *знаний*).

Третья ступень — это уже персональная языковая сфера (бытия) обучаемого, а не некая «общая» научно-лингвистическая область знаний, заложенных в его память (понятия бытия и памяти различны). Персональная языковая сфера образуется в процессе решения (опять же!) противоречия обычно понимаемого изучения английского языка и диалектического изучения английского языка в узком смысле, т. е. двух предыдущих ступеней, и, во-первых, сочетает их в смысле (получения)

основания[7], а, во-вторых, полагает новое *взаимосуществование* обычно и диалектически изучаемых *материалов*.

Иными словами, в процессе диалектического изучения в узком смысле английского языка за счет двух переходов осуществляется полный отрыв от положения дел, существующего при обычном обучении иностранному языку, и соответственно от старой (обычной) методологии обучения языку, и при этом у познающего (обучающегося) человека формируется собственная имманентная языковая основа, в том числе персональный рефлективный объем знаний английского языка: во-первых, знаний, во-вторых, рефлективный и, в-третьих, именно персональный, т. е. присущий конкретному человеку, что архиважно, но невозможно при обычно понимаемом изучении иностранного языка, когда всем обучающимся предлагается стандартизованный курс обучения (пусть в различных объемах и с различными модификациями), когда не учитываются и качественные различия языков (в силу отсутствия учета различий мышлений разных народов) и ментальные различия людей и различия их потребностей (т. е. различия, которые обязательны для решения противоречия — для развития познания, способностей использовать язык и т. д.).

Итак, на третьей ступени у обучающегося возникает понимание *различения* английского языка (простое отличие от русского языка возникает еще на второй ступени в смысле указанного Гегелем понятия «разница»), и это принципиально важно, ибо определяет понимание и достижение *сущности* языка.

Таким образом, в процессе диалектического изучения в узком смысле английского языка образуется не просто набор заученных слов, правил, навыков умения говорить и т. п., чему обычно учат (но не языку), а некоторое *основание* — сочетание моментов мышления и позиций наличного бытия изучаемого языка, которое проявляется в том числе в речи.

И вот тут еще раз следует обратить внимание на то, что говорится о персональном, собственном опосредствовании (осмыслении) языка (сначала в виде рефлективного материала), а не об унифицированном, внешнем обучении ему, не о заучивании слов и правил. Достигаются как раз именно те внутренние ментальные состояния и процессы, которые характеризуют *сущность* языка и определяют развитие образуемого содержания, что и используется в процессе диалектического изуче-

[7] Как уже достаточно хорошо видно, описываемая методика базируется на труде Гегеля «Наука логика», но, конечно же, включает многие элементы из нашего новодиалектического его продолжения.

ния в узком смысле английского языка. Иными словами, достигается определенное сочетание процессов мышления и бытия английского языка (а не научных знаний о нем, что происходит при обычном обучении)[8], причем акцент делается на том, что *знать язык* — это не столько заучить его слова и правила и говорить на нем, сколько понимать язык, а еще точнее — использовать мышление, которое его обусловило. А как обычная (старая) система обучения языку может научить думать на языке, если науки не знают, что такое мышление — хотя даже знание того, что оно есть такое, недостаточно, ибо надо образовать, создать у обучаемого мышление соответствующего языка, некое «второе» мышление, поэтому в настоящей статье и говорится фактически о некотором (поэтапном) пути трансформации (как бы «части») мышления обучаемого.

Далее, согласно учению Гегеля о сущности, определяется *единство*, в котором актуально действительное знание английского языка (которого во внешнем проявлении вполне достаточно для того, чтобы общаться с его помощью). Это — уже четвертая ступень. Это — ступень действительности (языка), на которой уже нет больше различия персонального мышления обучающегося и бытия английского языка. Можно сказать и так: на четвертой ступени необходимость (говоря проще, сам английский язык) фактически полностью овладела предметом (некий персональный набор знаний, существующий в движении мышления обучаемого), сформированном на пути трансформации бытия нерефлектирующих первичных сведений (первой ступени, обычного обучения) в наличное бытие (в знания).

Итак, у изучающего язык образуется некий персональный набор знаний, которые в движении вообще человеческого мышления задействуются подобно мышлению, соответствующему английскому языку. Это мышление приобретает свое тело, язык, который и есть английский язык по сути, в сущности, а не его фактически формальная модель: извне заученные слова, их формы и правила; а сущность, как показал Гегель, *является* — сущность языка является в речи. Таким образом, *умение общаться при диалектическом изучении в узком смысле английского языка является лишь следствием его познания* — его исследования и познания в смысле гносеологии (знаний о нем и его знаний).

---

[8] В процессе обычного обучения иностранному языку может быть фактически лишь только зубрежка слов, правил, ходовых конструкции и т. п., но это все — лишь механическое запоминание и некое приспособленчество, или не обеспечивается понимание английского языка, в силу чего не могут не возникать различные казусы и ошибки...

В целом диалектическое изучение в узком смысле английского языка, на первый взгляд, имеет привычные подразделения (сейчас речь уже не о ступенях изучения языка), но они обладают существенными дополнительными смысловыми и логическими нагрузками:

а) читать и слушать — это умение воспринимать и фиксировать, различать и понимать, это — умение воспринимать язык и знания, заложенные в нем (см. пример с предлогом «of»);

б) писать и говорить (to speak) — это умение излагать, выстраивать последовательности (логические и лингвистические), формировать наличное бытие, мысли, высказывания, предложения и т. д. (в диалектике строго различаются логические и лингвистические (языковые) высказывания, а также суждения и предложения), это умение использовать формы мышления, соответствующие английскому языку (это важно для любого познания: и для диалектического, и в сфере естественных наук, например, для работы с аппаратом математической логики и с инструментами программирования, и для познания в сфере общественных наук), но в науках это не применяется (а вот в диалектике используется широко, причем даже в специализированных формах: см., напр., упоминание ниже о программном *mune delegate*);

в) общаться (to talk) — это основа умения познавать, это умение соотносить, опосредовать (это необходимо в первую очередь для применения логики, причем именно логики, а не обычной логики, используемой в науках, содержание которой было удостоено Гегелем презрения еще 200 лет назад [1, т. 5, 30]).

Так что не об умении работать с иностранными символами (текстами) и выражаться на другом языке идет речь. Речь идет о более серьезных положениях, чем умение читать, писать и говорить на английском языке и т. п., из которых в рамках настоящей статьи следует сказать о том, что имеющее место фактическое функционирование привнесенного мышления — это наглядное выражение в первую очередь следующих положений:

1) существование разных процессов мышления, которые могут быть одновременны (в смысле аналогии можно привести организацию вычислительных процессов в известной программной среде *NET Framework* с помощью *класса Task*, который является абстракцией, представляющей асинхронную операцию, чем отличается от более раннего *класса Thread*), что очень важно в системе диалектического познания и само по себе и для повышения его эффективности (и о чем в науках не может быть и речи, даже мечтаний). Или же речь идет о двух или более *процессах мышления*, а не об одном мышлении (хотя это вне диалектики мало представимо хотя бы по причине того, что даже само

мышление в науках не определено). При этом реализация двух (или более) различных одновременных процессов мышления значительно повышает продуктивность познания, что возможно, правда, только в диалектике. Кроме того, два (или более) различных одновременных процесса мышления могут отражать мышление (осмысление) как одного предмета, так и одновременно разных. При этом, главное, вырисовываются контуры а) принципиально новой формы мышления, в которой превосходятся даже функционалы гегелевского познания на основе тождества мышления и бытия, и соответственно б) принципиально новых форм познания;

2) безразличие друг к другу процессов мышления в смысле отрицаний наличного бытия, что есть не что иное, как основание понятия независимости различных процессов мышлений, или появляется в общем виде возможность их вычленения, переноса и сочетания, причем не обязательно соответствующих качественно разным языкам, но и одного языка;

3) фактически инкорпорирование соответствующего изучаемому языку мышления в мышление изучающего человека. В смысле аналогии (пусть отдаленной, но которая в данном случае будет более наглядной и понятной для людей, еще не совсем в совершенстве владеющих знаниями труда Гегеля «Наука логики»), можно привести *тип delegate* (например, языка программирования C#), который можно *передавать* в качестве аргумента. Иными словами, процесс (метод) можно передавать в другой процесс (метод) или объект (предмет, познание), т. е. объект или метод может в себе непосредственно использовать изначально не определенный для него внешний процесс. Это — в смысле программирования. А в смысле диалектики определяются принципиально новые формы познания, уже используемые в современной диалектике, но это — уже отдельный разговор;

4) возможность (в процессах исследования или моделирования конкретного нечто или применения программ, касающихся его самого) кусочно-последовательного изменения *программного некоторого* и даже определенных в связи с ним процессов (в программировании есть представления только об изменяемых экземплярах: в упомянутом языке C# соответствующим примером является *класс StringBuilder*);

5) возможность изменения логики в ходе реализации обусловленных ею процессов, не говоря уже об изменении программистских процессов, в частности — о вариациях откликов, реакций, поведения программного некоторого;

6) безразличие друг к другу процессов мышления в смысле различия наличного бытия, которое может быть безотносительно челове-

ческому мышлению, т. е. появляются возможности *других*, внешних, например, искусственных (автоматических), форм мышления, и это теперь не столь уж и фантастично;

7) возможность создания искусственного познания, причем сначала той самой вычислительной составляющей способности достигать целей — *artificial intelligence* (как известно, имеющей такой неправильный перевод на русский язык, как «искусственный интеллект»);

8) возможность принципиально новых форм познания, причем в логическом плане как алгоритмизированных вообще, так и компьютеризированных в частности (что в том числе соответствует указанным ниже диалектической области познания и новой программистской парадигме);

и др.

Следует сказать и о том, что указанные (и другие) положения были использованы нами при формировании *диалектического программирования* — новодиалектической области познания, ставшей подразделением диалектической гносеологии и использующей ряд новодиалектических наук, в том числе развитую логику (а не обычную, используемую в науках), диалектическую лингвистику и диалектическую психологию[9]. Именно в диалектическом программировании были *выведены* безотносительные понятия программы (ее следствием является компьютерная программа) и алгоритма (отличен от метода), т. е. не базирующиеся на субъективных взглядах программистов, и был сделан шаг к *диалектико-ориентированному программированию*, которое за счет отказа от обыкновенной логики представляет собою более совершенную программистскую парадигму, чем объектно-ориентированная парадигма, при этом последняя в диалектике считается для программирования «шагом назад»[10].

---

[9] Диалектическая психология базируется на принципах, обозначенных Гегелем, т. е. исключает указанные им недостатки: она рассматривает всеобщие и существенные черты человеческой природы, а не частные и случайные черты изолированных влечений, которые изучаются в обычной психологии.

[10] Отдельно отметим, что в современной диалектике программирование выводится из труда Гегеля «Наука логики» и нашего его новодиалектического продолжения, т. е. не формируется так, как это было осуществлено вне нее — спонтанно и вследствие естественнонаучных открытий или под возникающие эмпирические или научные задачи. При этом диалектико-ориентированная парадигма охватывает все известные программистские парадигмы, а также ряд положений (возможно и парадигм), которые почему-то до сих пор не видны программистам; или все известные программистские парадигмы и языки получаются путем усечения диалектико-ориентированной парадигмы...

В смысле указанных положений колоссальное значение обретают акцентированные выше положения:

• отказ от обыкновенной логики, бытующей в науках, и применение *развитой логики*, точнее *новодиалектической системы логик*, именно на основе которой определяется алгоритмизация познания (исследований),

• использование возможностей диалектики, в первую очередь упомянутых выше рефлектирования и противоречия, т. е. по сути применение самой диалектики, причем даже в формальных (например. программистских) процессах; что а) в совокупности с феноменом различения процессов мышления позволяет определить новую основу для проведения рассуждений и б) очень важно для развития гносеологии и познания в целом, а также для их прикладного использования в частности (например, для программирования); а это уже принципиально новый поворот в развитии и применении познания, реализованный в современной диалектической философии.

Таким образом, диалектическое изучение в узком смысле английского языка — это не обучение чтению, письму и разговору на английском языке, а совсем другое — это фактор а) применения различенных форм мышления самих непосредственно, в их потоке или в совокупности с различными инструментами познания; б) развития и совершенствования мышления, осмысления и применения его особых форм, что для материалистических наук невероятно; в) создания особых инструментов познания, причем как гносеологических, так и прикладных, как ментальных, так и *подручных* (например, программистских); г) формирования новых областей познания (например, диалектическое программирование); и это все осуществление познания на новых принципах, невозможных в материализме и науках.

А завершая статью, отметим, что важны не столько даже конкретные разработки, например, диалектико-ориентированное программирование, сколько сами возможности осуществления познания на новых принципах, что позволяет не только делать открытия, но и основательно переосмыслять прошлые диалектические и научные достижения, вскрывая их новые аспекты (например, во многом благодаря использованию рефлективных форм обработки текстов [2] были определены некоторые из многих ошибок К. Маркса в его гениальном и непревзойденном «Капитале»), а также осмыслить глобальные и цивилизационные процессы (например, противостояния стран, когда различие языков, культур (т. е. мышления) мешает пониманию людьми, странами друг друга, что может приводить даже к принятию неверных геополитических решений).

Литература

1. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. М., 1929—1958.

2. *Молчанов К.В.* Некоторые вопросы осуществления диалектического рефлективного изложения в Интернете // Философия хозяйства. 2014. № 6 (96).

References

1. *Gegel' G.V.F.* Soch.: V 14 t. M., 1929—1958.

2. *Molchanov K.V.* Nekotorye voprosy osushchestvleniya dialekticheskogo reflektivnogo izlozheniya v Internete // Filosofiya hozyajstva. 2014. № 6 (96).

К.В. ПАТЫРБАЕВА

Роль личности в историческом процессе: диалектика случайного и необходимого (по страницам эссе Джорджа Новака «От Ленина до Кастро: роль личности в истории»)*

Аннотация. В статье рассматриваются идеи американского марксиста-теоретика Дж. Новака о роли личности в историческом процессе, изложенные им в эссе «От Ленина до Кастро: роль личности в истории». Дан анализ идей философа относительно диалектики объективных и субъективных факторов исторического процесса, а также особенностей проявления роли личности в истории в краткосрочном и долгосрочном периодах. Дж. Новак показывает, что Ленин был не случайным элементом исторического развития, а продуктом всего прошлого развития России. В то же время реальный ход событий был бы невозможен без совпадения многих случайных обстоятельств. В конечном счете, великая судьба русского народа и всего человечества состоит, по мнению Новака, в том, что в 1917 г. как случайность, так и необходимость совпали, чтобы довести борьбу рабочих и крестьян до надлежащего завершения.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Патырбаева К.В. Роль личности в историческом процессе: диалектика случайного и необходимого (по страницам эссе Джорджа Новака «От Ленина до Кастро: роль личности в истории») // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 178—186.

Ключевые слова: исторический процесс, роль личности в истории, Джордж Новак, Владимир Ленин, случайное и необходимое в истории.

Abstract. The article discusses the ideas of the American Marxist theorist G. Novack about the role of the individual in the historical process, which he expounded in his essay «From Lenin to Castro: the role of the personality in history». An analysis of the philosopher's ideas regarding the dialectics of the objective and subjective factors of the historical process, as well as the peculiarities of the manifestation of the role of the individual in history in the short and long term, is given. G. Novack shows that Lenin was not an accidental element of historical development, but was a product of the entire past development of Russia. At the same time, the real course of events would have been impossible without the coincidence of many random circumstances. Ultimately, the great fate of the Russian people and of all mankind, in Novack's opinion, is that in 1917 both coincidence and necessity coincided in order to bring the struggle of the workers and peasants to a proper conclusion.

Keywords: historical process, the role of the individual in history, George Novack, Vladimir Lenin, accident and necessity in history.

УДК 101.1:316
ББК 87.6

В отечественной философской литературе советского периода роли личности в истории часто не уделялось должного внимания: проблема рассматривалась в контексте соотношения роли народных масс и личности в истории, где, как правило, главной задачей ставилось обоснование ведущей роли народных масс в историческом процессе.

При этом не следует забывать о том, что *марксизм не отрицает и не нивелирует роль личности в истории*. Диалектика роли народных масс и личности, разработанная в марксистском наследии, гораздо сложнее, нежели абсолютизация объективных факторов истории, на которой делают акцент исследователи роли личности в истории, говоря о марксизме и относя его к имперсонализму как полному отрицанию роли личности [4].

В настоящее время можно отметить возросший интерес исследователей к данному вопросу [2; 3]. Вопросу о роли великих исторических личностей в исторических событиях посвящены труды историков и публицистов. В связи с юбилеем событий Октября 2017 г. появилось

значительное количество научно-публицистических работ, обращающихся к личности вождя революции и его роли в истории [1; 5; 6].

Данные исследования, по нашему мнению, могли бы послужить прекрасной эмпирической базой для исследований проблемы роли личности в истории, в частности, в период межформационных переходов, когда общество переживает кризис и случаются социальные революции.

На наш взгляд, для философского анализа роли личности в историческом процессе может быть полезным философское наследие теоретика-марксиста прошлого века Джорджа Новака, в частности его произведение «От Ленина до Кастро: роль личности в истории» [7], включенное в сборник эссе «Понимание истории» («Understanding History»), написанных в период с 1956 по 1968 г. Эссе написаны на английском языке, и, насколько нам известно, на русском языке отдельно не издавались. Идеи же, отраженные в эссе Дж. Новака, в котором он обращается к вопросу о роли личности в истории, сохраняют актуальность и по сей день.

Рассмотрим основные идеи Новака относительно *диалектики случайного и необходимо* в решении вопроса о роли личности в истории, изложенные им в указанном эссе.

Свое эссе Новак начинает с анализа идей И. Дойчера по вопросу о роли личности в истории. Так, в биографии Л. Троцкого, написанной И. Дойчером, обсуждается роль личности в детерминировании социальных событий, в частности, уделяется внимание оценке Троцким роли Ленина в русской революции 1917 г. Дойчер полагал, что Троцкий колебался между двумя противоречивыми позициями. В «Истории русской революции», письме Преображенскому в 1928 г. и в «Дневнике изгнания» Троцкий утверждал, что Ленин был абсолютно необходим победе Октября. Без него эта победа не была бы достигнута. В другом произведении — «Преданная революция» — Троцкий, по мнению Дойчера, вернулся к ортодоксальному взгляду на исторический материализм с признанием объективных факторов в качестве детерминант исторического развития. «Разве это не колебания позиции Троцкого?» — задается вопросом Дойчер [7].

По сути, свое эссе Новак начинает с важной для правильного понимания сути марксистской позиции по вопросу о роли личности в истории *проблемы соотношения субъективных и объективных факторов исторического процесса*.

Как отмечает Новак, марксизм действительно учит, что ни один человек, каким бы талантливым, волевым или стратегически мыслящим он ни был, не может изменить основной ход исторического разви-

тия, который формируется сверхиндивидуальными обстоятельствами и силами. Однако из этой в целом верной идеи Дойчер выводит мысль, что революция восторжествовала бы в 1917 г. во главе с другими лидерами, даже если бы Ленин был удален случайными силами с исторической арены: сам Троцкий или бы другие вожди заняли его место. По мнению Дойчера, субъективизм Троцкого, граничащий с «культом личности» в отношении Ленина, был мотивирован психологической необходимостью преувеличивать роль отдельного лидера как противовеса автократии Сталина.

Как верно отмечает Новак, затронутая проблема гораздо шире просто вопроса о роли Ленина в русской революции или замечаний Дойчера в отношении противоречивого характера высказываний Троцкого. Речь идет о *диалектике объективных и субъективных факторов исторического процесса как одной из ключевых проблем социальной философии*. «Это не меньший ключ к пониманию революционной практики в наше время» [7], — писал Новак в 1960-е гг. Очевидно, такая оценка сохраняет актуальность и сегодня.

Новак солидарен с Дойчером в отношении роли объективных факторов истории: исторический материализм однозначно отдает приоритет таким объективным факторам истории, как уровень производительных сил и производственных отношений. Однако Новак вводит некоторые уточнения по данному вопросу.

Во-первых, отмечает он, все социальные феномены являются относительно субъективными или объективными: их статус может меняться. Так, если мировая среда объективна для нации, которая является ее частью, то нация, в свою очередь, является объективным фактором для классов, которые составляют ее социальную структуру. В свою очередь, правящий класс объективен для рабочего класса. Партия же субъективна для класса, интересы которого она представляет, в то время как группы и фракции субъективны для движения или партии. Наконец, индивид имеет субъективный статус по отношению ко всем этим другим факторам, хотя он объективно существует по отношению к другим людям.

Во-вторых, пишет Новак, *множественные факторы в историческом процессе* не имеют и не могут иметь равного и одновременного роста: лишь некоторые могут реализоваться в полной мере. Комбинация всех различных факторов, необходимых для возникновения конкретного результата в ходе исторического процесса, является *исключительным или случайным событием*, которое *необходимо только в долгосрочной перспективе*. Руководство (коллективное или индивидуальное) представляет собой сознательный элемент истории. При этом вли-

яние индивида на ход событий может варьироваться от незначительного до огромного. Степень эффективности его действий зависит от *стадии развития исторических условий, соотношения социальных сил и связи личности с ними при данной конъюнктуре*.

Существуют длительные отрезки времени, когда самый решительный революционер ни в коей мере не может ничего сделать против марша событий, чтобы как-то изменить их ход. С другой стороны, «в делах людей бывает миг прилива; он мчит их к счастью, если не упущен» («tides in affairs of men, which, taken at the flood, lead on to fortune») [7]. Как правило, подчеркивает Дж. Новак, индивидуальные действия происходят где-то между этими крайностями.

Закономерно возникает вопрос: *где и когда человек может оказать максимальное влияние и стать решающей силой исторических событий?* Это, по оценке Новака, может произойти только тогда, когда его вмешательство осуществляется в *кульминационный момент продолжительной эволюции*, когда уже возникли все другие *объективные предпосылки и факторы*, которые заложили основу для его решающей роли и обеспечили средства для реализации его целей.

Великий человек, который помогает начать новую линию развития в любой области, приходит, по словам философа, как *последнее звено (last link)* в совокупности всех условий и сцепления всех событий. Человек, который делает что-то существенное в истории, выступает в роли *«осаждающего вещества»*, которое *превращает количественные изменения в качественные*. Однако, чтобы его действия имели столь решающее влияние, он должен вмешаться именно в *критически поворотный момент развития*. Такое удачное время (которое, как подчеркивает Новак, не всегда зависит от его собственной осведомленности) позволяет ему стать *конечной причиной в совокупной последовательности условий*, с необходимостью определяющих конечный результат.

Отмеченные Дойчером противоречия во взглядах Троцкого объясняются, по мнению Новака, *различиями в краткосрочной и долгосрочной исторических перспективах*.

При наличии достаточных шансов в *долгосрочной перспективе*, силы, представляющие объективные потребности социального прогресса, преодолевают все препятствия и оказываются сильнее, чем защита старого порядка. Причем это не обязательно «работает» на любом этапе истории или в любом случае. Здесь качества лидера могут решать, какая из альтернатив, исходящих из наличных условий, будет реализована.

Субъективный («сознательный») фактор имеет качественно иное значение в течение *всей исторической эпохи*, чем в *конкретной фазе и ситуации внутри нее*.

Время — важный элемент в конфликте соперничающих социальных сил. *Неопределенная фаза*, когда события могут изменить свое направление, длится недолго. Кризис в социальных отношениях должен решаться так или иначе быстро. *В этот момент активность или пассивность доминирующих личностей, групп, партий и масс может склонить чашу весов на ту или иную сторону*.

Личность может войти в качестве *конечного (решающего) фактора* в общий процесс исторической детерминации только тогда, когда все остальные силы в игре *временно уравновешены*. Тогда своими действиями личность может повлиять на *опрокидывание баланса*. Качества великих личностей проявляются, прежде всего, тогда, когда история заходит в тупик. Решение или решительность таких личностей «ломают ситуацию» и направляют ход событий определенным образом. Это касается как революционных, так и контрреволюционных тенденций.

Новак обращает внимание на то, что Дойчер не сомневается в том, что в ходе революции 1917 г. Ленин сыграл решающую роль для окончательной победы Октября. Различие же между взглядами Дойчера и Троцкого связано с *неопределенностью сферы исторических возможностей*.

Мог бы другой революционер (например, Троцкий) или группа революционеров занять место Ленина? Троцкий категорично заявлял: нет. Дойчер же, возражая, отмечал, что если другие личности, которые были рядом с Лениным, не могли бы также руководить, то это сводило бы «на нет» положения исторического материализма в отношении детерминации исторических событий.

По мнению Новака, Дойчер занимает слишком ограниченную и одностороннюю позицию по вопросу исторического детерминизма, тогда как Троцкий подошел к решению вопроса более гибко.

В двух революциях 1917 г. тип руководства заметно отличался. Февральская революция не была планируема или направляема «сверху». Обсуждая вопрос о том, кто возглавлял Февральскую революцию, Троцкий указывал, что ею руководили «сознательные и закаленные рабочие, воспитанные по большому счету партией Ленина» [7]. При этом Ленин был весьма необходим для февральского переворота, хотя лично он не присутствовал. В период с февраля по октябрь он становился все более решительным. По словам Троцкого, *роль Ленина не могла быть дублирована*. Это связано даже не *с его личными каче-*

ствами, а с его *исключительной позицией в большевистской партии*, которая была его творением.

Вопрос о руководстве русской революцией, по мнению Новака, имеет два аспекта. В то время как большевики привели к победе рабочих и крестьян, Ленин возглавил большевистскую партию. Его первостепенная роль, по оценке Новака, состояла в том, что *именно он возглавлял лидеров революции*. При этом Новак отмечает, что Троцкий лучше всех знал, как Ленин может влиять на высшие эшелоны, а также на ряды своей партии. Его *авторитет* сыграл значительную роль в период с апреля по октябрь 2017 г. Такой *аккумулированный капитал авторитета*, по оценке Новака, не был в распоряжении других лидеров, в том числе Троцкого. Это стало *объективным основанием* вывода Троцкого о том, что Октябрьская революция, скорее всего, не состоялась бы без Ленина.

В своем эссе Дж. Новак также обращается к оценкам С. Хука, который вступил в обозначенную дискуссию с противоположной позицией. В отличие от Дойчера, он, напротив, «хвалит Троцкого за отказ от догм диалектического материализма и приписывание “самому важному социальному событию в истории человечества” чисто личного присутствия Ленина в России» [7]. С точки зрения Хука, Октябрьская революция была случайным следствием работы одного человека. Хук в работе «Герой в истории» утверждает, что Октябрьская революция «была не столько продуктом всего прошлого в истории России, сколько продуктом одной из самых значимых фигур всех времен» [7].

Если Дойчер «во имя марксистской ортодоксии» был склонен к тому, чтобы объявить *объективные факторы абсолютно самодостаточными*, то Хук, напротив, делал Октябрьскую победу полностью зависящей от одного человека. По оценке Новака, чтобы получить такие выводы Хуку пришлось исказить взгляды Троцкого.

Как подчеркивает Новак, Троцкий, анализируя историю русской революции, продемонстрировал ее неизбежность в связи со всей предшествующей эволюцией мирового капитализма, а также учитывая отсталость России, влияние Первой мировой войны на распад царистского самодержавия, слабость буржуазии, провал мелкобуржуазных партий и смелую программу большевиков во главе с Лениным. При этом Троцкий анализировал взаимосвязь всех значимых событий с начала февраля до октябрьского кризиса. Последовательные этапы революции не разворачивались беспорядочно, они реализовывались с неумолимой закономерностью в причинно-обусловленной последовательности. Его цель заключалась в том, чтобы найти в проверенных исторических фактах следствия объективных потребностей. Троцкий рассматривал

большевистскую партию как одну из составляющих исторической необходимости, а Ленина — как наиболее сознательного деятеля и квалифицированного практика политической науки марксизма. *Это не случайно, что Ленин смог сыграть ту роль, которую он в итоге сыграл. У него не было выбора. Ленин не был случайным элементом исторического развития, а был продуктом всего прошлого развития России.* В течение многих лет он готовил себя и свою партию к задаче управления ожидаемой революцией с целью победы в ней.

По мнению Новака, нет никакой предопределенности в отношении всего спектра предпосылок Октября, начиная с места России в мировом историческом процессе и заканчивая прозрением Ленина в отношении возможности и необходимости октябрьского переворота. Реальный ход событий был бы невозможен без *совпадения многих случайных обстоятельств*. Примером является счастливая случайность, что немецкий генштаб по собственному усмотрению позволил Ленину переехать из швейцарской ссылки обратно в Россию через Германию вовремя, чтобы успеть переориентировать большевистскую партию. Также исторической случайностью было то, что Ленин оставался живым и активным в течение многих ключевых для революционных событий месяцев. Все могло произойти и иначе (сам Ленин, считал свое убийство вполне вероятным). В этом случае, если верить Троцкому, социалистический исход мог бы и не случиться в 1917 г. Это значит, что история XX в., которая сейчас немыслима без русской революции со всеми ее последствиями, могла бы быть совсем иной. Не в самых широких ее направлениях, конечно, оговаривается Дж. Новак, а *в отношении конкретного курса и специфики неудержимого соревнования между социалистической революцией и ее капиталистическими антагонистами*.

В конечном счете, великая судьба русского народа и всего человечества состоит, по мнению Новака, в том, что в 1917 г. как *случайность, так и необходимость совпали*, чтобы довести борьбу рабочих и крестьян до надлежащего завершения.

Литература

1. *Гаспарян А.С.* Тайна личности Ленина: спаситель народа или разрушитель империи? М.: Издательство «Э», 2016. 320 с.

2. *Гринин Л.Е.* Лекция: роль личности в истории: история и теория вопроса // Философия и общество. 2011. № 4. С. 175—193.

3. *Гринин Л.Е.* Личность в истории: современные подходы // История и современность. 2011. № 1. С. 3—40.

4. *Душкова З.В., Нехамкин В.А.* Роль личности в истории: современный взгляд: монография. М.: Издательский Дом Душковой, 2011. 160 с.

5. *Зыгарь М.* Империя должна умереть: История русских революций в лицах. 1900—1917. М.: Альпина Паблишер, 2018. 909 с.

6. *Кремлев С.* Ленин в 1917 году. М.: Яуза-пресс, 2017. 640 с.

7. *Novack G.* From Lenin to Castro. The importance of the individual in history-making // Understanding History: Marxist Essays: [Электронный ресурс]: URL: https://www.marxists.org/archive/novack/works/history/index.htm (дата обращения: 02.01.2018).

References

1. *Gasparyan A.S.* Tajna lichnosti Lenina: spasitel' naroda ili razrushitel' imperii? M.: Izdatel'stvo «EH», 2016. 320 s.

2. *Grinin L.E.* Lektsiya: rol' lichnosti v istorii: istoriya i teoriya voprosa // Filosofiya i obshhestvo. 2011. № 4. S. 175—193.

3. *Grinin L.E.* Lichnost' v istorii: sovremennye podkhody // Istoriya i sovremennost'. 2011. № 1. S. 3—40.

4. *Dushkova Z.V., Nekhamkin V.A.* Rol' lichnosti v istorii: sovremennyj vzglyad: monografiya. M.: Izdatel'skij Dom Dushkovoj, 2011. 160 s.

5. *Zygar' M.* Imperiya dolzhna umeret': Istoriya russkikh revolyutsij v litsakh. 1900—1917. M.: Al'pina Pablisher, 2018. 909 s.

6. *Kremlev S.* Lenin v 1917 godu. M.: YAuza-press, 2017. 640 s.

М.М. МИТРОХИНА

Подходы к понятию «место» и принципы его организации в классической философии*

Аннотация. Описывается становление «уклада» пространства в классической (метафизической) философии, частным проявлением которого является место. Рассматривается структурная организация места, подчиняющаяся принципу цикличности и завершенности, предла-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Митрохина М.М. Подходы к понятию «место» и принципы его организации в классической философии // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 186—195.

гаются вероятные масштабы, в которых место проявляет себя как часть пространства. Обосновывается тезис о наличии циклического движения (становления) во всех аспектах проявления места как части пространства.
Ключевые слова: пространство, место, принципы организации, эманация, целостность, цикличность.

Abstract. The article describes the emergence «way of life» of the space in the classical (metaphysical) philosophy, which is a particular manifestation of the place. We consider the structural organization of the place as a subordinate to the principle of cyclicity and complet. Further, for the consideration of the likely discount the extent to which the place of honor manifests itself as a space. The thesis about the existence of cyclical movements (emergence) in all aspects of manifestation place as part of the space.
Keywords: space, place, the principles of organization, emanation, integrity, cyclicity.

УДК 111
ББК 87.1

Пространство, а особенно место, является важнейшим бытийным феноменом. Вся человеческая деятельность — все идеальное, социальное и реальное — происходит «где-то», в каком-то месте, и это место тайным, невыразимым образом влияет на расположенные в нем предметы и человека, заставляя их претерпевать свое бытийственное становление.

Стараясь рассмотреть вопрос о месте подробнее, мы сталкиваемся с рядом проблем. Например, существует обширное количество трактовок понятия «место», и они несистематизированы, отношения пространства и места четко не определены, нет принципов организации места, понятие «место» не рассматривается в разных философских периодах.

Целью данной статьи является попытка создания структурной модели, описывающей подход к понятию «место» и принципы его организации, присущие классическому периоду философии [15, 250].

Если мы обратимся к истории философии, увидим, что понятие «философия» довольно часто употребляется как синоним понятия «метафизика» [9]. На этом основании под классической философией нами будет пониматься метафизика как способ философского мышления, возникший до Аристотеля и имеющий свои характерные принци-

пы [13, 73]. Исторически наше рассмотрение охватит период от досократиков до Г. Гегеля.

Для достижения поставленной цели нами был определен ряд задач: во-первых, рассмотреть подходы к пониманию места в классической философии, во-вторых, обозначить взаимосвязь между категориями «место» и «пространство», в-третьих, выделить принципы организации места, характерные для классической философии, в-четвертых, рассмотреть вероятные масштабы, в которых место себя проявляет.

По выдвигаемой нами гипотезе, место — это структурно организованный участок пространства, принципы которого заставляют бытие изменяться по определенным механизмам, законам и закономерностям. Пространство формирует место, а место — предмет.

Попытаемся проверить данную гипотезу аналитико-синтетическим исследованием. Для этого проанализируем образ пространства и места в философских концепциях представителей авторитетной мысли, а затем попытаемся найти общее.

В рассмотрении данной проблемы мы пойдем дедуктивным путем: от общего — «пространства» — к частному — «месту». Наша задача — отделить реальный образ пространства от идеального. Если с реальным (телесно-чувственным) образом пространства мы связываем то, что очевидно для человеческого глаза, которому открыто звездное небо, то с идеальным образом пространства — ту сферу, которая не только находится над физической, но при этом не чувственна, а умозрительна — по словам Платона, тело неба рождено видимым, а душа рождена невидимой и причастной к совершенной гармонии [10, 517]. Эта умозрительность рождает схематизм всеобщего движения, который может быть назван Мировой душой, являющейся источником и причиной вращения звезд. Как пишет Платон, «душа распространяется от центра и до пределов неба, окутывая его по кругу извне и вращаясь сама в себе» [10, 517].

Существуют разнообразные принципы организации и структурирования [16, 136]. Находясь в рамках мировоззрения классической философии, мы будем связывать с местом такую организацию пространства, в которой универсальные характеристики «всегда и везде» трансформируются в уникальную материальную цикличную проявленность «здесь и сейчас». Таким образом, место как частное проявление пространства в классической философии должно обнаруживать себя в повторяющихся формах своего выражения.

Начнем наше рассмотрение с натурфилософского периода, который подготовил почву для классического понимания «места». Далее

перейдем непосредственно к «укладу» пространства в философских взглядах авторитетных мыслителей.

Так, например, Левкип и Демокрит говорили о некоем мировом вихре разнообразных по своей форме частиц, кружась в котором они разделяются: более легкие и тонкие отлетают к периферии, а более тяжелые движутся, соединяются и образуют шарообразное соединение. На следующем этапе из-за вращения тел и сопротивления центра от получившегося соединения отделяется оболочка, которая объемлет в себе разнообразные частицы [3, 150]. При этом в мире существует вечная повторяемость.

По Парменидy «есть последний предел, и все бытие отовсюду, оно замкнуто» [13, 296], что является иллюстрацией замкнутого циклического движения (становления).

Для Гераклита образ пространства проявляет себя через борьбу противоположностей, которые не просто сосуществуют, а переходят одна в другую [3, 37]. Например, он пишет: «Холодное когда-либо становится теплым, а теплое обратно холодным» [8, 167], «стихии по кругу переходят одна в другую — огонь живет смертью земли, земля — смертью воды, вода — смертью воздуха, воздух — смертью огня» [8, 302].

Эмпедокл в своих космологических представлениях говорит: «Вокруг Земли круговым движением движутся два полушария, дно состоит из огня, другое из воздуха с примесью огня. Второе полушарие производит своим вращением явление ночи» [3, 68].

Подобное «устройство» пространства встречается в «Тимее» Платона: по его представлениям, стихии рождаются и переходят по кругу одна в другую. Когда сгущается вода, рождаются камни и земля, когда же она разрежается, рождаются ветер и воздух. Возгораясь, воздух становится огнем, а вслед за этим начинается обратный путь — огонь, угаснув, снова становится воздухом, воздух сгущается в облака и тучи, из которых, при дальнейшем уплотнении, изливается вода, чтобы в свой черед дать начало земле и камням [10, 532].

Далее Платон пишет о том, что круговращение Вселенной все сжимает из-за формы и природного стремления замкнуться. Следовательно, это не позволяет ни одной части пространства остаться пустой [10, 544].

По Аристотелю, «устройство» пространства связано уже с местом. Так, место содержит в себе чувственно воспринимаемые физические тела и при этом предопределяет их появление и исчезновение [2, 125].

В мировоззрении Нового времени И. Ньютону, Д. Дидро, Вольтеру мир представлялся творением Бога, идеальным часовым механизмом. Бог, удалившись, оставил его развиваться по цикличным законам природы.

Продолжая дедуктивный путь исследования отношений между пространством и местом, мы обязаны обратиться к частной форме проявления пространства — его месту.

В рамках осмысления античной истории, которая связана с местом «событий», Фукидид рассуждает о повторении определенных обстоятельств, причем не только во внешнем подобии, но и по побудительным причинам, механизму и последствиям. Примером тому могут служить отрывки о морской политике Миноса о развитии морской торговли. В этих случаях «повторением истории» выступают политика и морская торговля Афин, история Троянской войны повторяется в Пелопоннесской войне. Таким образом, Фукидид явно демонстрирует нам циклические представления. Повторение исторических событий, по представлениям автора, безусловно, именно поэтому он знакомит читателя с симптомами и течением эпидемии в Афинах, чтобы подобное описание дало возможность узнать болезнь, если она «когда-либо повторится» [4, 64].

Так, по Платону, у всего в космосе — человека, вещи, события — есть свое место и свой смысл [10, 512, 559].

По трактовке Аристотеля, «место — это неподвижная граница объемлющего тела» [2, 132]. Так, в связи с этим центр Вселенной и крайняя по отношению к нам граница кругового движения неба кажутся верхом и низом. А поскольку центр всегда неподвижен, граница кругового движения, оставаясь одной и той же, также пребывает неподвижно [2, 132]. Далее Аристотель подытоживает: «Тело, имеющее снаружи другое объемлющее его тело, находится в некотором месте. В то время как тело, у которого подобного нет, не находится. Поэтому если, например, такое тело станет водой, его частицы будут двигаться (так как они объемлют друг другом), а все в целом в одном отношении будет двигаться, а в другом нет. Все сразу как целое оно не меняет место, но будет двигаться по кругу, так как это место его частей» [2, 133].

В «Физике» Аристотель говорит о месте как о некой цели, которая по природе притягивает к себе движущееся [2, 231]. А вот как Аристотель описывает движение совершенное: «самым совершенным видом движения является движение круговое» [2, 248; 1, 309].

Подтверждение цикличности места мы находим в Экклезиасте Соломона: «Меняются рода, а Земля остается навек. Солнце восходит и заходит, и на место свое изначальное поспешает, чтобы снова взойти…

кружит на бегу своем ветер, и на круги свои возвращается ветер» (Ек. 1: 4 — 6).

В Середине века христианская идея креационизма существенно модифицировала понятие места. Сотворенный Богом мир трактовался как совокупность мест, а сам Бог был трансцендентен физическому пространству и его месту.

Р. Декарт различал внешнее и внутреннее место [6, 42], связывая его с определенным положением вещи относительно других. Каждый предмет — это проявленное сущностное явление, и он имеет свои реальные и идеальные границы, в пределах которых «живет». Это и есть сущее, т. е. само место, которое, по мнению Декарта, от Бога: «Бог есть единственный творец всех существующих в мире движений» [6, 186].

Ф. Суарес в «Метафизических рассуждениях» говорит о месте и категории «где». По его представлению, место двойственно и состоит из внутреннего места самой вещи и внешнего объемлющего места. К внутреннему и внешнему месту относятся соответственно два вопроса: «как?» и «где?» [18].

В западноевропейской философии XX в. подтверждение цикличного характера существования места мы находим у Хайдеггера, который приводит свой пример: «Философствование места является воронкой, в середину которой затягивает человека, чтобы он мог без фантазирования понять, что есть место, и что есть присутствие в нем человека» [16, 314].

В.И. Вернадский, представитель философии русского космизма, пишет о месте следующее: «Место есть совокупность условий лито-, гидро-, атмо-, биосферы, которые вызывают реальные причины идеального возникновения данного места» [5, 13, 14]. Иначе говоря, место можно представить как законченный образ, включающий в себя реальные (телесно-чувственные) и идеальные (умопостигаемые) аспекты, а отношения между ними связаны с переходом одного в другое, что ранее мы называли циклом.

Цикличный переход телесно-чувственного места в умопостигаемое место и наоборот является подтверждением важнейшего принципа классической философии (метафизики как способа философского мышления) — «что наверху, то и внизу», по отношению к которому эманационный характер («истечение», «излияние», «нисхождение» энергии высших сфер (Неба) в низший природный мир, обеспечивающий универсальный круговорот всего [12, 210]) цикличности выявляет механизм перехода одного в другое.

Отношения между местом и пространством подчиняются отношениям между частью и целым, от предельно широкого — простран-

ства (космоса, Вселенной) — и до крайне узкого — конкретного места (фрагмента пространства). Место есть часть пространства, концентрирующее «здесь и сейчас» его свойства, а пространство — целокупное место, сохраняющее «везде и всегда» его качества.

Рассмотрим вероятные масштабы, в которых место проявляет себя как часть пространства. Условно к таким масштабам могут относиться место расположения государства, место как тело человека и место как концентрация разума и души.

Таким образом, мы сохраняем последовательность рассмотрения места в трех аспектах его проявления: умопостигаемого, социального и телесно-чувственного.

Возьмем, к примеру, звездное небо — воплощение идеального пространства [10, 515], то самое место, где вращаются звезды.

Далее, государство Платона является социальным воплощением места образа Мировой души, которая движет физическим круговращением звездного неба. Все это обусловливает цикличный характер места, обнаруживающего себя (1) в законах идеального государства [10, 242], (2) в рассуждении о деле и призвании каждого человека, о его «месте» в обществе [10, 244], (3) в мифе о загробных воздаяниях [10, 485], чей справедливый характер становится отражением подобного уклада пространства. Платон приводит несколько видов государственного устройства [10, 261], но по самой задумке государство замкнуто, завершено.

Кроме того, если взглянуть на жизнь людей, мы увидим, что ее цикличность фиксируется в разного рода календарных и сезонных праздниках, ритуалах, основами которых являются воспроизведение и повторение событий прошлого, что призвано поддерживать порядок и гармонию мирового целого.

Демонстрацию телесно-чувственной цикличности места мы находим в «Рассуждении о методе» Р. Декарта. Он говорит о системе кровообращения так: «Кровь от сердца через большие артерии попадает в малые протоки, через которые входит в малые ветви вен, а далее снова направляется к сердцу. Посему ее движение есть не что иное, как постоянное кругообращение» [6, 279].

С умопостигаемым аспектом места мы сталкиваемся в произведениях Платона, когда он рассуждает о природе разума и знаний. Так, например, в «Тимее» мы находим мысль о том, что разум и знание появляются в душе тогда, когда она обращается к мыслимому и когда познает его в правильном круговороте неизменяемого [10, 518]. Далее Платон говорит о движении, обнаруживающем сродство с божественным началом внутри нас. Таким движением являются мыслительные

круговращения Вселенной. Им и должен следовать каждый из нас для того, чтобы через усмотрение гармоний и круговоротов мира исправить круговороты в собственной голове, нарушенные еще при рождении, добиться, чтобы восстановилась изначальная природа — созерцающее стало подобно созерцаемому, и таким образом стяжать совершеннейшую жизнь, которую боги предложили нам как цель на эти и будущие времена [10, 585].

В «Законах» Платон соединяет цикличный характер существования разума с цикличностью законов справедливого государства [11, 172].

Плотин в «Эннеадах» задается вопросом: «Почему небо движется по кругу? — Потому, что подражает уму» [3, 517]. Ум самосущ, собран в себе и движется самотождественным «движением-пребыванием» вокруг единого, при едином и к единому. Также по кругу движется весь космос и одновременно стоит на месте [3, 517].

На основе всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: место в метафизическом мировоззрении классической философии — результат эманационного процесса («истечения», «излияния», «нисхождения» энергии высших сфер (Неба) в низший природный мир, обеспечивающего универсальный круговорот всего), который, с одной стороны, включает в себя принципы («крайности сходятся»; «подобное стремится к подобному»), с другой — формирует образ целостности и завершенности. Это подтверждает выдвинутую нами вначале гипотезу, что местом является структурно организованный участок пространства, где принципы заставляют бытие изменяться по кругу. Место — концентрация здесь и сейчас свойств бытия пространства, а пространство — рассеянное свойство места (везде и всегда).

Таким образом, принципы организации места в классической философии, по нашим предположениям, придают всем событиям, предметам и явлениям не только законченный вид вращательного движения, в котором конец возвращается к началу, но и вместе с тем становятся предсказуемыми в перспективе замкнутого на себе изменения, обеспечивающего всем событиям и явлениям их повторение.

Литература

1. *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Мысль, 1976. 550 с.
2. *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Изд-во Мысль, 1981. 613 с.
3. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М.: Изд-во Высшая школа, 1976. 544 с.

4. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.

5. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.

6. *Декарт Р.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.

7. *Маковельский А.О.* Досократики Т. 1—2. Минск: Харвест, 1999. 746 с.

8. *Маковельский А.О.* Досократики Т. 3. Казань: Кн. Дом Голубева М.А., 1919. 192 с.

9. *Метафизика*. Новая философская энциклопедия Института философии РАН: [Электронный ресурс]. URL: http: //iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHe584bf5fb94f0ed4c8eae5.

10. *Платон.* Соч.: В 4 т. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. 752 с.

11. *Платон*. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1971. 731 с.

12. *Родзинский Д.Л.* Рациональные атрибуты абсолюта // Философские опыты. М., 2015. С. 205—217.

13. *Родзинский Д.Л.* Абсолютная природа разума. М.: Изд-во ЛЕНАНД, 2016. 200 с.

14. *Соколов В.В., Асмус В.Ф. и др.* Антология мировой философии: В 4 т. Т 1. М.: Мысль, 1969. 576 с

15. *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Міръ», 2009. С. 249 — 295

16. *Хайдеггер М.* Искусство и пространство // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. 447 с.

17. *Labikova R.N.* The categories of derivative adjective within the framework of new understanding the category of philosophy of language // Modern Science. 2017. No. 2. C. 132—137.

18. *Suarez F.* Metaphysicae disputationes. Disp. 51. Sect. 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.salvadorcastellote.com/d51.htm

References

1. *Aristotel'.* Soch.: V 4 t. T. 1. M.: Izd-vo Mysl', 1976. 550 s.

2. *Aristotel'*. Soch.: V 4 t. T. 3. M.: Izd-vo Mysl', 1981. 613 s.

3. *Asmus V.F*. Antichnaya filosofiya. M.: Izd-vo Vysshaya shkola, 1976. 544 s.

4. *Barg M.A*. EHpokhi i idei. Stanovlenie istorizma. M.: Mysl', 1987. 348 s.

5. *Vernadskij V.I*. Biosfera i noosfera. M.: Nauka, 1989. 261s.

6. *Dekart R.* Soch.: V 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1989. 654 s.

7. *Makovel'skij A.O*. Dosokratiki T. 1—2. Minsk.: KHarvest, 1999. 746 s.

8. *Makovel'skij A.O*. Dosokratiki T. 3. Kazan'.: Kn. Dom Golubeva M.A., 1919. 192 s.

9. Metafizika. Novaya filosofskaya ehntsiklopediya Instituta filosofii RAN: [EHlektronnyj resurs]. URL: http: //iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHe584bf5fb94f0ed4c8eae5.

10. *Platon*. Soch.: V 4 t. T. 3. CH. 1 / Pod obshh. red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa; Per. s drevnegrech. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; «Izd-vo Olega Abyshko», 2007. 752 s.

11. *Platon*. Sobr. soch.: V 3 t. T. 3. CH. 2. M.: Mysl', 1971. 731 c.

12. *Rodzinskij D.L*. Ratsional'nye atributy absolyuta // Filosofskie opyty. M., 2015. S. 205—217.

13. *Rodzinskij D.L*. Absolyutnaya priroda razuma. M.: Izd-vo LENAND, 2016. 200 s.

14. *Sokolov V.V.,* Asmus V.F. i dr. Antologiya mirovoj filosofii: V 4 t. T 1. M.: Mysl', 1969. 576 s

15. *Stepin V.S.* Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya // Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura. SPb.: Izdatel'skij dom «Mir"», 2009. S. 249 — 295.

16. KHajdegger M. Iskusstvo i prostranstvo // KHajdegger M. Vremya i bytie. M., 1993. 447 c.

IV

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

А.Л. АНДРЕЕВ, З.К. СЕЛИВАНОВА

Некоторые размышления о «русском мире» и «белорусской идее»*

Аннотация. В своем сравнительном исследовании авторы размышляют над проблемами культурно-исторического развития Республики Беларусь и Российской Федерации, о моделях исторического самосознания белорусского и русского народов, их национальной и государственной идентичности, о позиционировании Белоруссии и России в культурно-историческом пространстве и перспективах взаимодействия этих стран.

Ключевые слова: сравнительное исследование, Белоруссия, Россия, политическая элита, идеология, национальная идентичность, историческое самосознание, белорусская идея, русский мир.

Abstract. In his comparative study, the authors consider the problems of historical and cultural development of the Republic of Belarus and the Russian Federation, the models of the historical consciousness of the Belarusian and Russian peoples, their national and state identity, about the position of Belarus and Russia in the cultural-historical space and prospects of cooperation of these countries.

Keywords: comparative study, Belarus, Russia, political elites, ideology, national identity, historical consciousness, the idea of Belarusian, Russian world.

УДК 316.012
ББК 66

Белоруссия и Россия сегодня оказались в сложном и противоречивом экономическом, политическом, социальном положении, которое определяется сочетанием целого комплекса мировых и внутригосударственных факторов, требующих пристального внимания политиков и научного сообщества. Отношения между Белоруссией и Россией на

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Андреев А.Л., Селиванова З.К. Некоторые размышления о «русском мире» и «белорусской идее»// Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 199—206.

протяжении постсоветской истории также постоянно эволюционируют и их исследование постоянно актуально.

К сожалению, сложившаяся практика отношений между государственной властью и социально-политическими науками в постсоветских странах привела к тому, что постоянно сужается спектр глубоких и комплексных научных исследований. Как результат, наблюдается дефицит системных научных исследований, недостаточность комплексности, попытка заменить научные исследования легковесными суждениями и оценками. На этом фоне особенно важна роль комплексных научных исследований, сравнительному анализу результатов двух из которых — одно из них проводилось в Белоруссии [1], другое в России [2] — посвящена данная статья. Отметим, что каждый из этих коллективных трудов насчитывает большое число авторов (более 11 человек). В каждой из указанных работ исследуется широкий спектр проблем, на некоторых из которых остановимся специально.

В сборнике «Белорусская идея…» [1] с разных сторон исследуются проблемы формирования идеологического феномена, называемого «белорусская идея», его отношения с «русской идеей», российским обществом и русским миром. Исследуются такие проблемы, как различные модели исторического самосознания белорусского народа, его национальной и государственной идентичности, позиционирование в этой идее России и ее культурно-исторического пространства, Запада и его культурно-исторического пространства. Делается вывод об эволюции белорусской идеи от пророссийского вектора в сторону западного. Раскрывается роль политических элит и государственной идеологии Белоруссии в усиливающейся «белорусизации» сознания населения, ставится проблема опасности сочетания в таких условиях пассивности России и организованной информационной активности Запада. Эта проблема имеет место быть, учитывая бурную активность в особенности таких стран, как Польша, Литва, США, изощренно действующих через СМИ, интернет-издания, различные неправительственные и общественные организации и фонды, через правительственные структуры. Авторами высказываются опасения дальнейшей активизации антироссийских идей в Белоруссии, возможность негативного воздействия идеологических процессов в Белоруссии на отношения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

В книге «Российское общество и вызовы времени» [2] представлены результаты комплексного мегапроекта — анализа социальной динамики российского общества, полученные в 2014 г. Институтом социологии РАН.

Обе книги написаны доступным научным языком и без сомнения будут стимулировать развитие дискуссий в научных и экспертных кругах — как в Белоруссии и России, так и в странах СНГ. Они будут полезны для всех интересующихся проблемами национально-государственной идентичности, и особенно для органов власти и управления Республики Беларусь и Российской Федерации. В книгах показаны сложность изучения обществ, динамичность и противоречивость происходящих в них процессов. Реалии и тренды развития исследуемых обществ помогают осмыслить базовые проблемы функционирования современных белорусского и российского обществ. Остановимся на двух ключевых проблемах, которые исследуются в этих книгах, — о современной политической элите обеих стран и о формировании национальной идентичности граждан, их системах ценностей, в том числе в отношениях с другими странами.

Начнем с российского исследования. Его результаты демонстрируют постепенное, но неуклонное возвращение России и ее народа в русло национально-государственной традиции, укрепление в последние годы вектора доверия в России системе верховной власти и проводимой ею внешней политике.

Так, в современной России наблюдаются отрезвление в оценке Запада, рост критического отношения к нему, наличие у него потребительских интересов к России, заинтересованность в ее природных ресурсах, у 3/4 опрошенных стабильно доминирует ощущение отчужденности России от Запада [2, 123].

Закономерно в этой связи, что результаты исследований показывают: за последние 15 лет вновь вырос уровень идентичности россиян с евразийской цивилизацией (60% опрошенных респондентов считают Россию особой евразийской цивилизацией) и снизился уровень европейской идентичности (теперь лишь 40% россиян считают, что Россия — часть Европы-Запада) [2, 100]. При этом, несмотря на все санкции и новые угрозы, при оценке реального современного положения России на мировой арене более 60% опрошенных россиян считают ее одной из ведущих стран мира [2, 106], и «налицо неоспоримый и эмпирически подтвержденный факт — растущая гордость россиян за свою страну» [2, 157].

В ценностном сознании россиян продолжает сохраняться традиционность, и не странно, что в работе на основе эмпирических исследований отмечается, что «советская мифология и система ценностей глубоко укоренены в российском массовом сознании» [2, 253]. Причем нельзя согласиться с авторами данного исследования, что это лишь «советская мифология». Скорее это традиционная ориентация на па-

тернализм, справедливость, общее дело. И потому, по результатам опросов Института социологии РАН, базовыми ценностями консервативного большинства являются социальная справедливость (47%), национальные традиции, моральные и религиозные ценности (35%), ценности великой державы, империи (32%) [2, 239—240]. Одновременно либеральные ценности получают все меньший «вес»: права человека, демократия, свобода самовыражения личности — 27%; свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику — 13%; сближение с Западом — 11%. Традиционность базовых ценностей подтверждается и множеством других российских исследований (более подробный анализ данной работы см.: [3]).

Наметившаяся в России тенденция, на наш взгляд, вполне благоприятна для нового витка укрепления отношений России с Белоруссией и другими государствами на постсоветском пространстве, для начала новых интеграционных процессов. Однако разрушительные центробежные процессы на постсоветском пространстве за последние 25 лет зашли далеко — процессы в Прибалтике, Закавказье, Молдавии, на Украине подтверждают это. Подтверждают это и пока менее радикальные, но не менее тревожные политические, культурные и идейно-духовные тренды в Белоруссии.

Так, О.Б. Неменский в статье «Современная политическая элита Белоруссии: особенности идентичности и внешнеполитической ориентации» исходит из тезиса о том, что в обществе, в котором процесс создания нации еще далеко не завершен, вопросы идентичности играют принципиально важную роль, и влияние факторов идентичности на принимаемые политические решения имеют здесь ключевое значение. Белорусская политическая система находится именно в такой стадии и «описать официальный национализм как целостную идеологию невозможно. На деле в Белоруссии нет и принципиально отсутствует официальная идеология…» [1, 12]. В результате у молодого поколения белорусов фактически потерян пророссийский вектор, и значительное влияние на это оказывает активность аккредитованных в Белоруссии западных фондов, СМИ, НКО, а в некоторых случаях и правительственных структур. Это уже привело к изменениям во внешней политике в сторону усиления многовекторности и подчеркнутого «отстаивания суверенитета». Одновременно указывается на то, что Россия со своей стороны ничего не делает в этом плане и даже не имеет предложений, что можно сделать для изменения подобной ситуации. Складывающееся положение вещей все больше похоже на украинскую ситуацию 2004—2014 гг. с хорошо известными нам последствиями. Другие авторы (К.Ю. Аверьянов-Минский, Д.М. Володихин) также отмечают: «пас-

сивность российских правительственных и административных структур в данной сфере может иметь столь же гибельные результаты, как и на Украине» [1, 146]. При этом, по мнению К.Ю. Аверьянова-Минского, «у ведущих каналов России имеется огромная аудитория в Белоруссии, а значит, российское государство может эффективно продвигать идею общерусского единства белорусов, великорусов и украинцев (малорусов), способную конкурировать с неосоветской и националистической идеологиями», тем более, что пока «представления о русском триединстве все еще живы в сознании значительной части белорусских граждан». В противном случае и Белоруссия может стать еще одним откровенно антирусским государством на границе с РФ [1, 101]. И с этим тезисом нельзя не согласиться.

Развивая тему, Д.М. Володихин в своей статье убедительно показывает, что нынешняя белорусская элита навязывает белорусскому народу идентичность, связанную с литвинами и поляками, забывая при этом о триединстве народов. С этими мыслями согласны и другие авторы сборника. Так, В.В. Зотов в своей статье пишет: «Внутренняя политика Белоруссии в гуманитарной сфере характеризуется усиливающейся “белорусизацией”, включающей в себя комплекс мероприятий, направленных на воспитание у белорусов антирусского национального самосознания», несмотря на триединство народов [1, 267]. Причем — на это указывают большинство авторов сборника — историческое самосознание белорусов теперь ориентировано на польско-литовскую шляхту, и основой национальной идентичности является средневековое прошлое, а не годы советского прошлого, объединившие наши народы как никогда в их истории.

Более того, А.Д. Гронский в статье «Интерпретации истории как идеологическая база для конструирования идентичности» раскрывает тот факт, что политическая элита современной Белоруссии уже идет по украинскому пути и формирует историческое самосознание у школьников посредством учебников по истории Белоруссии через искажение исторических событий, преднамеренное умалчивание или выпячивание исторических фактов. Так, в разные эпохи территория Белоруссии была в составе разных государств (Древнерусского государства, Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, СССР), но в учебниках делается упор на изучение истории Белоруссии в составе Речи Посполитой. При этом польско-литовская шляхта выдается за «своих», а восточные славяне и русский народ — за «чужих». Политика отмежевания распространяется на монументы и памятники, посвященные русским людям, она направлена на отторжение органического исторического единства с «русским миром», сло-

жившимся на основе единой системы ценностей, на единых исторических истоках и общей цивилизационной модели целой группы восточноевропейских народов и государств [1, 52].

Продолжая разговор, В.В. Шимов в статье «Белорусская идентичность и общерусская идея» отмечает, что «современная белорусская идентичность существует в координатах цивилизационного выбора между Россией и Западом, где оба эти начала представляются во многом не совместимыми и выбор в пользу одного означает фактический разрыв с другим» [1, 163]. Хотя при этом именно обновленный «западнорусизм, артикулирующий общие культурно-исторические основания белорусов и русских, может стать идеологической основой интеграционного сближения Белоруссии и России, а также идейным стержнем белорусской государственности» [1, 185].

Как видим, с одной стороны, Россия нашла в себе силы сохранить культурную идентичность, она стремится вновь обрести национальный и культурный суверенитет, вернуться к своей традиции, в том числе внутренне готова к укреплению вектора на возрождение активной евразийской политики и более тесной интеграции со странами бывшего СССР. Эта тенденция способна вновь постепенно вести к обретению ею силы и созданию благоприятных условий для начала нового этапа интеграции стран вокруг России на основе традиционных принципов справедливости и с учетом сложившихся в последние десятилетия новых культурных и политических реалий. Предложенный США и Европой альтернативный российскому евразийский проект все более проявляется как негативный и разрушительный для стран и народов Евразии, как ведущий лишь к разрушению экономики и жизни иных стран (что уже видно на примере стран Восточной Европы, Прибалтики, Украины). Европа никогда в истории не собиралась и сегодня не собирается интегрировать страны бывшего СССР в себя иначе, как в качестве ресурсных колониальных пространств. Россия же всегда предлагала иной цивилизационный выбор. И если искусственно, насильственно не отторгать от русской культуры страны бывшего СССР, в том числе Белоруссию, то путь интеграции с Россией существенно более органичен.

Однако одновременно, с другой стороны, целенаправленно осуществляется политическая и идеологическая практика отторжения Белоруссии от России, которая уже дает свои разрушительные всходы. Без активного противодействия со стороны России этим процессам, без усиления активности с ее стороны в отношении Белоруссии искусственно создаваемые Западом дезинтеграционные процессы будут

иметь однозначные результаты, не выгодные ни России, ни другим странам на постсоветском пространстве.

Поиск диалога с учетом специфики культур и стран всегда был и будет возможен. Для этого нужны направленные усилия политических элит и научного сообщества всех стран Евразии, в том числе России и Белоруссии, необходим честный и открытый диалог о национально-культурной идентичности, о содержании различных евразийских проектов (российского и англо-американского), необходима активная политика России, направленная на формирование благоприятного имиджа России в странах бывшего СНГ и противодействие откровенной антироссийской лжи, продвижению негативных антироссийских настроений, политике очернения России в ее истории и современности со стороны очень малой части граждан, по разным идейным и корыстным причинам стоящих на антироссийских позициях. Необходимы политика реабилитации и продвижения концепта «русский мир» на постсоветском пространстве и воздействие на позитивную трансформацию «национальных идей» стран бывшего СССР, в том числе «белорусской идеи».

Литература

1. Белорусская идея: история и реальность. Национально-государственная идентичность и общественные настроения в странах Евразийского экономического союза: Сб. ст. / Сост. П.В. Святенков. М.: АНО «Аналитический центр инновационных проектов и технологий», 2016. 288 с.

2. Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.

3. *Селиванова З.К.* Национальная консолидация, патриотизм, традиционализм как ответ российского общества на вызовы времени // Социс. 2018. № 3. С. 135—140.

Referensec

1. Belarusian idea: history and reality. National identity and the public mood in the countries of the Eurasian economic Union: Sb. st. / Comp. V.P. Svyatenkov. Moscow: ANO «Analytical center for innovative projects and technologies», 2016. 288 p.

2. Russian society and the challenges of time. Book five / [M.K. Gorshkov et al.]; ed. by M. K. Gorshkov, V. Petukhov. M.: Whole World, 2017. 424 p.

3. *Selivanova Z.K.* national consolidation, patriotism, traditionalism as a response of Russian society to the challenges of time. Sotsis. 2018. No. 3. P. 135—140.

Л.И. РОСТОВЦЕВА, М.Л. ГЕЛЬФОНД, Е.Ю. МИРОШИНА

Патриотизм в сознании молодежи*

Аннотация. Статья подготовлена по материалам социологического исследования, выполненного в мае — июне 2017 г. благодаря гранту правительства Тульской области. Методом анкетирования опрошено 503 респондента из 22 муниципальных образований Тульской области. Цель исследования — определить состояние в сфере патриотического воспитания школьной молодежи в Тульской области и обозначить основные пути развития патриотических чувств. Проведен сравнительный анализ мнений и настроений школьников 8 — 11 классов и участников проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», авторов книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним…».

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, патриотическое воспитание, нравственность, история, память, ценности, героизм, подвиг, проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним…».

Abstract. The article is founded on the results of the social research conducted in May — July, 2017 owing to the grant of the government of Tula region. 503 respondents from 22 municipal settlements of Tula region were interviewed using the questionnaire method. The goal of the research is to define the level of patriotic education among young people living in Tula region and determine the principal marks of the development of patriotic feelings. The comparative analysis of opinions and spirits of the students of 8 — 11 grades and the participants of the project «I am proud of fathers,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростовцева Л.И., Гельфонд М.Л., Мирошина Е.Ю. Патриотизм в сознании молодежи // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 206—215.

grandfathers, great grandfathers' feat», the authors of a memoir «We remember...» was carried out.

Keywords: young people, patriotism, patriotic education, morality, history, memory, values, heroism, feat, project «I am proud of fathers, grandfathers, great grandfathers' feat», The book of recollection and reflection «We remember...»

УДК 31
ББК 60.5

Проблема патриотизма и героико-патриотического воспитания молодежи не теряет своей актуальности, что обусловлено и процессами глобализации, бросающей вызовы национальному государству, и необходимостью единения в условиях усиления международной конфронтации после присоединения Крыма, которая имеет сегодня как военное, так и экономическое, политическое, информационное и другие измерения. Экономические санкции, кибератаки, обман и провокации, распространение СМИ ложной информации, манипулирование в социальных сетях с целью посеять недовольство в людях, разобщение, хаос — такова реальность, актуализирующая интерес к проблеме патриотизма со стороны *государства*. Цифровизация общественной жизни, трансформация ценностной системы, изменения в сознании и моделях поведения за годы рыночных реформ — причины, позволяющие увидеть в патриотизме средство решения насущных проблем с точки зрения *общества и человека*. В условиях информационной перегрузки, распространения одиночества, потребительских устремлений и духовного обеднения личности патриотизм создает зону стабильности, наполняющую существование смыслом, не позволяющую превратиться в робота, сойти с ума.

Как известно, патриотизм — многогранное понятие, это нравственный и политический принцип, идея, сильное чувство, содержанием которого является любовь к Родине (большой и малой), готовность подчинить ее интересам свои частные интересы. Патриотизм объединяет, дает почувствовать каждому, что он не одинок, что он является сыном и дочерью своего народа, достижения которого воспринимаются как свои, вызывают гордость, желание идентифицировать себя со своими соотечественниками и земляками, готовность защищать интересы страны, сообщества.

Каковы сегодня патриотические настроения школьной молодежи Тульского края? Что является наиболее актуальным в сфере патриоти-

ческого воспитания? Какие мероприятия, направленные на воспитание патриотизма, наиболее эффективны, по мнению старшеклассников?

На эти вопросы было направлено наше социологическое исследование (май — июнь 2017 г.), проведенное с целью определения состояния в сфере патриотического воспитания в Тульской области и обозначения основных путей развития патриотических чувств[1]. В исследовании приняли участие 503 респондента, в том числе 43,1% мужского пола, 56,9% — женского. Из них 57 человек — участники проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», среди которых было проведено пилотажное исследование 5 мая 2017 г. перед конференцией-презентацией четвертой книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним… Сразу после войны»[2], и 446 респондентов — учащиеся 8 — 11 классов из 22 муниципальных образований Тулы и Тульской области, опрошенных по многоступенчатой, районированной гнездовой выборке. 43,1% всех опрошенных — мужского пола, 56,9% — женского.

На вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?» 56,5% школьников ответили утвердительно, 4% — отрицательно, 35,2% — ощущают себя патриотом «не в полной мере», 4,3% — затруднились с ответом, в то время как среди участников проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» непатриотов не нашлось, 75,4% относят себя к патриотам, хотя 22,8% — «не в полной мере» и 1,8% — затруднились с ответом.

Патриот «не в полной мере» — странное словосочетание, появившееся в России после распада СССР. В нем отражается, с одной стороны, желание идентифицировать свою позицию с патриотической, но, с другой стороны, понимание своего несоответствия идеальному образу патриота по тем или иным критериям. Это нестабильная группа. Вместе с затруднившимися с ответом — та часть, которая колеблется в своей самоидентификации.

---

[1]Грант правительства Тульской области на реализацию социального проекта «Издание книги «Мы помним…» и развитие общественно-патриотического движения «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» (Договор № 117-2016 от 28 марта 2016 г.). Руководитель — Л.И. Ростовцева.

[2]Участники проекта — это наиболее патриотичная часть респондентов, составляющая более четверти из присутствовавших на мероприятии 210 человек, авторов четвертой книги поколений «Мы помним… Сразу после войны» и сопровождавших их родственников, учителей, научных руководителей, выразивших при регистрации желание заполнить анкету.

Емкость понятия «патриотизм» вызывает интерес к сравнительному анализу ответов школьников и участников нашего проекта на вопрос «Что для Вас означает патриотизм?» (табл. 1). Для 78,9% первых и 86,0% вторых это — любить Родину и гордиться ею. На втором месте — знать свою историю (45,1 и 61,4% соответственно), на третьем — защищать Родину с оружием в руках (36,8 и 43,9%). Радует, что ответ «Честно работать во благо Родины» не остался без внимания (21,1% старшеклассников и 35,1% участников проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов»). Однако ответы школьников «Жить в своей стране», «Служить в армии», «Любить своих родных и близких» встречаются в два и даже в три с лишним раза реже по сравнению с ответами участников проекта.

Таблица 1

Что такое патриотизм?
(в % от числа опрошенных)

Ответ	Участники проекта	Школьники
Любить Родину и гордиться ею	86,0	78,9
Знать свою историю	61,4	45,1
Защищать Родину с оружием в руках	43,9	36,8
Честно работать во благо Родины	35,1	21,1
Жить в своей стране	33,3	15,2
Любить своих родных и близких	33,3	9,9
Служить в армии	21,1	10,8
Ходить на выборы	5,3	6,1
Другое	1,8	0,7

Знание истории своей страны, родного края, семьи и рода — неотъемлемый элемент патриотического воспитания. Многие современные студенты и школьники плохо знают историю России и ее героев, путают Отечественную войну 1812 г., Первую и Вторую мировую, Великую Отечественную войну 1941 — 1945 гг., смутно представляют кто в этих войнах участвовал и почему. Потому мы и реализуем с 2009 г. проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», чтобы приобщить молодежь к истории страны через историю своей семьи и рода, показать, что герои есть в каждой семье. Нужно только расспросить родственников о них, полистать фотоальбомы, поискать документы в семейных и государственных архивах, обратиться к интернет-ресурсам и специальной литературе, чтобы подготовить публикацию о

своих героях для книги поколений «Мы помним…» [1— 6]. В конечном итоге реализация проекта способствует воспитанию патриотизма и является прививкой против фальсификации истории, дает образцы поведения для подражания.

Патриотизм формируется в процессе социализации личности, при знакомстве человека с историей своей страны, ее пространством, культурными и технико-экономическими достижениями. Подавляющее большинство наших респондентов считают приоритетом знание истории предков и рода. Затем следуют религия и менталитет народа, а также технико-экономические и гуманистические достижения страны, природа и быт, искусство. Для чуть более 10% опрошенных значим высокий уровень благосостояния (табл. 2). Среди других вариантов ответа чаще всего встречается — отношение государства и власти к народу. Нижеприведенные данные свидетельствуют о том, что не стоит преувеличивать вопрос о трансформации ценностной системы за годы реформ — у тульской школьной молодежи по-прежнему приоритетны традиционные духовно-нравственные ценности.

Таблица 2

Что формирует патриотизм?
(в % от числа опрошенных)

Ответ	Участники проекта	Школьники
История предков и рода	89,5	79,4
Религия и менталитет народа	36,8	26,9
Технико-экономические и гуманистические достижения страны	31,6	15,9
Искусство	24,6	12,3
Природа и хозяйствование	15,8	13,9
Высокий уровень благосостояния	14,0	10,5
Другое	1,8	2,9

Говоря о направлениях патриотического воспитания, участники исследования полагают, что наиболее актуальными сегодня являются гражданско-патриотическое (52,3% всех респондентов) и военно-патриотическое (48,7%). Несколько меньше опрошенных (41,7%) наиболее важным считают сохранение русского языка и культуры. И лишь 7,2% респондентов выступают за хозяйственный патриотизм. Скорее всего это связано с непониманием этого феномена, недостаточным научным осмыслением важности патриотизма в хозяйственной деятельности.

Форм работы по воспитанию патриотических чувств используется сегодня достаточно много. Мнения респондентов по вопросу о наиболее эффективных мероприятиях разделились: участники проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» называют прежде всего круглые столы, конференции, приуроченные к различным годовщинам Великой Отечественной войны и другие встречи с участием ветеранов (68,4%), а также патриотические акции, организованные органами власти (64,9%). У школьников, наоборот, на 1-м месте — мероприятия с участием местных органов власти (61,2%), а на 2-м — мероприятия с участием ветеранов (45,1%). На 3-е место и те, и другие ставят занятия в учебных заведениях по патриотическому воспитанию (треть школьников и 43,9% участников проекта). Возрождение комплекса ГТО («Готов к труду и обороне»), игры «Зарница» эффективными признают обе группы одинаково, примерно каждый пятый респондент. Мероприятия по повышению престижа армии отметили 9,6% школьников, т. е. в три раза меньше по сравнению с участниками проекта (28,1%).

Огромное число людей принимают участие во всевозможных патриотических акциях, например, таких как «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка», регулярно проводятся митинги, конференции, посвященные войне, вело- и автопробеги «по дорогам войны». Но какие чувства вызывают эти мероприятия у их участников?

Большинство опрошенных школьников (64,3%) отметили, что ощущают интерес, практически одинаковое число респондентов (по 37%) чувствуют радость и сопричастность, чуть менее (36%) хотят совершить подвиг. Почти 9% не испытывают никаких чувств. Среди участников проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» результаты немного другие: больше половины респондентов основными чувствами назвали интерес (59,6%), радость и сопричастность (по 54,4%); почти 30% ощущают желание совершить подвиг. Не нашлось ни одного человека, равнодушного к патриотическим мероприятиям, тогда как 8,7% старшеклассников признались, что не испытывают никаких чувств.

Молодежь хорошо понимает, что отсутствие патриотических чувств может привести к ряду негативных последствий и для государства, и для человека. Среди них самым опасным каждый второй участник проекта (50,9%) и 53,8% школьников назвали отказ защищать Родину в экстремальных ситуациях. Падение нравственности отметили 47,4 и 44,2% соответственно. «Утечку мозгов» назвали 24,6% участников проекта и 21,3% старшеклассников. Однако утрата человеком смысла своего существования для школьников оказалась почти в четы-

ре раза менее значимой, чем для авторов книги поколений «Мы помним…» (11,4% против 40,4%).

При определении роли патриотизма актуальным представляется вопрос о том, кто является героем в глазах молодого поколения. Более 90% респондентов считают героями участников войн. Вдвое меньше участников исследования отметили героизм представителей определенных профессий (пожарных, полицейских, учителей), треть — исторических деятелей. Около 28% заявили о том, что для них героями выступают родители, для 9% — спортсмены, для 3,4% — персонажи книг, герои фильмов, для 2,4% — политики, государственные и общественные деятели, для 1,8% — актеры, музыканты, певцы. Чуть менее 2% опрошенных школьников ответили, что для них героев нет.

Важный вопрос, отчасти проливающий свет на объяснение патриотичности сознания и поведения человека, — есть ли герои в его ближайшем окружении. У половины школьников герои входят в ближайший круг общения, у четверти — герои отсутствуют и еще у четверти — вопрос вызвал затруднение с ответом. Для сравнения: у 71,9% участников проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» есть рядом герои, на которых можно равняться, только 5,3% ответили: «Нет», 22,8 % — затруднились с ответом.

Большинство опрошенных (около 90%) считают, что и в мирное время можно совершить подвиг. Какой? Спасти жизнь, помочь нуждающемуся, проявить самоотверженность в труде. Самым распространенным среди вариантов ответа в рубрике «другое» стало самопожертвование (табл. 3). Интересно то, что забота о благе своей семьи и детей в списке подвигов опередила служение идее, что отражает своеобразие современности.

Таблица 3

Что является подвигом?
(в % от числа опрошенных)

Ответ	Участники проекта	Школьники
Спасение жизни	84,2	81,4
Самоотверженный труд	47,4	22
Забота о благе своей семьи и детей	26,3	16,4
Служение идее	22,8	13,5
Помощь нуждающимся	35,1	42,4
Другое	3,5	1,6

Таким образом, проанализировав результаты социологического исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Участники проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» — более патриотичная группа по сравнению со школьниками 8 — 11 классов, что свидетельствует о значимости проекта в области патриотического воспитания.

2. Более половины тульских старшеклассников считают себя безоговорочно патриотами, но около 40% — патриоты «не в полной мере» и затруднившиеся с ответом. Организаторы воспитательной работы в образовательных учреждениях и специалисты органов молодежной политики должны учитывать в своей работе наличие этой группы молодежи. Воспитать патриотизм по принуждению или указанию невозможно, но подсказать воспитанникам, обратить их внимание на то, *что* любят и уважают, можно и нужно [7].

3. Привязанность к своей стране, родным и близким, желание служить в армии у школьников оказалось в 2 — 3 раза слабее, чем у участников проекта, авторов книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним…». Хотя современная молодежь признает значимость семьи, называя в числе героев своих родителей, а важнейшим способом формирования патриотизма — историю предков и рода. То есть ценность семьи остается высокой, особенно в условиях современной цифровизации, все ускоряющегося ритма жизни, когда она играет роль зоны стабильности [9].

4. Пристального внимания заслуживает военно-патриотическое и героико-патриотическое воспитание в сложных условиях современной геополитической ситуации [8]. Современная молодежь связывает патриотизм с моделью «государство для человека», а не «человек для государства», как традиционно считалось в нашей стране.

5. В теоретическом осмыслении нуждается проблема хозяйственного патриотизма. Результаты этого анализа могут быть использованы в практике воспитательной работы образовательных учреждений, центров дополнительного образования, а также общественных организаций и государственных органов, координирующих вопросы молодежной политики.

Литература

1. Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2010. 512 с.

2. Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений. 1941 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. Ч. 1. 476 с.

3. Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений. 1941 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. Ч. 2. 444 с.

4. Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. Ч. 1. 600 с.

5. Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. Ч. 2. 620 с.

6. Мы помним… Сразу после войны. Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. 828 с.

7. *Ростовцева Л.И.* По принуждению воспитать истинный патриотизм невозможно… // Военно-исторический журнал Министерства обороны Российской Федерации. 2017. № 12. С. 74 — 78.

8. *Ростовцева Л.И.* Проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним…»: геостратегический аспект // Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия // Сборник тезисов выступлений Международной научной конференция / Под ред. Ю.М. Осипова, С.С. Нипа, Т.С. Сухиной. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. С. 153 — 154.

9. *Ростовцева Л.И., Стемпинь Е.А.* Воспитательный потенциал книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним…» в условиях цифровой экономики // Экономические стратегии. 2018. № 4. С. 62—68.

References

1. My pomnim… Kniga vospominanij i razmyshlenij pokolenij / Pod red. YU.M. Osipova, L.I. Rostovtsevoj. Tula: Grif i K, 2010. 512 s.

2. My pomnim… Kniga vospominanij i razmyshlenij pokolenij. 1941 / Pod red. YU.M. Osipova, L.I. Rostovtsevoj. Tula: Grif i K, 2012. CH. 1. 476 s.

3. My pomnim… Kniga vospominanij i razmyshlenij pokolenij. 1941 / Pod red. YU.M. Osipova, L.I. Rostovtsevoj. Tula: Grif i K, 2012. CH. 2. 444 s.

4. My pomnim… Kniga vospominanij i razmyshlenij pokolenij / Pod red. YU.M. Osipova, L.I. Rostovtsevoj. Tula: Akvarius, 2015. CH. 1. 600 s.

5. My pomnim… Kniga vospominanij i razmyshlenij pokolenij / Pod red. YU.M. Osipova, L.I. Rostovtsevoj. Tula: Akvarius, 2015. CH. 2. 620 s.

6. My pomnim… Srazu posle vojny. Kniga vospominanij i razmyshlenij pokolenij / Pod red. YU.M. Osipova, L.I. Rostovtsevoj. Tula: Akvarius, 2017. 828 s.

7. *Rostovtseva L.I.* Po prinuzhdeniyu vospitat' istinnyj patriotizm nevozmozhno… // Voenno-istoricheskij zhurnal Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii. 2017. № 12. S. 74 — 78.

8. *Rostovtseva L.I.* Proekt «YA gorzhus' podvigom ottsov, dedov, pradedov» i kniga vospominanij i razmyshlenij pokolenij «My pomnim…»: geostrategicheskij aspekt // Rossijskij mittel'shpil': ehkonomika, tekhnogenez, geostrategiya // Sbornik tezisov vystuplenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsiya / Pod red. YU.M. Osipova, S.S. Nipa, T.S. Sukhinoj. M.: EHkonomicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 2018. S. 153 — 154.

9. *Rostovtseva L.I., Stempin' E.A.* Vospitatel'nyj potentsial knigi vospominanij i razmyshlenij pokolenij «My pomnim…» v usloviyakh tsifrovoj ehkonomiki // EHkonomicheskie strategii. 2018. № 4. S. 62—68.

МИТРОПОЛИТ ФЕОДОСИЙ (ВАСНЕВ)

Система духовного образования: Россия до 1867 года*

Аннотация. История создания системы образования в России уходит корнями в глубину X—XIII вв. — открытие церковно-приходских школ, учреждений при монастырях. Грамотность в Древней Руси получила распространение среди всего населения. Первое высшее учебное заведение было открыто в 1632 г. (Академия). В связи с чем важно понимать, как проходило становление системы образования в Российской империи. Автор в статье раскрывает роль духовного образования в формировании системы образования и воспитания. Показаны реформы системы в XVIII—XIX вв. С этого времени обучение стало доступно простому народу. Начальным звеном стали церковно-приходские учебные заведения. В духовных семинариях готовили учащихся для служения в Русской церкви, которые и оказывали непосред-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Митрополит Феодосий (Васнев). Система духовного образования: Россия до 1867 года // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 215—219.

ственное влияние на становление духовно-нравственного облика русского общества.

Ключевые слова: духовное образование, система образования, становление российской системы образования, история формирования духовных школ.

Abstract. The history of the creation of the education system in Russia goes back to the depth of the 10th — 13th centuries. — The opening of parochial schools, institutions at monasteries. Literacy in ancient Russia became widespread among the entire population of Russia. The first higher education institution was opened in 1632 (Academy). In this connection, it is very important to understand how the formation of the education system in the Russian Empire took place. The author in the article reveals the role of spiritual education in the formation of the system of education and upbringing. Showing system reforms in the XVIII — XIX centuries. Since that time, learning has become available to the common people. The initial link became parochial educational institutions. In theological seminaries, students were trained for service in the Russian Church, which directly influenced the development of the spiritual and moral image of Russian society.

Keywords: spiritual education, education system, the formation of the Russian education system, the history of the formation of theological schools.

УДК 27
ББК 86.2

Стройная и сбалансированная система духовного образования в Российской империи была сформирована в течение XVIII—XIX вв. Ее становление проходило в сложные исторические периоды жизни государства и Церкви. Процесс был длительным и трудным, требовал приложения значительных усилий священноначалия Русской церкви и государственных деятелей, причем роль государства в создании системы духовного образования во многом была определяющей.

Духовные школы были общеобразовательными учебными заведениями, находившимися в ведении церковного ведомства, где учились выходцы из духовного сословия, готовящиеся стать священнослужителями и получающие среднее образование. Вместе с тем духовные школы входили в систему народного образования, были ее органической частью, оказавшей существенное влияние на развитие светского образования в Российской империи. Неоценима роль духовных школ в со-

здании начальных сельских училищ, а точнее в подготовке педагогических кадров для них.

Воспитание и образование, которые получали в духовных семинариях учащиеся, оказывали непосредственное влияние на формирование духовно-нравственного облика русского духовенства и его роль в обществе, а ученики, которые после окончания духовной школы связывали свою жизнь со светским поприщем, положительно влияли на все общество.

История формирования духовных школ делится на несколько периодов. В первый период, XVIII — начало XIX в., был заложен фундамент духовного образования и выработаны основные принципы его функционирования. На первом этапе не было принципиального различия между средним и высшим образованием. Учебные курсы как в духовных академиях, так и в семинариях начинались с грамматики классических языков (латынь и греческий) и заканчивались богословским классом [2, 198].

С 1808—1814 по 1840 гг. была проведена реформа образования, в результате которой система духовных школ стала трехступенчатой: появились низшие (начальные), средние и высшие школы. Начало этой системе, как принято считать, положил Указ императора Александра I от 29 ноября 1807 г. о создании Комитета по усовершенствованию духовных училищ. В результате реформы низшая школа, поделенная на две части — приходские и уездные училища, была выделена из духовных семинарий, семинарии стали средними духовными учебными заведениями, а высшая школа обрела самостоятельный статус и функционировала в виде духовных академий. Таким образом, была создана классическая система духовного образования, которая действовала в течение всего Синодального периода бытия Русской православной Церкви. Впервые в управлении духовными учебными заведениями был введен принцип коллегиальности, образована продуманная система финансирования духовных школ, составлены единые учебные планы. Во главе всех учебных заведений встала Комиссия духовных училищ, созданная в 1808 г. и просуществовавшая до 1839 г., когда она была распущена обер-прокурором Святейшего Синода графом Н.А. Протасовым, а вместо нее было образовано Духовно-учебное управление, подчиненное непосредственно обер-прокурору. Прежние взгляды на общеобразовательную и гуманитарную составляющие духовного образования стали меняться. Государство стремилось упростить духовное образование, особенно на низшем и среднем уровнях, для того чтобы готовить специалистов узкого профиля, фактически требоисправителей с навыками медиков и агрономов (именно с этого

времени в семинариях стали изучать медицину и сельское хозяйство). Количество часов на преподавание общеобразовательных предметов было сокращено [2, 201—202].

В 1860—1870-е гг. в России происходили реформы, которые охватили все стороны жизни российского общества. Естественно, они затронули и сферу духовного образования. Убежденность в необходимости новых реформ была и в правительственных кругах, и у видных иерархов Церкви. Требовались новые подходы к управлению образованием, к организации учебного процесса, кардинально следовало улучшить и материальное положение духовных школ. Можно сказать, что с введением нового устава духовных учебных заведений в. 1867 г. начался новый этап в истории духовных учебных заведений. Именно в этом году был утвержден новый устав духовных семинарий, а спустя два года и академий. Духовно-учебное управление было упразднено, вместо него при Святейшем Синоде создали Учебный комитет. В управлении учебными заведениями снова вернулись к коллегиальной форме; педагогическим корпорациям было дано право выбора ректоров и инспекторов. Из учебного курса изъяли непрофильные предметы, введенные при обер-прокуроре графе Н.А. Протасове. Представителям других сословий разрешили поступать в духовные школы, а выпускникам семинарий позволили учиться в светских высших учебных заведениях.

Основной задачей духовных семинарий являлась подготовка юношества к служению Православной церкви. При поступлении в семинарию преимуществом пользовались дети духовенства. Оставшиеся места были в равной степени доступны учащимся православного исповедания из других сословий. В старшие, богословские, классы принимались также выпускники средних светских учебных заведений и взрослые, обладавшие определенными знаниями в церковных дисциплинах. Реформы представляли широкие возможности местному духовенству участвовать в жизни духовных учебных заведений, что нашло живейший отклик в среде духовенства [1, 452—459].

Литература

1. *Смолич И.К.* История Русской Церкви: 1700—1917 гг. М., 1996. Ч. 1. 580 с.

2. *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и Новейший периоды (1700—2005). М., 2007. 234 с.

References

1. *Smolich I.* K. History of the Russian Church: 1700—1917. M., 1996. Part 1. 580 p.

2. *Tsypin V., FR.* The history of the Russian Orthodox Church: the Synod and the Latest period (1700—2005). M., 2007. 234 p.

В.Н. ИВАНОВА

Социальные отношения на различных уровнях инновационной деятельности*

Аннотация. Статья посвящена вопросам анализа социальных отношений в инновационной деятельности с целью формирования критериальной базы для разработки социально-экономической стратегии инклюзивного развития экономики России. Рассмотрены функциональные связи прямого типа между формой и содержанием социальных отношений, с одной стороны, и экономическими предпосылками их возникновения, с другой. Также рассмотрены особенности социальных связей обратного типа с позиций реализуемости и устойчивости развития инновационных проектов в условиях постиндустриального типа воспроизводства, когда активно проявляются фундаментальные противоречия собственно феномена знания. Анализируется опыт социальных отношений, связанных с инновационной хозяйственной и управленческой деятельностью в ряде стран и в различные исторические периоды времени, включая Россию, Японию, Южную Корею, западноевропейские страны. Делается вывод о том, что целенаправленные крупные национальные проекты реализуются исключительно при наличии институционального и ресурсного их обеспечения.

Ключевые слова: инклюзивное развитие, социальные отношения, инновационная деятельность, прямые и обратные связи, интенсивность, функциональные модели, математическое моделирование, социальные и экономические связи, знания, противоречия.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иванова В.Н. Социальные отношения на различных уровнях инновационной деятельности // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 219—230.

Abstract. The article is devoted to the analysis of social relations in innovation with the aim of forming a criterion base for the development of a socio-economic strategy for the inclusive development of the Russian economy. The functional connections of the direct type between the form and content of social relations, on the one hand, and the economic prerequisites of their occurrence, on the other, are considered. Also considered are the features of social connections of the reverse type from the standpoint of feasibility and sustainability of the development of innovative projects in the conditions of post-industrial type of reproduction, when the fundamental contradictions of the knowledge phenomenon itself are actively manifested. It analyzes the experience of social relations associated with innovative economic and managerial activities in a number of countries and in various historical periods of time, including Russia, Japan, South Korea, and West European countries. It is concluded that targeted large-scale national projects are implemented only if there is institutional and resource support for them.

Keywords: inclusive development, social relations, innovative activity, direct and feedback, intensity, functional models, mathematical modeling, social and economic relations, knowledge, contradictions.

УДК 316.472:316.613
ББК 60.54

Специфика рассмотрения социальных отношений в сугубо узкой среде, функционально связанных с инновационной деятельностью, позволяет выявить две существенные их особенности. Во-первых, такие социальные отношения имеют своими истоками чисто экономические предпосылки их возникновения как в прошлом, так и в настоящем времени. А во-вторых, подавляющая часть спектра таких отношений носит явно негативных характер по отношению к конкретному индивиду, вовлеченному в любую коллективную хозяйственную деятельность, в частности, деятельность с инновационным уклоном. Так, в Японии отношения на производстве развились на основе нескольких известных на сегодня во всем мире систем, которые базируются на народной философии и традициях [11]. Достигнутый на их основе внушительный социальный консенсус позволил сформировать сильную экономику и сориентировать японское общество на групповые интересы и социальные ценности [4]. Готовность к совместному труду, к взаимодействию между сотрудниками считается основной причиной экономического рывка, получившего название «японского чуда». Но одновременно это привело к закрытости экономики Японии от зарубежных инвесторов, что позволило, с одной стороны, заимствовать институты западные, а с

другой — сохранить свою культуру хозяйствования и национальную модель экономики.

Но даже после схлопывания финансового пузыря в 1990 г., все равно корпоративное управление продолжает быть направленным на поддержку традиционных холдингов, ориентированным на стратегии отстаивания групповых и коллективных интересов, учитывая принцип пожизненной занятости. А это не что иное, как обременительные для экономики страны социальные обязательства. Такая ситуация не позволяет успешно заимствовать конкурентно-инновационные модели западных стран, которые способствуют снижению лишних издержек, инновационным стратегиям, внедрению венчурных проектов с использованием рынков капитала. А это выливается в невозможность для Японии в современных условиях адекватно ответить на вызовы глобализации.

Система социальных отношений в Японии, ранее позволившая достичь небывалых экономических успехов для всей страны, на сегодня оказалась большим тормозом для экономики, а период с 1990 по 2010 г. в Японии вошел в историю как два «потерянных десятилетия», когда темпы роста были нулевыми или отрицательными. Такие пережитки отрицательно сказываются на здоровье нации. В Японии работники большей частью не берут оплачиваемые отпуска и больничные листы. Приходится часто отправлять из в отпуск принудительно. Даже самые успешные и на первый взгляд самые гуманные социальные отношения в инновационной деятельности со временем оказываются реакционными со своей сути [4].

Социальные отношения в трудовых коллективах в Южной Корее, сложившиеся в период резкого подъема экономики страны в послевоенный период, сегодня также проявляют свою негативную сторону [5]. Так, преданность работодателю, готовность сверхурочно на него работать, трудолюбие — вот те качества, которые предопределили указанный экономический подъем. В итоге Южная Корея всего за 50 лет из развивающейся страны преобразилась в одну из крупных и устойчивых экономик. Но в этой трансформации часто недооценивается роль женщин. Ведь успех произошел благодаря относительно низкой заработной плате рабочих фабрик, в основном женщин. Но на женщинах лежали и домашние дела, поэтому мужчины чувствовали себя довольно комфортно. Время прошло, но гендерные стереотипы остались такими же, как и 50 лет назад, хотя социальные и экономические изменения произошли очень быстро. Женщинам приходится уделять домашней работе в 5 раз больше времени, чем это делают мужчины. Выйдя замуж, южнокорейским женщинам приходится еще и заботиться о семье мужа в качестве обслуживающего персонала. В настоящее время в

стране предельно низкая рождаемость. Таким образом, пережитки в сфере социальных отношений в быту и на производстве, в частности, в гендерных отношениях, препятствуют реализации текущих национальных проектов в современных условиях за счет проявления психической дезадаптации у южнокорейских женщин как во время работы, так и в семье. Это как раз подтверждает тезис о том, что даже самая успешная для экономической динамики форма социальных отношений рано либо поздно может выработать свой потенциальный ресурс и превратиться в тормоз того самого экономического развития и роста.

Специфика анализа социальных отношений в инновационной деятельности в малых группах сильно ограничивает научную ресурсную базу, когда ни статистические сведения, ни сведения из исторических мемуарных источников, ни модельные построения не дают полной картины. В этих условиях порой единственный полноценный материал могут дать воспоминания отдельных индивидуумов, инициированных сторонним исследователем под определенным углом, учитывающим три выше сформулированных критерия. Ниже мы попытаемся такой подход использовать, допуская при этом неизбежность индивидуализации как собственно личностей, вовлеченных в исследуемые реалии, так и неизбежность не совсем традиционных ссылок на источники получения такой — достаточно персонифицированной — информации.

Сегодня в России ситуация с гендерными перекосами весьма напоминает 1920-е гг. На 2010 г. на 1000 женщин приходилось всего 832 мужчины, т. е. число женщин на 10,8 млн было больше. Даже в 1926 г., после революций, разрухи, войн и эмиграций, положение было лучше [6]. Самым феминизированным на 1959 г. оказалось общество в РСФСР — на 1000 женщин тогда приходилось 615 мужчин. А если взять возрастную группу в 20—40 лет, то в РСФСР тогда женщин было ровно в 2 раза больше. Особенно болезненно такой гендерный разрыв сказался на поколении российских мужчин, вернувшихся с войны в 1945 г. и вступивших в социальные производственные отношения, когда женщины повсеместно доминировали.

Рассмотрим социальные отношения в крестьянской общине в России в начале XX в. и социальные отношения в уже перестроечный период в нашей стране. С первого взгляда экономические условия и в том, и другом случае очень схожи, в основе их лежит частная собственность на средства производства. Последнее предполагает наличие бедных людей и людей богатых, наделенных экономической и некоторой законодательной властью. И те, и другие в силу производственно-хозяйственной необходимости вынуждены вступать в социальные отношения между собой. В российской деревне и до Революции 1917 г., и после нее до момента коллективизации такие социальные отношения

складывались именно внутри крестьянской общины. Там были и безлошадные бедняки, и зажиточные крестьяне, впоследствии названные «кулаками», которые владели и тем самым контролировали основную часть собственности общины — ветряные и водяные мельницы, лесные угодья, большую часть пахотных земель, потребительскую кооперативную торговлю. Они практически реализовывали функции исполнительной власти на местах. Сегодняшняя же типичная производственно-инновационная ячейка функционирует при вовлечении в производственный процесс уже наемных работников, наемного же руководящего персонала, собственников-акционеров, а также представителей государственных либо муниципальных контрольно-регламентирующих структур. В чем здесь принципиальное различие двух типов производственных структур? Оказывается, в легитимности той самой собственности, представителями которой выступали ранее кулаки, а сегодня — чиновники. Такие отношения зависят от фактического признания обществом легитимности собственности. Если легитимность собственности в крестьянской общине признавалась как данность, без каких-либо сомнений, то в постперестроечной России легитимность частной собственности любого вида российским обществом ставилась и ставится под сомнение. Именно это отличие формирует специфические социальные отношения.

В крестьянской общине богатый представитель общины считал себя потенциальным должником любого бедняка и старался каждому из них помочь, в сегодняшней же России почти каждый чиновник считает, что именно ему все должны. По рассказам родственников, выходцев из деревни Седые Богчинской волости Галичского уезда Костромской губернии, моя прабабка Курицына Елизавета Владимировна, будучи женой зажиточного крестьянина-мельника, каждое утро после дойки коров разносила по бедным домам в деревне бесплатно молоко. Мотивировкой у нее (хотя она и скрывала ее от окружающих) было двойственное чувство — вины перед бедными и чувство страха по отношению к ним: а вдруг они устроят бунт и вырежут всю семью, как это было с барскими усадьбами в 1917 г., а прабабка как раз была из дворянского рода знаменитых Фонвизиных [8], вотчину которых — барскую усадьбу Кокорюкино [2] — сожгли окрестные жители в революцию. И, конечно, у нее было чувство страха перед Богом, который может покарать за отсутствие сострадания к ближнему своему. Эта ее практика принесла свои плоды — когда при коллективизации в 1929 г. ее семью раскулачили, а мужа-мельника, который был еще и церковным старостой, арестовали — местные крестьяне возмутились и заставили власти временно отпустить его, что позволило тому скрыться и

впоследствии избежать тюремного заключения как представителя кулачества.

Российские чиновники сегодня, в отличие от чиновников в царской России и в других странах, порой берут взятки отнюдь не за то, чтобы, обходя закон, что-то сделать для того же бизнесмена, а только за то, чтобы этому бизнесмену не мешать вести свое собственное дело [1]. Можно только предположить мотивировку такого поведения — это полная безбоязненность ответственности перед законом и перед Богом за взятки на основе непризнания любого вида частной и государственной собственности, а также чувство обделенности при разделе общенародной собственности в процессе приватизации 1990-х гг. Если до Революции 1917 г. частная собственность в России была легитимна без всяких на то сомнений со стороны как самих собственников, так и простого народа. Это же касалось и легитимности власти тогда. Сейчас же в России легитимность частной собственности, а также законодательной и исполнительной власти у многих россиян вызывает сомнения. Причина этого — семантический подлог, когда при приватизации 1990-х гг. понятие общенародной собственности в бывшем СССР было подменено на государственную собственность, тогда как государство лишь той собственностью управляло. Мнение же народа при тогдашней приватизации не спросили.

Известно, социальные отношения на работе часто сопровождаются психической дезадаптацией, потому что люди не находят свой труд кому-то нужным, считают его бесцельным и работают только лишь ради денег, что демонстрирует небольшое пособие о поиске цели в работе и способах получения от нее удовлетворения [3]. Проблемы формирования здоровых и творческих социальных отношений в условиях инновационной деятельности, как и вообще коллективной производственно-хозяйственной деятельности, начинаются с дифференцированного восприятия коллегами либо сослуживцами друг друга. Эти проблемы могут быть как на этнической почве, на конфессиональной почве, на почве имущественного неравенства, на основе гендерных перекосов, перекосов в иерархических рангах. Так из опроса «Левада-центра» следует, что за два года — с 2017 по 2018 г., значительно выросло относительное число россиян, высказывающих пожелания об ограничении возможности проживания в РФ представителей ряда национальностей. К нежелательным этносам относят цыган, китайцев и вьетнамцев. Расширился сам спектр неприязненного отношения к тем либо иным «нерусским» позициям. Если ранее превалировало негативное отношение к Западу, то сегодня его место сменила ксенофобия по отношению к этническим меньшинствам. Около 70% респондентов посчитали, что правительство должно минимизировать приток мигран-

тов. В итоге в России зачатки ксенофобии есть уже в почти каждом коллективе [7].

В России существует усиливающаяся в последнее время неприязнь провинциальных жителей к жителям Москвы, поскольку усиливается концентрация ресурсов и людей в Москве. За последние восемь лет расходы бюджета Москвы почти удвоились. Сегодня это около 25% совместных бюджетов других регионов. В частности, к 2021 г. городские расходы составят в Москве 2,5 трлн р. На жителя Москвы в 2017 г. бюджетных трат приходилось 170 тыс. р. А по стране в среднем — всего 60 тыс. р. [9]. И почти в таком же отношении отличаются зарплаты москвичей от зарплат других региональных жителей. Стагнирующая и пустеющая страна получила теперь динамичную и красивую столицу [10]. Но такой опыт уже известен, и опыт далеко не перспективный. Проблемные режимы Латинской Америки ранее уже пользовались стратегией заручения лояльностью слоев больших городов, что в итоге вылилось в сильное демократическое движение. За счет масштабной маятниковой миграции между Москвой и Подмосковьем, а также миграции в Москву населения из провинциальных городков России любой производственный коллектив в Москве включает либо недавних провинциалов, либо провинциалов реальных. И те, и другие москвичам завидуют и, естественно, их недолюбливают. Именно комплекс таких отрицательных факторов в рамках социальных отношений характерен для творческих коллективов в Москве, где, с одной стороны, сконцентрированы основные научно-исследовательские центры страны, а с другой — состав исследователей и вспомогательных сотрудников в них сильно дифференцирован по этнической принадлежности, по имущественному признаку, по политическим предпочтениям и особенно по возрасту. Последнее выражается в том, что практически в инновационных коллективах отсутствуют возрастные группы от 30 до 50 лет. Там либо специалисты в возрасте 55 — 75 лет, пережившие в сознательном возрасте перестройку и сохранившие все это время намерения продолжать работать по специальности, несмотря на небольшой заработок, либо молодежь со специфическими особенностями характера, психической конституции.

Опыт автора, проработавшего более 15 лет инспектором по кадрам в одном из таких московских исследовательских центров, позволяет обобщить ту социальную атмосферу, в которой происходит реализация инновационных проектов, в частности, в интересах метрологического обеспечения нанотехнологий в РФ. Это — акционерное общество «Научно-исследовательский центр по изучению свойств поверхности и вакуума» (АО «НИЦПВ», сайт www.nicpv.ru). Занимается фундаментальными научными исследованиями и опытно-конструкторскими раз-

работками, выполняет исследования по грантам РФФИ, РНФ. С целью коммерциализации инновационного задела, что был накоплен организацией, она аккредитована на оказание метрологических услуг по утверждению типов средств измерений (СИ), по поверке и калибровке СИ, аттестации методик на СИ, метрологическую экспертизу методик на СИ. Основной характерной чертой социальных отношений, сложившихся в том виде, в котором они существуют последние 20 лет, является ярко выраженная сдержанность в общении между сотрудниками, даже если они находятся долгое время в дружественных отношениях между собой. Это выражается в почти полном устранении контактов вне работы, минимизации взаимных расспросов о семейном положении, о карьере родственников, об их имущественном положении, о личных и карьерных планах самих коллег и их ближайших родственников на будущее, о политических взглядах. И все это с целью предотвратить возможное психологическое травмирование коллег, особенно в отношении молодежи. Последняя приходит в настоящее время в отечественные научно-производственные центры, где зарплата заведомо меньше, чем в любом возможном бизнесе, исключительно по причине невозможности реализовать себя в традиционных престижных для современной России качествах — эмигрировать за рубеж как ученый-специалист либо, например, врач, или устроиться, неизбежно через родственные связи, на высокооплачиваемую работу в организации типа «Газпрома». Либо открыть или войти, опять же по родственным каналам, в прибыльный бизнес. Причин для такого скромного жизненного решения, т. е. решения пойти на работу научным исследователем, достаточно много — это и неблагополучие в семье (неполная семья, пьющие родители, многодетная малообеспеченная семья), и какие-то врожденные физические недуги, и собственные дурные наклонности типа злоупотребления алкоголем, а порой просто сниженная социальная активность как следствие психической дезадаптации в современных российских условиях, полных противоречий как социального, так и экономического типа.

Молодежь, которая приходит с большой долей десоциализации в АО «НИЦПВ», поступает в вузы, в аспирантуру, находит в своем же коллективе будущих супругов, без помех карьере растит детей и потом, с большой теплотой отзывается и о коллективе, и о том времени, что в нем работала. И все это по причине особо деликатного и бережного отношения к этой постперестроечной, частично морально травмированной молодежи, со стороны старшего поколения ученых, закаленных перестройкой, при отсутствии каких-либо намеков на соперничество по отношению к молодым из-за большого возрастного барьера.

Совсем другая картина оказывается среди тех молодых ученых, что решили эмигрировать. Только выпускников с механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова уезжает на постоянную работу за рубеж сразу же после его окончания более 90%. Что же в итоге с точки зрения социализации с такими эмигрантами происходит в Европе, Америке, Японии, Австралии и т. п.? По опыту нашего общения со своим дядей, А.А. Ивановым, работающим более 20 лет на постоянной основе в «Империал колледже» в Лондоне в качестве профессора математики, ранее защитившим докторскую диссертацию в том же МГУ, картина социальных отношений среди бывших россиян-ученых за рубежом следующая. Со своими земляками, т. е. между собой, они предпочитают не общаться. Вначале, после их переезда в ту либо другую страну, они избегают такого общения из опасений появления излишней зависти со стороны одноплеменников — как оставшихся на их родине, так и прибывших с ними в эмиграцию. Впоследствии же не общаются с теми и другими, чтобы над ними просто не смеялись — настолько их надежды на райскую жизнь оказались иллюзорными, а результаты поиска такого рая — часто просто трагическими. Семьи часто распадаются, в частности, по причине того, что выехавшие с ними жены не могут в полной мере освоить язык новой страны и поэтому не могут устроиться на работу, мучаясь бездельем и изоляцией как со стороны русских, так и со стороны местных. В итоге через 5 — 10 лет в одиночестве возвращаются в Россию, оставляя своих мужей зарабатывать доллары и фунты. Дети ученых-эмигрантов, заканчивая тамошние вузы, не могут там найти работу, особенно по специальности. Ведь сын профессора российского происхождения, в частности, мой двоюродный брат по отцу, Д.А. Иванов, в той же Великобритании никогда не согласится после окончания того же «Робинсон-колледжа» в Кембридже зарабатывать в качестве продавца галстуков в одном из магазинов пусть даже Лондона (хотя, будучи еще студентом, он это эпизодически практиковал). А в Англии ему работы творческой, либо просто по специальности нет, да и в России, в той же Москве, выпускников «фейковых» вузов, как их называют профессора Физтеха, таких как Кембридж или Оксфорд, в исследователи никто не берет, так как порой их уровень знаний по специальности, что они получили заграницей, — от силы десятый класс российской средней школы. Тогдашний директор АО «НИЦПВ», доктор физико-математических наук, по совместительству профессор и декан одного из факультетов Московского физико-технического института, после отказа моему двоюродному племяннику в приеме его на работу в АО «НИЦПВ», посоветовал ему при поступлении в Москве на работу никогда не упоминать, что он закончил Кембридж, чтобы на корню не завалить перспек-

тивы своего трудоустройства. И вообще порекомендовал ему, пока он еще владеет свободно английский идти куда-нибудь торговать автомобилями, например. Других перспектив он для него после тщательной проверки его знаний в физике (брат получил в Кембридже специальность физика) не увидел. В итоге мой двоюродный брат сейчас работает на производстве — понижает вязкость нефти на скважинах в Венесуэле, по контракту от «Роснефти».

Что касается творческих коллективов, в которых могли бы российские ученые-эмигранты работать за границей, то их просто не существует. Во-первых, потому что любая кафедра в заграничном вузе считается полноценной в научном и в учебном плане, только если на ней работает, хотя бы один русский ученый. То есть все российские ученые заграницей неизбежно разбросаны по различным вузам и различным кафедрам, и контакт между ними ограничен. Во-вторых, даже в чисто исследовательских научных лабораториях заграницей русским дают отдельные, самостоятельные направления для работы, а местным их коллегам под разными предлогами и по разным поводам ограничивают с ними постоянные контакты. Причины этого — возможность получить от русского ученого как можно больше и быстрее научную отдачу, при этом исключив любые дополнительные вознаграждения за такую работу, кроме оговоренных контрактом денежных выплат. Даже в авторский состав сделанных ими же изобретений россиян-эмигрантов не включают, а если российские ученые по этому поводу начинают возмущаться — их непосредственные начальники просто шантажируют высылкой обратно в Россию.

Таким образом, конкретная специфика социальных отношений на самых различных институциональных уровнях является результатом той либо иной хозяйственной деятельности. В то же время социальные отношения, сформированные в процессе коллективной деятельности групп индивидов, сами по себе могут достаточно сильно влиять на уровень результативности труда в этих группах. При этом появляющиеся подобные обратные связи могут, как активизировать трудовую деятельность в группах, так и подавлять ее. Временной же лаг проявления подобных связей может порой растянуться на десятилетия.

Литература

1. *Иванова Е.Н.* Переход от присваивающих структур к производящим в свете российских иерархо-этнических проблем // По ту сторону кризиса: модернизационный потенциал фундаментального образования, науки и культуры. Материалы конференции 19—20 апреля

2010 г. / Под общ. ред. А. Колганова, Р. Крумма. М.: Культурная революция. 2010. С. 261—264.

2. Костромская область / Галичский район / Степановский сельский совет / Деревни: [Электронный ресурс]. URL: http://kostromka.ru/belorukov/derevni/galich/86.php (дата обращения: 24.09.2018).

3. *Коулман Дж.* Работа со смыслом // Ведомости. 2018. № 153 (4634). 20 авг.

4. *Кузнецов А.В.* Предпосылки и последствия создания гибридной модели хозяйствования в Японии: [Электронный ресурс]. URL: http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/teksty/291-a-v-kuznetsov-predposylki-i-posledstviya-sozdaniya-gibridnoj-modeli-khozyajstvovaniya-v-yaponii (дата обращения: 21.09.2018).

5. Поколение сампо: почему женщины в Южной Корее не хотят детей и отношений: BBC News Русская служба: [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/society/34443468/?frommail=1 (дата обращения: 21.09.2018).

6. *Пряников П.* Последние сто лет Россия — это женское общество: [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosbalt.ru/posts/2018/09/18/1732904.html (дата обращения: 21.09.2018).

7. *Разумный Е.В* России резко выросли ксенофобные настроения: [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics/34533938/?frommail=1 (дата обращения: 12.09.2018).

8. Родословие Фон-Визиных: [Электронный ресурс]. URL: http://www.oldmikk.ru/Page3_let_december_drevo1.html (дата обращения: 27.09.2018).

9. Столичная ловушка: чего стоит бояться власти после победы Сергея Собянина на выборах?: [Электронный ресурс]. URL: https://republic.ru/posts/91805 (дата обращения: 12.09.2018).

10. *Трудолюбов М.* Концентрация вместо роста // Ведомости. 2018. № 157 (4638). 24 авг.

11. Японская модель социально-трудовых отношений: [Электронный ресурс]. URL: https://lektsii.org/8-24454.html (дата обращения: 21.09.2018).

References

1. Ivanova E.N. Perekhod ot prisvaivayushhikh struktur k proizvodyashhim v svete rossijskikh ierarkho-ehtnicheskikh problem // Po tu storonu krizisa: modernizatsionnyj potentsial fundamental'nogo obrazovaniya, nauki i kul'tury. Materialy konferentsii 19—20 aprelya 2010 g. / Pod obshh. red.

A. Kolganova, R. Krumma. M.: Kul'turnaya revolyutsiya. 2010. S. 261—264.

2. Kostromskaya oblast' / Galichskij rajon / Stepanovskij sel'skij sovet / Derevni: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kostromka.ru/belorukov/derevni/galich/86.php (data obrashheniya: 24.09.2018).

3. Koulman Dzh. Rabota so smyslom // Vedomosti. 2018. № 153 (4634). 20 avg.

4. Kuznetsov A.V. Predposylki i posledstviya sozdaniya gibridnoj modeli khozyajstvovaniya v YAponii: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/teksty/291-a-v-kuznetsov-predposylki-i-posledstviya-sozdaniya-gibridnoj-modeli-khozyajstvovaniya-v-yaponii (data obrashheniya: 21.09.2018).

5. Pokolenie sampo: pochemu zhenshhiny v YUzhnoj Koree ne khotyat detej i otnoshenij: BBC News Russkaya sluzhba: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://news.mail.ru/society/34443468/?frommail=1 (data obrashheniya: 21.09.2018).

6. Pryanikov P. Poslednie sto let Rossiya — ehto zhenskoe obshhestvo: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rosbalt.ru/posts/2018/09/18/1732904.html (data obrashheniya: 21.09.2018).

7. Razumnyj E.V Rossii rezko vyrosli ksenofobnye nastroeniya: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://news.mail.ru/politics/34533938/?frommail=1 (data obrashheniya: 12.09.2018).

8. Rodoslovie Fon-Vizinykh: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.oldmikk.ru/Page3_let_december_drevo1.html (data obrashheniya: 27.09.2018).

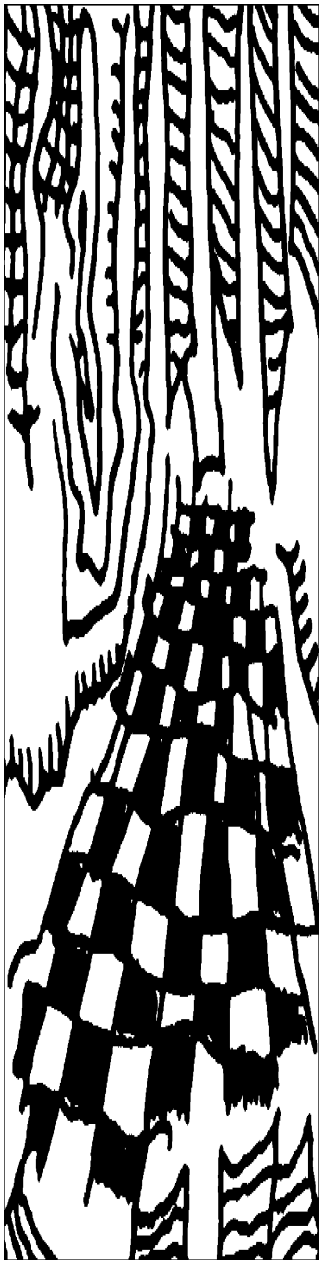
9. Stolichnaya lovushka: chego stoit boyat'sya vlasti posle pobedy Sergeya Sobyanina na vyborakh?: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://republic.ru/posts/91805 (data obrashheniya: 12.09.2018).

10. Trudolyubov M. Kontsentratsiya vmesto rosta // Vedomosti. 2018. № 157 (4638). 24 avg.

11. YAponskaya model' sotsial'no-trudovykh otnoshenij: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://lektsii.org/8-24454.html (data obrashheniya: 21.09.2018).

V

АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

С.В. БИРЮКОВ

Проактивная дипломатия России в ближнем зарубежье: потенциал синергетического видения и основанной на нем методологии*

Аннотация. В статье рассказывается о проблемах повышения эффективности внешнеполитической стратегии и взаимодействия со странами ближнего зарубежья. Оцениваются возможности, которые предоставляет использование методологии системно-синергетического типа при разработке и реализации стратегии страны в отношении ее ближайшего внешнеполитического окружения. Обосновываются преимущества основанной на данном методе стратегии в условиях известного дефицита экономических ресурсов и усиления внешнего давления на Россию. По мнению автора, синергетическое восприятие политической жизни — сложная задача, требующая глубокой политической рефлексии. Таким образом, без принятия такого взгляда практически любой стране трудно адаптироваться к реалиям современного мира, а также трудно сохранить себя как страну, общество и цивилизацию в условиях меняющейся внешней среды.

Ключевые слова: дипломатия, внешнеполитическая стратегия, внешнеполитическое окружение, ближнее зарубежье, системно-синергетический подход, таргетирование.

Abstract. The article describes questions of improving efficiency of the foreign political strategy and interaction with the near abroad countries. The author evaluates opportunities provided by use of the system-synergistic methodology for developing and implementing the country's strategy regarding its nearest foreign-policy environment. The author justifies benefits of the strategy based on this method in the conditions of insufficient economic resources and of increasing external pressure on Russia. To author”s mind, synergetic perception of political life is a complicated task requiring deep political reflection. So, without adopting such a view almost any country finds it difficult to adapt to the present-day world realias, and it is also diffi-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков С.В. Проактивная дипломатия России в ближнем зарубежье: потенциал синергетического видения и основанной на нем методологии // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 233—243.

cult to preserve oneself as a country, society and civilization in the conditions of the changing external environment.

Keywords: diplomacy, foreign political strategy, foreign political environment, near abroad, system-synergistic approach, targeting.

УДК 327.8
ББК 66.4

Миттельшпиль — время для подведения промежуточных итогов трансформационного процесса, начавшегося в 1990-е гг. Россия — исторически сложившаяся империя, неизменно возвращающаяся к этому статусу после периодов политических потрясений и трансформационных экспериментов. Россия обладает статусом континентальной державы, который означает как выгоды, так и масштабные вызовы в отношении единства и целостности ее политического пространства. Совокупный анализ геополитического положения и ресурсов проблем не может быть осуществлен без учета более общей картины места России в контексте глобальных процессов. Принимая во внимание планетарную роль и значение России как сохраняющей статус мировой державы страны, можно оценить эффективность ее стратегий в отношении стран ближнего и дальнего зарубежья. В отличие от европейской школы «внутренней геополитики» (Ив Лакост и французская школа политической географии [6, 21—24]), тяготеющей к сосредоточению на локальных и региональных проблемах без учета влияния на них общемировых процессов, в случае России нельзя абстрагироваться ни от ее общемирового значения, ни от актуальной для нее региональной повестки.

В этой связи следует помнить, что Россия не является простым материковым (макрорегиональным) государством — но мировой державой, обладающей открытым выходом во многие мировые регионы. Россия определяется геополитически в качестве Евразии. Подобное ее значение не зависит от блоков, идеологии, политической ориентации, специфики политического режима: расположение в глубине континента является для нее одновременным вызовом и возможностью. Отказ от исполнения Россией своей роли в ансамбле планеты возможен только в случае утраты ею совокупного геополитического потенциала (военного, экономического, научно-технологического, культурно-образовательного) либо территориального распада, которому сегодня противодействует единая вертикаль государственной власти. Что, между тем, не отменяет необходимости выстраивания Россией сбалансированных, устойчивых и партнерских взаимоотношений со своими соседями — как из ближнего, так и из дальнего зарубежья. В этой связи встает вопрос о том, какую внешнеполитическую стратегию следует

избрать современной России с целью сохранения максимально выгодного для нее баланса сил в мире и в стратегически значимых для нее регионах.

Российская дипломатия сегодня находится в поиске наиболее эффективной стратегии, которая бы отвечала все нарастающим вызовам современного мира. Углубляющийся социально-экономический кризис, связанный не столько с международными санкциями, сколько с колебаниями цен на нефть и издержками сохраняющейся «сырьевой» и рентно-редистрибутивной модели экономики, продемонстрировал исчерпанность общей стратегии либеральной модернизации и нацеленного на форсированное создание «слоя крупных собственников» с целью интеграции новообразованной экономической элиты в мировую экономику (что также ставится под сомнением кризисом мировой экономической системы). Продолжающаяся фрагментация («ползучий демонтаж») механизмов и институтов, на которые в течение десятилетий опиралась структура двухполярного мира, требует выработки гибкой и адекватной внешнеполитической линии, которую можно было бы использовать для уменьшения рисков, нейтрализации вызовов и продвижения собственных интересов в постоянно изменяющейся ситуации. Но готова ли к этому российская дипломатия и понимает ли она необходимость последнего?

При этом существующее наследие имперской дипломатии нередко склоняет ее к самонадеянности и инерционному поведению, что явно не отвечает специфике момента. В истории России ее элита (вне зависимости от идеологических убеждений) периодически способствовала возникновению масштабных системных кризисов двумя основными способами. Первый способ — отказ от назревшего переосмысления и преобразования внешнеполитической стратегии в ситуации, когда они назрели, и Россия находится в ситуации масштабного вызова, требующего своевременного и соразмерного ответа. Второй — трансформация внешнеполитической стратегии на основе конъюнктурных интересов и идеологически-конъюнктурных приоритетов. Причины подобного «оппортунистического поведения» элиты нашей страны во внешнеполитических вопросах — известная узость кругозора, корпоративный эгоизм, дефицит системного мышления и навыков управления сложным объектом (в качестве которого в данном случае выступает внешнеполитическое окружение нашей страны) в динамике. Столь непростой и драматичный исторический опыт требует более глубокого осмысления.

В то же время сегодня Россию нередко призывают к воздержанию от чрезмерного вовлечения в процесс глобальной конкуренции и от взятия на себя излишней ответственности за поддержание находя-

щейся в состоянии трансформационного кризиса структуры миропорядка. Существует ли «золотая середина» между масштабным вовлечением в международные конфликты и изоляцией (которая может быть ошибочно выдана за «сосредоточение»)? И освобождает ли дефицит ресурсов Россию от необходимости приложения усилий для поддержания выгодного и благоприятного для себя баланса сил в своем внешнем (прежде всего ближнем) окружении, для чего также требуется новая стратегия, принципиально отличная от инерционной?

При этом, по глубокому убеждению автора, навязываемый России выбор между сворачиванием внешнеполитического влияния и имперским перенапряжением (ведущим к масштабному кризису и социальному взрыву) является ложным и надуманным. Наша страна не может функционировать в пульсирующем режиме («сжатие—расширение»), поскольку пределы такого «сжатия» с учетом специфики российской внутренней геополитики принципиально не определены. Альтернативой упомянутым неблагоприятным сценариям является проактивное конструирование — т. е. выстраивание благоприятной для России ситуации во внешнем окружении за счет основанного на синергетическом подходе управлении неопределенностью (управление ресурсами, управление рисками, управление тенденциями) с последующим выстраиванием выгодного для себя аттрактора) — с выходом на выстраивание благоприятного для России порядка как внутри себя, так и во внешнем для нее окружении.

Однако, к глубокому нашему сожалению, всего вышеперечисленного мы очевидно не наблюдаем. Реальный подход к выстраиванию внешнеполитической стратегии в отношении стран «ближнего зарубежья» достаточно давно и стабильно характеризуется рядом вполне характерных особенностей.

Происходит отказ от модернизационных инициатив, поскольку сегодняшняя Россия не предлагает своим союзникам и соседям масштабных проектов социально-экономической модернизации, полагая свою собственную социально-экономическую модель самодостаточной и вполне завершенной; таким образом упускается сама возможность выстроить модель взаимовыгодного и сбалансированного социально-экономического развития. В итоге сама Россия консервирует целый спектр внутренних социально-экономических проблем (что ослабляет ее в контексте современных глобальных вызовов), в то время многие постсоветские страны обречены на «провал в демодернизацию» (что означает формирование не слишком благоприятной для России ситуации на ее ближних рубежах).

Инерционность внешней политики — отказ от прогнозирования, проектирования, всякой игры на опережение. Вместо этих усилий со-

храняется и культивируется упрямая вера в то, что сложившиеся отношения между элитами (элитными кланами) постсоветских стран останутся неизменными, что гарантирует и будет поддерживать нужный России баланс интересов. Нарушение этого баланса оказывается для носителя подобных убеждений полным шоком.

Преимущественно делается ставка на взаимодействие с действующей властью — с одновременным игнорированием и недооценкой возможностей оппозиции в постсоветских странах упрямое непонимание изменчивости взаимоотношений между обществом и властью. Наконец, стойкое нежелание понять и осмыслить тот факт, что позиции власти (и постсоветских элит в целом) в условиях деградации и кризиса, общей бесструктурности (слабой структурированности с большим числом переходных и маргинализированных социальных групп) постсоветских обществ создает потенциал для кризиса и падения правящих там режимов — с превращением негативных для России изменений в необратимые.

Сюда стоит добавить не менее упрямое игнорирование интересов и позиций многочисленных заинтересованных групп, балансирующих между властью и оппозицией в постсоветских странах, когда в ситуации кризиса и революционных тенденций проваливался условный «центр» и новая не слишком дружественная России власть консолидировала вокруг себя основные социальные страты и широкие слои обычных граждан, с которыми у российской стороны не было возможности влиять. В результате масштабной неожиданностью для России стали наличие массовой добровольной базы (помимо очевидно «ангажированных» участников) у протестов на Украине 2004 и 2013—2014 гг., вылившихся в две «цветных» революции и падение правящих режимов Л. Кучмы и В. Януковича.

Произошли недооценка «податливости» и изменчивости массовых настроений в кризисных и переходных обществах, отказ от работы с «лидерами общественного мнения» (в расчете на готовность последних «работать с Россией» из альтруистических настроений). В результате обвал действующей власти привел к утрате Россией влияния на общества постсоветских стран.

Еще более значимой является недооценка трансформационного потенциала переходных и кризисных обществ на «постсоветском» пространстве. Существует немало примеров того, как масштабные постсоветские кризисы открывают пришедшим к власти элитным группам широкие возможности для социальной инженерии — т. е. для переформатирования в свою пользу и политической, и социально-экономической ситуаций — с сохранением достигнутого за счет «негативной мобилизации» антироссийского толка. И для российской ди-

пломатии полным откровением оказывается тот факт, что перемены в казавшихся столь предсказуемыми постсоветских странах могут оказаться взрывообразными.

С последним недочетом тесно связана такая характерная черта российской политики в отношении стран ближнего зарубежья, как недооценка возможностей изменения исходных параметров социально-политической ситуации — в результате чего радикализация (управляемая) в этих странах после резкой смены власти оказывается полным откровением для российских наблюдателей за разворачивающимися на их глазах процессами.

В итоге традиционная схема развития ситуации во многих из постсоветских стран, находящихся на грани масштабного «трансформационного кризиса» (от Киргизии через Украину (дважды) в направлении Армении), выглядит следующим образом: нарастание общественного и политического кризисов — взрывообразный рост протестных настроений (в ответ на событие-триггер) — резкое падение популярности власти («демонизация и разрушение имиджа») — в ответ Россия не реагирует или реагирует сугубо формально (как вариант, косвенно и не слишком активно поддерживает действующую власть) — развертывающийся глубокий кризис и падение правящего режима и приход к власти оппозиции — не совсем умелые и своевременные попытки связать «лояльностью» и рамками «прагматических интересов» пришедших к власти вчерашних оппозиционеров — переформатирование новыми властями социально-политической ситуации с одновременным уменьшением влияния России на саму страну и протекающие в ней процессы.

Вместе с тем подобная линия все меньше и все хуже соотносилась с логикой процессов, протекавших на постсоветском пространстве:

- демодернизация как состоявшийся факт, (связанная с практически завершившимся распадом «советского наследия» (социально-экономического, социально-культурного и научно-технологического) и повышением потенциала нестабильности для обществ большинства постсоветских стран;
- сужение сферы влияния России (распространяющееся на все основные сферы (политическую, экономическую, военную, культурно-информационную) и вызванное отсутствием у России последовательной стратегии продвижения своих интересов);
- смена элит с постепенной утратой обществами и политическим классом входящих в российскую орбиту влияния стран «постсоветской парадигмы» в сознании;

- происходящий на глазах процесс смены поколений в постсоветских социумах, развитие гражданских обществ (в том числе кризисное) вкупе с активизацией национальных движений и подъемом национального самосознания (пусть и в специфических формах);
- фактор национализма (и государственного, и массового этнического) в качестве драйвера политического развития, содействующего слому мягких и переходных «постсоветских» форм национальной идентичности;
- инерционный характер российской дипломатии, поскольку у многих ее представителей сильны советские и постсоветские (т. е. инерционные) стереотипы, что порождает масштабные трудности адаптации к современной ситуации;
- отсутствие ясного образа и достоверной модели совместного постсоветского будущего;
- отсутствие разумной конвергенции (и глубокого изучения) моделей постсоветского социально-экономического развития, реализуемых различными странами, и главное — отсутствие масштабного и осознанного спроса на подобную конвергенцию.

Какая же методология, на наш взгляд, наиболее способствует созданию комплексной картины изменений, происходящих во внешнеполитическом окружении России? Научная парадигма, отвечающая этим требованиям, сегодня определяется как системно-синергодеятельностная [2, 54]. Она предполагает рассмотрение непосредственного внешнеполитического окружения как сложной системы, развивающейся в результате действий входящих в них акторов (глобальных, национальных, региональных, локальных), что предполагает многообразие траекторий развития исходя из спонтанной комбинации соответствующих факторов [1, 22]. Последнее, на наш взгляд, более соответствует современным условиям, когда современная система международных отношений пребывает в состоянии глубокого трансформационного кризиса.

Подобный подход предлагает *синергетика*, которая изучает трансформационные процессы в переходных и кризисных системах. Синергетика, в создании которой участвовали бельгийский ученый российского происхождения Илья Романович Пригожин и немецкий ученый Ганс Хакен — междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого обобщенно является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем или, согласно более детализированному определению, «…наука, занимающаяся изучением процессов самоорганизации и возникновения, поддержания, устойчивости и распада структур самой различной природы…» [3, 30—31].

Синергетика рассматривает изменчивые объекты (общества, государства, политические системы) как системы, которые соответственно выступают как сложные (многоэлементные), открытые (для взаимодействия с окружением), динамическими (способными к изменениям), самоорганизующимися (способными к воспроизводству определенной внутренней структуры и основанной на ней порядка) и нелинейными (характеризующимися многовариантностью развития исходя из первоначальных условий и ситуации).

Таким образом, синергетика исходит из того, что развивающиеся системы всегда открыты и обмениваются энергией и веществом с внешней средой, за счет чего и происходят процессы локальной упорядоченности и самоорганизации. А также:

- считает неравновесность необходимым условием появления новой организации, нового порядка, новых систем, т. е. развития [4];
- признает, что в сильно неравновесных состояниях системы начинают воспринимать те факторы воздействия извне, которые они бы не восприняли в более равновесном состоянии;
- считает объективно существующим многообразие направлений развития сложных систем из исходной ситуации неустойчивости (точки бифуркации — т. е. состояния, когда система пришла в движение, при котором изменения неотвратимы);
- полагает, что сложные системы развиваются вследствие открытости, притока энергии извне, нелинейности внутренних процессов, появления особых режимов с обострением и наличия более одного устойчивого состояния [5];
- выделяет так называемые бифуркационные механизмы, связанные с переходом к тому или иному относительно долговременному режиму функционирования системы — аттрактору (т. е. устойчивому тренду, который ведет к формированию в рамках системы определенного порядка);
- подчеркивает особую значимость «точечных» воздействий на находящиеся в неравновесном состоянии системы — когда для достижения цели требуется не массированное вмешательство, но просчитанное и умелое подталкивание неустойчивой и готовой к глубоким изменениям системы в нужном для заинтересованных внешних акторов направлении.

В качестве такой открытой и изменчивой, развивающейся в соответствии с нелинейными закономерностями системы можно рассматривать как текущую российскую, так и современную мировую политику, и мировой политический процесс, которые, как представляется, находятся в точке бифуркации накануне масштабных перемен.

В такой ситуации сравнительно незначительное информационное воздействие может запустить процесс, изменяющий содержание, характер и направленность общественного мнения по той или иной политической проблеме. Именно поэтому, диагностирование подобных «неустойчивых и переходных» состояний современных обществ вместе с инициированием благоприятных превращается в необходимое условие эффективной политики.

Вместе с тем даже после всего случившегося на Украине (и вокруг нее) Россия продолжает борьбу за сохранение влияния на постсоветском пространстве, но при этом демонстрирует недопонимание внутренней динамики в постсоветских странах, где определенное пространство для влияния сохраняется, но существуют масштабные вызовы ее интересам — будь то Молдавия или Армения. Подобный подход позволяет выявить совокупность факторов, определяющих характер и направленность социально-экономического и политического развития конкретных стран, составляющих ближайшее внешнеполитическое окружение России. Он востребован именно там, где требуются своевременное и эффективное таргетирование (с определением «точек приложения» и просчитыванием необходимых политических ходов) и гибкое реагирование на развивающуюся и изменчивую политическую ситуацию.

На наш взгляд, применение синергетического подхода для анализа и оценки внешнеполитических стратегий, применяемых в отношении ближнего зарубежья, позволяет выявить ряд существенных закономерностей: 1) большое количество ресурсов и многообразные связи, существующие в соседних с Россией странах, не являются гарантией сохранения и укрепления ее интересов без использования современных подходов и политических технологий системно-синергетического характера; 2) необходимая консолидация инфраструктуры влияния — т. е. когда все ресурсы собраны воедино и работают на единую задачу (политическую, экономическую, культурную); 3) необходимая разработка собственной версии так называемой «мягкой силы» — привлекательного образа страны (как прошлого, так и будущего), в адекватной форме доносимой до граждан соседних государств.

По нашему мнению, ключевыми условиями эффективности формирования и управления политической ситуацией в сопредельных постсоветских государствах соответственно являются: 1) взаимодействия с внешнеполитическим окружением на основе работающей системы обратных связей (модель «сообщающихся сосудов»); 2) продвижение современного и привлекательного образа России с учетом специфики общественно-политической и ценностно-мировоззренческой ситуации в конкретных сопредельных с ней стра-

нах; 3) соотнесение стратегии в отношении стран ближнего зарубежья с нелинейным характером их внутриполитической динамики (исходя не только из инвариантных, но и изменяющихся характеристик этих государств); 4) учет неоднозначной социокультурной динамики в странах ближнего зарубежья, изменяющей сам контекст взаимодействия с последними; 5) более полный учет проблем и кризисных явлений в жизни сопредельных стран и их социумов, выдвижение конструктивных альтернатив возможным и реализующимся деструктивным сценариям развития ситуации в последних.

В конечном итоге, как можно предположить, именно синергетический подход, применяемый в отношении внешнеполитического окружения России, позволит постепенно перейти от управления ресурсами внешней политики — к управлению внешнеполитическими вызовами и рисками, а от управления периодически возникающей в пространстве «ближнего зарубежья» неопределенностью к управлению внешнеполитической ситуацией в целом (к так называемой «конструктивной динамической определенности» с точки зрения долгосрочных национальных интересов).

При этом следует помнить, что подлинно синергетическое видение политической жизни — сложная и требующая глубокой политической рефлексии задача. Однако без формирования подобного взгляда практически любой стране достаточно сложно приспособиться к реалиям современного мира, равно как и сохранить себя в качестве страны, социума и цивилизации в условиях постоянно изменяющейся ситуации во внешней политике.

Литература

1. *Абрамов Ю.Ф., Бондаренко О.В.* Синерго-гомеостатический подход к проблеме безопасного устойчивого развития региона. Иркутск, 2002. 56 с.

2. *Гомеров И.Н.* Структура и свойства власти. Новосибирск: СибУПК, 2000. 231 с.

3. *Данилов Ю.А., Кадомцев Б.Б.* Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация. М.: Наука, 1983. С. 30—43.

4. *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.: Мир, 1979.

5. *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. 320 с.

6. *Lacoste Y.* Für eine neue und umfassende Konzeption der Geopolitik // WeltTrends. 1994. No. 4. S. 21—24.

References

1. *Abramov YU.F., Bondarenko O.V.* Sinergo-gomeostaticheskij podkhod k probleme bezopasnogo ustojchivogo razvitiya regiona. Irkutsk, 2002. 56 c.

2. *Gomerov I.N.* Struktura i svojstva vlasti. Novosibirsk: SibUPK, 2000. 231 s.

3. *Danilov YU.A., Kadomtsev B.B.* CHto takoe sinergetika? // Nelinejnye volny. Samoorganizatsiya. M.: Nauka, 1983. S. 30—43.

4. *Nikolis G., Prigozhin I.* Samoorganizatsiya v neravnovesnykh sistemakh: Ot dissipativnykh struktur k uporyadochennosti cherez fluktuatsii. M.: Mir, 1979.

5. *KHaken G.* Tajny prirody. Sinergetika: uchenie o vzaimodejstvii. M.; Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovanij, 2003. 320 s.

И. ВАСИЛЕНКО

Украина: искушение Европой*

Аннотация. В статье осуществлен опыт анализа «европейского выбора» Украины. Показываются реальные итоги прозападной политики руководства Украины, пытающегося доказать свою инаковость в отношении России и ее истории. Обосновываются причины, которые не дадут возможности Украине ассимилироваться с западной цивилизацией. Анализируется понятие «смысловой пустоты», в которой оказалась страна после разрушения экономики, политики, культуры, вековых ценностей. Утверждается, что исторические перспективы для Украины — российский вектор.

Ключевые слова: смысл, европейский вектор, культура, майдан, свобода, душа, русский выбор.

Abstract. The article carried out the experience of analyzing the «European choice» of Ukraine. The author shows the real results of the pro-Western policy of the leadership of Ukraine, trying to prove their otherness to Russia and its history. The reasons that will not allow Ukraine to assimilate with Western civilization are justified. The concept of «semantic emptiness», in which the country finds itself after the destruction of the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Василенко И. Украина: искушение Европой // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 243—250.

economy, politics, culture, age-old values, is analyzed. It is argued that the historical perspective for Ukraine is the Russian vector.

Keywords: meaning, European vector, culture, Maidan, freedom, soul, Russian choice.

УДК 31, 32
ББК 66

В кинофильме польского режиссера Ежи Гофмана «Огнем и мечом» показана первая битва войска Богдана Хмельницкого с польской армией. Тактика, выбранная украинцами, — провокация наступления. Несколько дней украинское войско имитирует наступление. И как только поляки направляют в ответ свою тяжелую конницу, украинцы бегом отступают и прячутся за возы (телеги). И так много раз, пока поляки не выдержали, пошли в атаку, но попали в ловушку — болото, в котором конница оказалась небоеспособной. Нынешняя политическая, дипломатическая, экономическая тактика Украины является такой же сплошной провокацией. И она дает определенный результат в большой геополитической игре.

Прошло бурных пятнадцать лет со времени появления «оранжевых» на Украине. Но начатые ими процессы «кошмарят» теперь чуть ли не всю Европу. Однако следует иметь в виду, что они зависят не только от воли и целенаправленных действий людей, пребывавших у власти (Кучма, Ющенко, Янукович, Порошенко), но и от социально-исторических законов, с которыми эти «оранжево-революционные» события соотносятся.

Вопрос в том, насколько эти события соответствуют «логике истории», в которой, согласно Г. Гегелю, все совершается с необходимостью. В соответствии с этим любая случайность (например, кресло президента занимает Ющенко, а не Тимошенко) есть форма проявления необдуманности. Действительно, и первый — «оранжевый» — майдан, и второй, через десять лет — «Евромайдан» — не возникли сами по себе, а были продуманными, хорошо срежиссированными планами преобразования украинского общества во врага России. Но несмотря на «европейскую» перспективу этих планов, они если и не потерпели провал, то не всегда развиваются по первоначальному сценарию. И все потому, что противоречат базисным особенностям исторического развития Украины. И не могло получиться иначе, поскольку сценарий преобразований (реформ, как принято сегодня говорить) писали те, кто знает историю Украины (как и России) из разных политических «прожектов» прошлого или идеологических мифов. Поэтому полученные

схемы, как показывает опыт — оказались непригодными для жизни, для реальных — «живых» — людей. Тем более в стране, в которой люди прошли хорошую школу гуманитарного образования. (Правда, обучение последнего десятилетия, конечно, даст уже другой «человеческий продукт».)

Сценаристы и режиссеры «со стороны» не учли «смысловой начинки» страны, в которой начал осуществляться проект (одно их возможных названий которого — «Ресурсы России»). Эти смыслы сформировались в течение сотен лет, что сделало Украину и Россию сиамскими близнецами. И разделить их не так просто, даже посадив на «киевский престол» своих ставленников, созданных по своим лекалам, хотя и задействованы самые радикальные средства: деньги, война, террор, методы большевизма и фашизма, идеология обмана, искушения красивой жизнью («как в Европе») и пр.

Можно победить власть, что и было сделано зимой 2014 г., но нельзя победить мировоззренческую, ценностную парадигму, «коллективное бессознательное» (К. Юнг), сложившиеся в науке, культуре, быту, — то, что через образование, экономику, искусство, политику формирует и повседневную конкретность, и нравственные ориентиры народа. В этом плане Украина переживает сейчас довольно интересный исторический период. Завершилась не просто «эпоха социализма» и происходит распад сформированных марксизмом (а он — европейская парадигма) ценностей –коллективизма, веры в «справедливое государство», «светлое будущее», материального благосостояния «для всех» и проч. — завершилась эпоха мечты, надежды и уверенности, что «все будет хорошо». И возникла пустота.

Но свято место пусто не бывает. Привыкшему к ожиданиям «хорошего человека» («доброго царя») народу дали другую мечту — «европейское светлое будущее». И так же, как при большевизме «каждая кухарка» могла (в теории) управлять государством, так и теперь каждая украинская «кухарка» захотела стать европейской «мадам», «сеньйорой», «фройляйн», а чабан (пастух) — как минимум парламентарием. Но следует напомнить, что кухарка (по Ленину) может управлять государством при условии, что ее воспитают, научат искусству политики, сделают управленцем и пр. Насколько это получалось, свидетельствуют результаты (и в положительном, и в отрицательном смысле) советской эпохи.

Для современной украинской «кухарки» (как и «чабана»), чтобы стать европейской дамой (европейцем), следует пройти для начала «краткий курс»: эпохи Средних веков, Возрождения, Просвещения, Реформации, «белль эпок», а не скакать на майдане. Но поскольку

«скакать» предпочтительнее, то остается ожидать того же «светлого будущего» в своей стране, а в Европе быть в качестве санитарки, уборщицы, посудомойки и прочего в таком же духе. Тому, кто стал «гастарбайтером», повезло — «европейская мечта» сбылась.

Для удержания этой ситуации («мы — рабы») был создан образ врага — России. И вначале тысячи молодых людей «весело» пошли добровольцами воевать против «страны агрессора» за Украину. Но здесь уместно вспомнить размышление О. Шпенглера: «Не Наполеон оформил эти идеи (парламентаризма и др.), а они его, и уже взойдя на трон, он должен был и впредь осуществлять их в борьбе с единственной державой, желавшей того же — с Англией. Его империя — творение французской крови, но английского стиля. В Лондоне усилиями Локка, Шефтсбери и Кларка, прежде всего Бентама была разработана теория “европейской цивилизации” — западного эллинизма — и перенесена в Париж Бейлем, Вольтером и Руссо. Во имя этой идеи парламентаризма, деловой морали и журналистики люди сражались при Вальми, Маренго, Иене, Смоленске и Лейпциге, и во всех названных битвах английский дух одерживал победу — над французской культурой Запада» [3, 222].

Это можно отнести и к Украине. Не за свободу и независимость Украины воюют молодые ребята (как они считают и им внушают), а за экономические устремления и политику американской империи, конечная цель которой — колоссальные ресурсы России. И это хорошо знали и знают Ющенко, Порошенко, Яценюк и их окружение, которым дали вожделенные сребреники (читай, миллиарды) в обмен на превращение Украины в «серую зону» — с переписанной историей, массовой культурой, управленцами с Запада, долговой кабалой. Теперь вопрос в том, победит ли американский (англосаксонский) дух на Украине? — учитывая, что Порошенко не только способный исполнитель, но талантливый мастер интриги, политического экспромта, хороший ученик Макиавелли, Черчилля и Сталина. Тем не менее, несмотря на бесконечные мантры про «европейский выбор», наверное, нет. В силу ряда весомых причин.

Во-первых, Украина — страна с тысячелетней православной культурой, которая ориентирована на «сердце» (Г. Сковорода) и «душу» (Н. Гоголь), — чего нет в меркантильном протестантизме. Да и в католицизме один лишь Б. Паскаль попытался обратиться к «сердцу», но все-таки победил «дух предпринимательства» (В. Зомбарт).

Во-вторых, никогда украинец, привыкший к изобилию своей плодородной земли, не согласится с протестантским рационализмом, причем «целерационализмом» (М. Вебер). Уродливым неприятием

«целерациональности» стала, в частности, коррупция, которая приобрела небывалый размах. В условиях убитой экономики она окончательно добивает государство. Если «протестанты живут, чтобы работать» [2, 351], то православный украинец (как и россиянин) работает, чтобы жить. Напомним, что все представители английской классической политэкономии обосновывают тезис о постоянной бережливости и экономии, а это означает: платить рабочему, служащему ровно столько, сколько нужно для выживания. Отсюда так тщательно считают украинские чиновники прожиточный минимум, повышая его в год на копейки — на выживание хватает, а на жизнь — нет. В Европе тоже считают, но какие там зарплаты! У нас хочешь больше — иди воюй. Убьют — что ж, сам выбрал, сам пошел воевать. Или уезжай подсобным рабочим в Польшу, повезет — в Германию. Большинство все же выбирают Россию.

В-третьих, попытка удержать власть за счет назначения на ключевые посты (администрация, полиция, прокуратура и пр.) выходцев из Галичины, в итоге ни к чему не приведет — так же, как в советское время практика «разбавлять» управление в республиках Прибалтики, Кавказа, Средней Азии россиянами и украинцами. Это власть не укрепило, не утвердило интернационализма: победили традиция, обычаи и деньги. Тем более на всю Украину галичан не хватит.

В-четвертых, проигрышной оказалась ставка на «бандеризацию». В эпоху глобального космополитизма, цифровых технологий вытаскивать монстров, порожденных эпохой Гитлера и его сателлитов, даже для многих галичан не интересно. Радетелей же украинизации (подобно Фарион, Тягнибока, Ницой), с их пещерным национализмом, теперь не выпускают на центральные украинские телеканалы. Стыдно. Они представляют интерес как ископаемые. Как, например, чернокожий африканец в Киеве приблизительно сто лет назад. Это уже для паноптикума. То же касается языковой проблемы. Несмотря на жесткие ограничения, украинский остается языком официального общения, русский язык — язык культуры и науки, и престижно все-таки разговаривать на нем. Как было и при Ющенко — вначале поверили, испугались, но потом «размышления» хлопца с Хоруживки (села в Сумской области, где вырос этот вечно опаздывающий президент) привели к глубокому презрению к нему и к тому, что он отстаивал. И все снова заговорили на русском языке. Сегодня Порошенко развесил предвыборные плакаты «Геть від Росії!» («Прочь от России!»). Но убогие зарплаты у большинства, цены на продукты, коммуналка и прочее убедительно доказывают: а с Россией было теплее и сытнее.

В-пятых, американские «сценаристы» просчитались: украинцы — это не индейцы, не аборигены, которых можно напоить «огненной водой» или накормить какими-то подачками. Нуланд, которая раздавала зимой 2014 г. булочки на майдане, была, скорее всего, искренне убеждена в том, что эти люди не видели такого лакомства, что они действительно счастливы от ее «подарков». Но революцию, как известно, делают не голодные, а сытые. И Нуланд не Христос, который покормил пятью хлебами тысячи людей. Голодных стало больше, и чтобы прокормиться, они вынуждены становиться не только «заробитчанами», но и контрактниками в армии, записываться в «национальный корпус», быть громилами в балаклавах и пр., надеясь таким способом заработать если не на достойную жизнь, то хотя бы выжить.

В-шестых, Украина достигла состояния, «когда верхи не хотят, а низы не могут» так жить дальше. Ложь политиков, обман и невыполнение обещаний правительства, перманентное повышение тарифов и цен на продукты, разоренная банковская система, разбитые дороги, темный, тускло освещенный даже в центре Киев (а что уже говорить про другие города), безработица, безрезультативные реформы — все это создает ситуацию недоверия и ненависти к власти. Причем не только русофилов, но и русофобов. Уже как-то даже неприлично стало упоминать «революцию гидности» (достоинства). Какое достоинство может быть у человека, который стал жить, как минимум, в четыре раза хуже, чем при прошлом режиме того же Януковича?

Седьмое: большинство уже поняли — те, кто «скакал» на майдане, действительно выскакали — власть, деньги, собственность, но не для себя, а для Порошенко и его челяди или холуев. Напомним, что в «Толковом словаре русского языка» В. Даля понятие «холуй» определяется как «слуга, лакей, холоп, подлый родом и приемами». А для остальных все стало гораздо хуже, чем было. Причем хуже от безнадежности: все понимают, что и дальше ничего хорошего не ожидается.

Но почему же никто не протестует? Как, например, «желтые жилеты» во Франции? В нашей ситуации «большинство» — это молчаливая, покорная масса. Тем более были совершены показательные убийства, осуждения на длительные сроки. Даже героя Украины, Надежду Савченко, попробовавшую что-то сказать, посадили. Масса просто боится. Она поняла, что ее место в «стойле», и покорно его заняла. Тем более что активная часть населения — за границей, отрабатывают «плоды евроискушения». И в условиях политической, социальной, культурной безнадежности происходит резкая «хаотизация векторной части общества» [1]. Социальные и личные интересы более не согласуются между собой через общественный идеал, ибо его просто нет.

Бандера — не идеал, и никогда таким не будет ни в Одессе, ни в Киеве, ни в Харькове, какие бы факельные шествия не устраивались. Теперь начинает преобладать «броуновская» составляющая, а разнонаправленные усилия, согласно законам механики, взаимно уничтожаются. При этом деятельность во всех сферах общества может осуществляться самая бурная, но ее результативность «стремится к нулю» [1]. С другой стороны, «смысловая пустота» (ведь борьба за «кусок хлеба», не имеет никакого отношения к смыслу и полноте жизни) порождает деградацию общества и человека, утративших целеполагающую перспективу. А это то, что требуется для тех, кому нужны «территория» и населяющее ее «молчаливое большинство».

В «смысловой пустоте» деградируют все социально-экономические и культурные проекты. Да и какие это проекты, когда пытаются тупо копировать то, что есть на Западе, — образование, медицину, законодательство, демократию, полицию, систему управления и проч.

Но копирование — это не творчество, не созидание, а нудный процесс, который никогда не приносит желаемого результата. Тем более что копируют те же «кухарки» и «чабаны», получившие высшее образование (и то не все) с «черного хода». Риторика у них как бы «европейская» и «патриотическая», но воруют и лгут они по-старому, только еще более нагло. Знают, что временщики.

В итоге страна все больше становится непригодной для нормального обитания. Все сделанное по образцу, без учета опыта прошлого, без творческого вдохновения, по приказу, непрофессионально делает жизнь как бы ненастоящей, чужой, временной. Ведь реформатор сам должен быть реформирован («Воспитатель должен быть воспитанным» — К. Маркс).

Таков общий эскиз картины украинской жизни на фоне геополитической битвы. Но «смысловая пустота» не может длиться бесконечно, она непременно будет изжита с появлением новых смыслов. Ведь концепция «догоняющего развития» Европы при отсутствии хоть какой-то конкурентной экономики, насаждения чужой культуры, образа жизни, «перекодирования» менталитета не приведет к определенному результату. Ведь вектор общественного развития, взятый компрадорским «руководством» страны, не соответствует законам ее исторического, культурного, институционального, ментального развития. И отрезвление происходит. Но если все же «большие дяди» поломают «через колено» это понимание, то начнется привыкание, признание новых хозяев. Как сказал один их радетелей западного вектора, писатель Яворивский, «жили триста лет под Россией, теперь будем жить под Америкой». Но с Россией украинская элита была активной участ-

ницей управления страной, создания ее экономики, политики и культуры, а привыкнуть — значит, исчезнуть («Звикнути, значить зникнути» — Г. Гордасевич, украинская поэтесса).

P.S. В 1930-е гг. Европа была увлечена фашизмом. В Германии, Италии, Испании, Венгрии, Румынии, Словакии, Португалии, Хорватии правили фашистские режимы. Внушительную политическую силу представляли профашистские партии во Франции, Англии, Швеции и других странах. Но в 1945 г., после разгрома гитлеризма, пришло отрезвление, и Европа ужаснулась от осознания того, как она могла жить в этих условиях. Для понимания сути жизни в условиях фашизма А. Камю написал знаменитый философский роман «Чума». В нем показан результат этого наваждения и как оно прошло. Но какой ценой! Понимает ли сегодня украинское общество, какую цену оно платит новоявленным «Гамельнским крысоловам»? И не придет ли осознание того, что Русский мир — это своя, столетиями приобретенная свобода для души и жизни? Сколько еще нужно убить молодых ребят, извратить судеб, чтобы понять эту истину? Как тут не вспомнить Тараса Бульбу: «Ну что сынку, помогли тебе твои ляхи?» и спросить: «Ну что, украинцы, помогли вам протестанты и католики?».

Литература

1. *Столяров А.* Время вне времен // Звезда. 1991. № 5. С. 138—142.

2. *Фергюсон Н.* Цивилизация: Чем Запад обличается от остального мира. М.: АСТ; CORPUS, 2014. 544 с.

3. *Шпенглер О.* Закат Европы. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1376 с.

References

1. *Stolyarov A.* Vremya vne vremen // Zvezda. 1991. № 5. S. 138—142.

2. *Fergyuson N.* TSivilizatsiya: CHem Zapad oblichaetsya ot ostal'nogo mira. M.: AST; CORPUS, 2014. 544 s.

3. *SHpengler O.* Zakat Evropy. Minsk: KHarvest; M.: AST, 2000. 1376 s.

VI

РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ

В.К. КОРОЛЕВ

Проблема «Иного» в философии хозяйства Ю.М. Осипова*

Аннотация. В статье на основе анализа текстов основных работ известного российского мыслителя выявлены сферы применения им понятий: философия хозяйства; бытие/небытие/мир; человек; сознание; Россия, поставлены вопросы относительно роли нашей страны в современном мироустройстве. Обобщены представления об «Ином» в этих сферах, выявлены и проанализированы его авторские трактовки: другое; противоположное; неизвестное; потенциальное; новое; неприродное; состояние сознания. Осуществлено обоснование формальной «неопределенности» в качестве ноумена этих феноменов и «наличного» как «своего — другого» рассматриваемого «Иного». На основе идей Аристотеля и Гегеля высказаны соображения по поводу категориальности данного понятия. Обосновано мнение о (пост)структуралистской интенции автора в наполнении своего «Иного» конкретным содержанием, показаны его возможности в методологии современного социально-гуманитарного познания.

Ключевые слова: философия хозяйства, Иное, реальность, Мир, Россия, человек, сознание, категория.

Abstrakt. In the article on the basis of the principal works analysis of the well-known Russian thinker revealed the scope of application of this concept: Philosophy of economy; Genesis/oblivion/World; Man; Consciousness; Russia, the questions about the role of our country in the modern world are raised. Generalized perceptions of «Otherwise» in these areas, identified and analyzed its author's interpretation: other; the opposite; unknown; potential; new; non-natured; consciousness state. Justified the formal «uncertainty» as the noumena of these phenomena and «cash» as «his-another» reporting as the «Otherwise». On the basis of Aristotle and Hegel's ideas considerations about the categoriality of this notion are made. Justified the opinion on (post) structured author's intent in filling its «Otherwise» with specific

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Королёв В.К. Проблема «Иного» в философии хозяйства Ю.М. Осипова // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 253—266.

content, his abilities in the methodology of contemporary of the modern socio-humanitarian cognition are showed.

Keywords:имphilosophy of economy, «Otherwise», reality, World, Russia, man, consciousness, category.

УДК330.101
ББК 87

Что ж, иное, так иное, а почему нет?
Ю.М. Осипов. Иное

Вдумчивому последователю творчества Ю.М. Осипова (далее — Ю.М.) уже достаточно давно очевидно, что его философии хозяйства — смелый и широкий шаг к новому *мировоззрению*, по-своему, иначе трактующему бытие, мир в целом, человека, сознание, познание, общество, жизнь, хозяйство, историю, культуру, цивилизацию, судьбу России.

В познавательно-размыслительном пространстве Ю.М. наряду с оригинальной трактовкой понятий из традиционного «глоссария» социально-гуманитарного знания актуализированы и понятия новые, вызывающие живой интерес. Судя по текстам всех «больших» (и не имеющих собственно экономического, научно-учебного характера) работ Ю.М., едва ли не важнейшим из понятий-«новичков» является Иное. Конечно, оно не является «изобретением» Ю.М., давно присутствует в истории философии в разных своих ипостасях, но у него Иное приобретает фундаментальное, ключевое значение не только для философии хозяйства (в недрах которой оно вызрело), но и для всего социогуманитарного (по)знания. Ю.М. прямо называет свои творения «суммой иного знания», «…которое по преимуществу уже где-то за пределами успешно сформировавшихся, вовсю доминирующих и даже ставших вполне культовыми знаний» [5, 8].

В работах Ю.М. имеется множество соображений по поводу Иного, его характеристик, определений. Как их классифицировать, понимать, оценивать? Многогранный, переливающийся всеми цветами интеллекта и духовности талант Ю.М. трактует это понятие настолько многопланово (от дискурса — до «крика души»), что возникает потребность его специального рассмотрения для восприятия «непосвященными», но желающими приобщиться к осиповской мудрости.

В 2006 г. Ю.М. издал солидную монографию под символическим названием «Иное» [6]. Эта необычная книга имеет скорее художественно-беллетристический, нежели «научно-разумный» характер, но

ярко декларирует интенцию автора, конкретизированную как в его последующих крупных работах, так и в россыпях множества ярких статей — «искорок» пламени осиповского творчества как «инознания».

Как «грамотно» воспринять и понять это «Иное»? Для этого, полагаю, нужно, не мудрствуя лукаво (в этом Ю.М. не переиграешь) решить следующие задачи: первая — проследить, по поводу чего, каких проблем применяется это слово в его многочисленных произведениях; вторая — выбрать и обобщить высказывания Ю.М. по поводу «Иного» в выделенных сферах как его «грани», трактовки; третья — проанализировать его феномены на предмет обнаружения за всем их многообразием своего ноумена (если таковой имеется); четвертая — порассуждать, является ли «Иное» категорией; наконец, пятая — выяснить, зачем она нужна, как ее использовать.

В решении задачи первой попробуем выделить основные сферы употребления автором интересующего нас концепта для последующего обобщения его содержательности.

1. Прежде всего, это проблематика *философии хозяйства*. Ю.М. рассматривает ее как «иное знание об ином» [11, 276], подчеркивает, что «…это явно *иное* знание, но ведь это знание и об *иной реальности»*… «Однако это еще не все: *иной онтос* — это не только иначе видимый и постигаемый онтос, а и онтос, который сопряжен с*иным миром…»* [11, 280]. Более того, Ю.М. утверждает, что «пронизанная онтологической неизвестностью и взбадриваемая гносеологической трансцендентностью, философия хозяйства и в самом деле представляет собой какое-то *иное* знание, …могущее с пользой для себя взаимодействовать с …незнанием», «часто говорит… о какой-то иной реальности» [11, 279]. Кроме того, «Философия хозяйства не только видит все вокруг иным, будучи и сама иной, она еще и признает великую важность всего иного, которое вовсе не обязательно что-то потустороннее…» [11, 280]; Короче говоря, философия хозяйства выступает как «Иное знание иного мира» [11, 281].

2. Сфера *«Мира», «Бытия/Антибытия, Небытия», «Новомирья».* Здесь истоки проблемы Иного Ю.М. видит во взаимодействии Бытия и загадочного, темного Небытия; «Бытие есть бытие, как и при этом небытие тоже, но, оказывается, оно еще и *ино*-бытие, *«Х»*-бытие, которого вроде бы нет, но которое все-таки… *есть!*» [10, 38]. По сути «*Иное*, оно же и *Ничто»* есть некая производная из Небытия, но не содержится в нем [10, 8]. Ю.М. заявляет, что «Пора передавать историческую… эстафету какому-то другому миру — весьма уже *иному*, способному заново утвердить человека, человечество…» [8, 522]. При этом он полагает, что «По планете уже бродит призрак *иного мира,* снедаю-

щий все отжившие свое призраки» [4, 546]; в современном обществе назревает человеческий *трансгрессивный «демиургизм»*, устремленный «…к Иному, и в Иное, а по сути-то — в неизвестность» [10, 96], говорит о формировании «техноинфонетосферы» — некого виртуального сверх-мира, который есть профаническое значение «иного» [10, 178], как «нетутошнего» [8, 140], будущего мира [8, 518].

3. *Человек и Иное.* Ю.М. отмечает, что человеку «…захотелось *иного мира* уже здесь и сейчас, но не ради возвышения души и стяжания Духа Святого, а ради тела своего бренного…» [4, 537]. Более того, автор говорит, что в современном (западном) мире Человек идет «в разнос», стоит вопрос о поиске иного человека, модели постчеловека как человека «софийно-хозяйствующего» [8, 229—242], стремящегося «*…от мира сего к миру иному* [12, 76]. Ю.М. справедливо «алармирует» ситуацию, говорит, что на Западе грядет будто бы бесовский античеловек-зверь [8, 498—499]; особо подчеркивает угрозу этого грядущего постчеловека для России [8, 551]. Это и понятно, если иметь в виду (ярко прописанную Ф.М. Достоевским в его интенции «все позволено!») «дурную» историческую наследственность нашего человека — его «экзистенцию» «глупой воли» как противоположности Декартову рационализму: «Существую, следовательно, бросаю вызов разуму». Вместе с тем Ю.М. полагает, что именно России как «…не-Западу уготовано прийти, можно предположить, к чему-то *иному*, а именно — к какому-то *иному* человечеству с *иным* уже человеком [7, 493]; сформировать «незападное *иночеловечество*». (Говоря о нем, нужно отметить вечную психологическую актуальность человеческого запроса на Иное, профанно проявляющеегося в интересе «широких народных масс» к артистам, их «кумирование»: артист, будучи «кем-то» как человек, личность, имеет профессиональную возможность и талант регулярно становиться «кем угодно», т. е. в принципе «иным»; обычные люди в своей повседневной жизни уныло тянущие лямку «своего», завидуют этому счастью «перемены участи», несмотря на греховность и пагубность такого таланта.)

4. Сознание, Знание и Иное. Во-первых, здесь нужно сказать, что Ю.М. постоянно напоминает, что философия хозяйства является примером иного *знания* [5, 10] как вольного знания-*размышления* [5, 13], вхождения в иную сферу когнитивно-духовного бытия [5, 15—16], как своего рода познавательное таинство [5, 406], выступает как «…самая настоящая охота за… *иным*» знанием [5, 10], стремление к нему [5, 416].

Во-вторых, автор замечает, что связь с *иным* способна установить религия, причем не просто установить, но со вниманием ему *внем-*

лить [8, 493]. Речь идет не «…о новом знании…, а именно об *ином* знании, не столько добавляющем что-то к известному и уже затвержденному знанию, сколько переводящем само человеческое знание в совершенно *иное*, но уже при *иных* концептуальных координатах, состояние» [7, 10—11]. Автор объявляет это инознание *высшим знанием, сверхзнанием* [7, 11].

В-третьих, Ю.М. подчеркивает, что «софийность» является абстрактным носителем Иного, что софиасофия — это не учение о Софии, а «…лишь возможность иного видения, дающего *иное* представление о реальности, …*общение с иномирьем*» [10, 261], путь к *иному* [10, 262], «Непреднамеренные размышления… о незнаемом и трансцендентном, об Ином» [10, 2]. Более того, софиасофия вообще объявляется «…*иным* сознанием» [10, 394].

В-четвертых, у Ю.М. речь идет и о стремлении сознания к Иному как «метаумствованию» (уже без упоминания Софии). Он подчеркивает необходимость развития сознания, его (безграничное) стремление «…к новому, к другому, к небывалому, в общем — к *иному* [8, 256]. По сути дела, автор трактует *иное* как не столько знание, сколько размышление [5, 19].

Наконец, говоря о творческой силе сознания, Ю.М. отмечает способность «…созидания того, чего в мире нет, что приходит из Ничто, надо полагать, и из Иного… созидания …чего-то своего, здешнего, земного, но… все-таки в чем-то непременно *иного*, …ранее не бывшего…» [10, 10]; прямо заявляет: «Реализация сознания… — *реализация Иного»* [10, 10)], стремление к нему через… иное!» [10, 21]; самосознание есть движение «…в *иное, неизвестное, иноприродное*, а пожалуй что — в *иномирное»* [10, 31].

5. *Россия и Иное.* Ю.М. прямо говорит, что «Россия — *иное*, и служит она *иному»* [10, 247], много рассуждает о России как альтернативном Западе [4, 37], отмечает противоречивость ее стремления «гнаться за Европой» [4, 151], видит силу России в ее несостоятельности, проектности к… чему-то *иному* [4, 238]. Ю.М. отмечает ее «неотмирность» [8, 347], в которой она предстает как посюсторонний, «наземный ад» «жизни *вопреки»* [8, 341]. Из этого делается важный вывод: будущее России — «…вовсе не какой-то там рай земной, а всего лишь… *софийное иное!?*» [7, 511].

При этом народ русский живет неким счастливым «…будущим, либо же, что и наиболее значимо и весомо — *иномирьем,* ...совершенно никак и не определенным (*иное* — и все тут!) [7, 528]. (Но примечательно, что в своих сказках, например, «Иное царство», оно мечтается как вполне определенное — такое, в коем люди живут богато, где нет

бедности). «России милее всего не *это* — текущее (бедность? — *В.К.*), а *иное* — еще не бытующее! (богатство? — *В.К.*) [7, 507]. По факту нынешних настроений народа это «Иное» подсознательно именно так прежде всего и воспринимается. Ю.М. рассматривает Россию как «*Очаг иномирья, вываривающий новомирье*…», «…явно вываривающий что-то *иное*...» [10, 215]; ожидающий, возможно, «…и не такого уж светлого и приятного…, но зато… *иного*» [10, 217], убежден, что «Россия — *иная страна*…» [10, 187], не идеал, а «…просто это что-то *иное*, в чем есть резерв не просто бытия, а и… *преображения*…» [10, 204].

Ю.М. говорит о том, что «…сейчас ожидается новая, иная Россия» [6, 526], о надеждах Софии именно на Россию за ее *не-от-мирасего-йность* [6, 523—524], ее мировую *инойность* [6, 525—527, 540], софийное избранничество в приуготовлении *иного* [6, 599]. Эта «инойность» характеризуется как поиск некого «*третьего рода», «третьего измерения»* исторического существования, который нельзя описать; Россия выступает как «*обособленная потенциальность*» в отношении как Европы, так и Востока, даже в условиях глобализации.

Ю.М. дает некоторые содержательные характеристики российского Иного (как «русского Дома»): новая иерархия, государственность, имперскость, «армейщина» [10, 218—219], «административная революция» [10, 355], русскость [10, 431—444], «охозяйствование» экономики, софийность познания и знания, мессианство [10, 443—453], а также Вера, Справедливость, Мера. (Здесь просится добавить использование творческого потенциала народного мировоззрения «авось-небось-кабысь» бытия.)

Конечно, по поводу «инойности» России возникает много вопросов. Главный — какова же будет сама новая Россия как реализация софийной «инойности», если пока она — «…сплошной вопрос»? [5, 355] Ю.М. прямо и честно говорит: «На этот вопрос нет ясного ответа, даже у самого Господа Бога» [7, 551]. При этом он заявляет, что «ничего более ценного, чем софийная мысль, у нынешнего русского человека нет, разумеется, думающего русского…» [8, 585]. На эту мысль вся надежда? Но она — пока далеко не «тренд» российского социогуманитарного знания. Так что *иная* Россия как проект ждет своих «открывателей» и разработчиков; Ю.М. путь наметил, но его надо пройти — как актуализацию всех его замечательных софийных мыслей, в переводе *иного* в *наличное*. Иначе зачем об этом говорить?!

Решая задачу вторую — содержательного анализа Иного, нужно выделить его «грани» по материалу выявленных основных ипостасей «инойности», с перспективой их ноуменального обобщения; ведь попадание в Иное вовсе не значит понимания как самого этого Иного, так и

факта в него попадания, в нем заинтересованного присутствия. Кроме того, как гениально заметил Гегель, «то, что *известно* (bekannt), еще не есть поэтому *познанное* (erkannt)» [2, т. 1, 83]; кроме того, «…требование продолжать заниматься тем, что уже известно, может даже вывести из терпения» [2, т. 1, 84]. (Но не Юрия Михайловича!)

Это осуществляется как анализ его высказываний по поводу Иного с целью их обобщения в различные его трактовки; такой подход абсолютно необходим в любом случае, в нашем — призван «схватить» Иное как некое качество, дать ему определенность (что это?).

Истоки данного подхода лежат в творчестве Аристотеля, стремившегося в своем сопоставлении иного и тождественного понять качество через *различные* определения-атрибуты общего. «А “иными”, или “инаковыми”, называются вещи, если их формы, …или определения их сущности составляют нечто большее, чем одно» [1, т. 1, 158]. При этом речь идет о тождественности «инаковых» вещей не количественной, «…а или по виду, или по роду, или по соотношению» [1, т. 1, 158]. То есть иное — это другое, но того же рода. Важно отметить, что Аристотель подчеркивает: «…необходимо указывать соотношение подходящим образом. И если есть установленное имя, то указывать это легко; если же его нет, то конечно, необходимо придумывать наименования» [1, т. 1, 69]. (В нашем случае — Иное.)

Итак, тексты основных работ Ю.М. позволяют выделить по крайней мере семь трактовок Иного в их краткой цитатной презентации.

«*Иное*, которое… другое…» [10, 443]. В своей работе «Экономика как есть» в аннотации он замечает, что представления об экономике должны быть *иными* [12, 2], тогда как в предисловии «От автора» говорит, что «…знание об экономической реальности… должно быть *другим»* [12, 4]; подчеркивает, что «философия хозяйства способна говорить всегда иначе, по-другому» [11, 277].

Иное как противоположность, антипод, как «антиналичное». В частности, Ю.М. во весь рост поднимает глобальную проблему ухода мира в целом в свою *отрицательную метафизику*, превращения Запада в *антимир* [8, 515]; заявляет, что иным для человека может быть *античеловек,* сопряженный с *антимиром* [8, 498—499]; кроме того, София говорит о диалектичности мира («нечто — ничто», «реальность — ирреальность» и т. п.).

«*Иное*… так еще и неизвестное…» [10, 443], как нечто таинственное. Ю.М. отмечает важность (прежде всего для философии хозяйства) «…всего иного, которое вовсе не обязательно что-то потустороннее, а попросту невидимое, неощущаемое, скрытое, неизвестное»

[11, 279]; это иное существует как некий «Х». Иначе говоря, иное — это нечто непривычное, необычное, но имеющее место «в самой по себе реальности» [5, 9—10] как некий «вещий субстрат» («иного понимания реальности») [5, 10]. Автор отмечает «человеческий трансгрессивный демиургизм», «…устремленный к Иному, в Иное, а по сути-то — в неизвестность!» [10, 96].

Иное как некая «ипостась» наличности, реальности; как неизвестная потенция мира (а не нечто «запредельное», не идеал, не утопия).В своем « Примерном материале к программе специального учебного курса «Философия хозяйства» (2013), определяя содержание ее раздела «Способ освоения, воссоздания и созидания реальности», Ю.М. подчеркивает важность целостного, онтологического порядка осмысления реальности, ее соответствующего отображения, «…позволяющего создать …собственную вообразительную словесно-категориальную конструкцию, не имеющую прямого адеквата в окружающей реальности, но способную предложить собственную… ирреальность как иную реальность» [8, 30].

Иное как новое, необычное, как выход в новое Бытие и Знание. Здесь примечательно название темы седьмой этого «Примерного материала…» — «Хозяйство как созидание *инобытия*», где феномен инобытия определяется как феномен бытия нового, не бывшего ранее [9].

Иное как надприродное, как сотворенное, как культура [5, 41—42]. На основе техники, науки, денег «…человек смог, создавая все более сложный, масштабный и целостный *искусственный мир*, обеспечить вырыв в некое *иное бытие*, пусть пока еще и земное, …но все-таки уже не кем-то человеку данное, а человеком взятое, им самим созданное, *свое»* [10, 81—82], *иноприродное* [10, 31], *неприродное* [10, 76]; более того, автор допускает движение к иному как к *вне*земному [5, 447], ближнекосмическому [10, 82].

Иное как интенция сознания, открываемая софиасофией — мировоззрением, воплощенным в Премудрости Софии, которая есть «особого рода… *сознание*, а не только знание, сознание “иное”, не интеллектуальное, а чувственно-интуитивное» [10, 393]; Ю.М. подчеркивает, что *софийное* — и особый род познания [5, 111], главная суть и великая сила которого состоят «…в познании *иного*, заключенного в *этом* мире, но восходящего к *Иному*, …как раз к тому, где и царствует София» [5, 119]. Кроме того, характеристики Иного, так или иначе сводимые к названным, кратко и четко сформулированы в «Заповедях софиасофа» (с пятой по девятую) [10, 452].

Приступая к задаче третьей, нужно определиться с методологией ее решения. Полагаю, начать нужно «по-аристотелевски» — вос-

принимать выделенные трактовки Иного как некие *качества различных определений (родов) общего* [1, т. 2, 72—78]. (Это позволяет поставить вопрос: есть ли Иное само по себе или оно симулякрично существует лишь в своих феноменах?) Названная определенность у Аристотеля носит принципиально абстрактный характер, не претендует на конкретное раскрытие содержания «инойности»; более того, представляется, что эта «открытая формальность» и есть суть его трактовки Иного. Поэтому аристотелевский подход не позволяет в полной мере определиться с его пониманием, оно требует и знания такого *содержательного* в Ином, которое позволит выявить его инвариантность, ноуменальность для всех выделенных трактовок.

Полагаю, более адекватной для этого является методология Гегеля, ибо «альфой и омегой» его требований к понятиям является требование *конкретности;* он не противоречит себе, когда говорит, что предметом логики является форма, а не конкретное содержание вещей, ибо для него эта форма — не внешняя, а требующая своего сущностного (содержательного) «просвечивания» через «свое — иное». («Рефлексия, движение ничто через ничто обратно к самому себе *просвечивает* в *ином»* [2, т. 2, 71].) Поэтому «…форма, … будучи также единством своего процесса определения, равным образом *соотнесена* со своей снятостью, *с иным*, которое само не есть форма, но *к которому* она относится» [2, т. 2, 76].

Отсюда следует, что для «гегелевского» ответа на вопрос: «Что есть Иное?», надо ответить на вопрос: «Что есть Свое?», противостоящее иному в их единстве; нужно знать, иным чему оно является. «Каждое соотносится с самим собой, лишь соотносясь со своим иным» [2, т. 2, 48]. Более того, «каждое, таким образом, есть вообще, *во-первых,* постольку, *поскольку* есть *иное… во-вторых*, оно есть постольку, *поскольку иного нет*; то, что оно есть, оно есть через инобытие иного» [2, т. 2, 48—49].

Итак, «инобытие» для Гегеля есть переход от наличного Бытия в «свое — другое», а не в другое вообще; противоположность — не любому, а конкретному. Полагаю, таковым «своим — другим» для Иного может быть *«Наличное»,* представленное всеми сферами применения Иного, во всех отношениях соотносимое с ним, но не жестко им «детерминированное». (Говоря о «целом», Гегель отмечает, что «…каждая из сторон есть в своей *самостоятельности* совершенно *относительное* своего иного» [2, т. 2, 153]. Это дает возможность свободной трактовки как Иного, так и его «презентаций».

Но что же является в свете сказанного *ноуменом* Иного? При всей кажущейся сложности этого вопроса ответ на него Ю.М. дал в

своей первой, далекой от «научной» научности работе, где мимоходом «проговорился» и сказал самое важное: *«Иное — есть неопределенность»* [6, 3]. С этим после всех вышеприведенных «заумных» рассуждений нельзя не согласиться, ибо из нее могут «прорасти» любые феномены Иного, актуализирующиеся в феноменах философии хозяйства, иной реальности, мира, иного человека, софийного знания, иного бытия России. Но такие уж неопределенные эти феномены? В частности, Ю.М. уже лет тридцать «определяет» свою философию хозяйства, много говорит об ином Человеке и Мире, о софиасофии. Но, как показывает жизнь, все еще недостаточно…

Задача четвертая — можно ли считать Иное категорией? Вопрос этот не является принципиальным для данного рассмотрения (тем более, что сам термин «категория» — классика философии — не имеет однозначной трактовки в ее истории, даже у таких «основоположников», как Аристотель, Кант, Гегель; они не стремились дать четкое «определение» тому, что называли категориями). Но, тем не менее, некоторые соображения по поводу «категориальности» Иного в социально-гуманитарном (по)знании могут быть полезны для его восприятия.

Попробуем кратко сравнить осиповские представления об Ином с той трактовкой категориальности, которую классически связывают с именами названных великих философов. Знакомство с их произведениями приводит к определенным выводам; в частности, Аристотель в своих довольно разноплановых рассуждениях подводит к пониманию категорий как важных, обобщающих высказываний о предмете, родовых определений и различений понятий [1, т. 2, 79, 358], причем они «…должны быть поняты или только в ограниченном смысле, или вообще, а также либо просто, либо в сочетании» [1, т. 2, 190].

Гегель, опираясь на идеи Аристотеля, трактует категории как обобщения, приведения к единству (сознания) многообразного содержания того, «…что говорится, утверждается о сущем» [2, т. 2, 30]. В интересующем нас плане важно иметь в виду: категории как «определения… мысли суть *формы,* которые только *касаются содержания*, а не составляют самого содержания» [2, т. 1, 87]. Более того, «…при рассмотрении какой-то *категории* мыслят *нечто иное*, а не саму эту категорию…» [2, т. 1, 92], причем «…иное представляет собой другие определения мысли и понятия…» [2, т. 1, 92].

Как показывают тексты Ю.М., эти мысли в полной мере реализованы в представленной выше осиповской трактовке Иного: она допускает иное его (содержание) в силу своей формальности, отсутствия конкретного, жестко закрепленного содержания, хотя и определяет «спектр» этой содержательности. В частности, в аристотелевском

смысле категориальность Иному придает его трактовка внутри видового отличия, в отношении *другого*; в смысле гегелевском наличие у Иного не просто другого, а «своего», конкретно-противоположного также может иметь категориальное значение. В этом контексте осиповское Иное может рассматриваться как *категория-симулякр,* открытая для своего наполнения любым содержанием, но выводящим за границы наличного знания.

Вообще-то вопрос о категориальности «Иного» может быть темой специального рассмотрения. Конечно, Ю.М. не «открыл» новую категорию, но гораздо важнее то, что он выудил из дебрей философской «зауми» это почти невостребованное понятие, вдохнул в него жизнь, не просто дал работу в своей философии хозяйства, других метафизических, софиасофских размышлениях, а сделал ключевым. Подобные примеры такого эффективного применения Иного мне неизвестны.

Наконец, последнее: каково его значение как осиповской «категории»? Очевидно, для читателя-«первоэтапника» главное — после попыток понимания «сути дела» — затруднение в восприятии (софиасофских) идей Ю.М. состоит в вопросе о том, как им «приделать ноги», каково их значение для развития социогуманитарного знания с целью выработки «рекомендаций» по совершенствованию Человека и Общества.

Можно поставить вопрос и так: возможен ли переход от абстрактной «инойтики» к более конкретной, содержательной «инологии»? Разумеется, Ю.М. много раз подчеркивал, что этого и не требуется *принципиально*; он отмечает, что, в частности, «софиасофия, как и философия хозяйства, не занимается решением собственно прикладных задач» [10, 393]; она «…вовсе не руководство к мышлению и действию… это всего лишь возможность *иного*… представления о реальности, а за сим и *иного* отношения к реальности, включая и функциональное (деятельское)» [10, 394]. Кроме того, Ю.М. в своих работах ноуменально заявил «Иное» как *неопределенность*. Поэтому мир Иного в принципе не предназначен быть «продуктивным» для разработки конкретных планов переустройства Бытия; но он достаточно определенный, чтобы указать перспективы человеку, исчерпавшему смысловые возможности осознания *наличного* — софийное перестроение своей ментальности. Более того, нельзя ожидать, требовать от Ю.М. конкретизации проблематики «иного», ибо, как было показано, категории по своей природе — абстрактны, формальны, они наполняются конкретным содержанием в процессе их приложения к каким-то реалиям. (Сущность — чего? Явление — какое?)

Как «выходить» на Иное? Конечно, тут София является главным «поводырем», но софийное стремление к *иному* — удел лишь некоторых людей — допущенных «третье этапников» [7, 6], избранных самой Софией. Что делать, если она не избрала вас для своего откровения? Ничего страшного — осиповское Иное может рассматриваться как понятие, открытое для наполнения не только авторским, но и читательским содержанием, которое зависит не только от текста, но и от его восприятия. Ю.М. говорит о необходимости читательского «додумывания», «вычитывания непрочитанного», важности «несказанного», что «…для метафизика-софиасофа значимее не так сам по себеэтот текст, как *за*-текст, *под*-текст, *над*-текст, то бишь не текст как таковой, а *метатекст*, где как раз и находят приют все *метасмыслы…*» [7, 602]. В полной мере это можно отнести к восприятию Иного.

Здесь следует напомнить, что, как я отмечал ранее, возможность подобной методологии обоснована философско-культурологическим *постструктурализмом* [3]. В частности, Ж. Делез полагал, что сами определенности смыслов (текстов), которые нужно прочесть, отнюдь не предзаданы, они каждый раз даются событиями, и эти смыслы-события надо исследовать. Не этим ли предлагается заняться читателю, желающему воспринять Иное в бурном водовороте современной жизни? Другой постструктуалист — Ж. Деррида — своим «поэтическим мышлением» воплотил принцип *интертекстуальности*: «комментатор существует только внутри и по поводу текста». Не выступает ли таким «комментатором» «Иного» сам Ю.М.? Не предлагает ли он и читателям попробовать эту роль собственным «вживанием» в тексты о нем? Очевидно, нам нужно не огорчаться по поводу неприятия Софией, не уповать на абстрактность, образность, непонятность авторских рассуждений об Ином, а самому его *примысливать,* а главное — стремиться к этому духовному (со)творчеству! Разумеется, дело это — архисложное, но что мешает попробовать? Ведь при любом результате эта работа и увлекательна, и полезна! (Кроме того, а вдруг София приметит ваши усилия и вознаградит к себе приобщением?!)

P.S. Вполне возможно, в статье, построенной главным образом, на анализе цитат, «надерганных» из разных по замыслу и стилю работ, не удалось ухватить все богатство и изощренность мыслей автора, дать аутентичную трактовку Иного, выявить весь его потенциал (мои извинения, Юрий Михайлович!). Но сам характер данного понятия обрекает автора на терпеливое отношение к читательским измышлениям по этому поводу (да и взгляд как бы «со стороны» может быть полезен…); если приведенные рассуждения не вполне адекватны осиповскому за-

мыслу, то статья получилась о неком *ином* понимании Иного, что вполне соответствует его предназначению и актуализации.

Литература

1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975—1983.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1970—1972.
3. Королев В.К. Софийная метафизика в действии: есть контакт // Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 211—219.
4. *Михайлов Юр.* Реквием. Метафизическая проза. М.: ТЕИС, 2010. 592 с.
5. *Осипов Ю.*М. Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник. М.: ТЕИС, 2016. 464 с.
6. *Осипов Ю.М*. Иное. М.: Экономистъ. 2006, 704 с.
7. *Осипов Ю.М*. Наедине с Софией. Метафизические реалии. М.: ТЕИС. 2014. 602 с.
8. *Осипов Ю.М*. Обретение. М.: ТЕИС, 2011. 590 с.
9. *Осипов Ю.М.* Примерный материал к программе специального учебного курса «Философия хозяйства» // Официальный сайт экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: [Электронный ресурс]. URL: https://www.econ.msu.ru/departments/lfh/cd312/Category.20131008_8803/News.20131008_3259/ (дата обращения: 14.07.2018).
10. *Осипов Ю.М.* Софиасофские тетради. (Не)ученые записки. М.: ТЕИС, 2017. 477с.
11. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства и иное // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 276—280.
12. *Осипов Ю.М*. Экономика как есть. (Откровения Зоила, или судный день экономиста). Антипособие. Изд. 2-е. Москва; Тамбов, 2018. 333 с.

References

1. *Aristotel'.* Soch.: V 4 t. M.: Mysl', 1975—1983.
2. *Gegel' G.V.F*. Nauka logiki. Soch.: V 3 t. M.: Mysl', 1970—1972.
3. *Korolev V.K*. Sofijnaya metafizika v dejstvii: est' kontakt // Filosofiya khozyajstva. 2017. № 5. S. 211—219.
4. *Mikhajlov YUr*. Rekviem. Metafizicheskaya proza. M.: TEIS, 2010. 592 s.

5. *Osipov YU.M.* Belye skrizhali. Summa inogo znaniya. Antiuchebnik. M.: TEIS, 2016. 464 s.

6. *Osipov YU.M.* Inoe. M.: EHkonomist". 2006, 704 s.

7. *Osipov YU.M.* Naedine s Sofiej. Metafizicheskie realii. M.:TEIS. 2014. 602 s.

8. *Osipov YU.M.* Obretenie. M.: TEIS, 2011. 590 s.

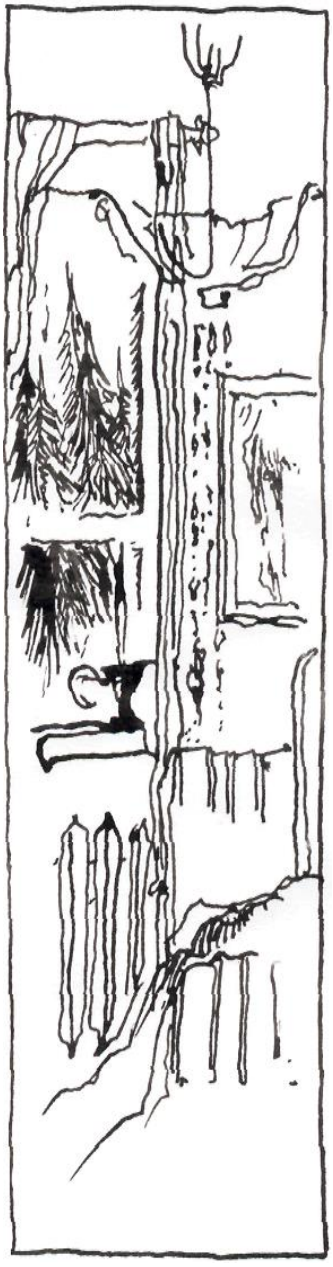
9. *Osipov YU.M.* Primernyj material k programme spetsial'nogo uchebnogo kursa «Filosofiya khozyajstva» // Ofitsial'nyj sajt ehkonomicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.econ.msu.ru/departments/lfh/cd312/Category.20131008_8803/News.20131008_3259/ (data obrashheniya: 14.07.2018).

10. *Osipov YU.M*. Sofiasofskie tetradi. (Ne)uchenye zapiski. M.: TEIS, 2017. 477s.

11. *Osipov YU.M.* Filosofiya khozyajstva i inoe // Filosofiya khozyajstva. 2018. № 4. S. 276—280.

12. *Osipov YU.M.* EHkonomika kak est'. (Otkroveniya Zoila, ili sudnyj den' ehkonomista). Antiposobie. Izd. 2-e. Moskva; Tambov, 2018. 333 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

* * *

Юбилей Ю.В. Яковца

Славному великими деяниями, неуемной отзывчивостью и жизнеутверждающим оптимизмом д.э.н., профессору *Юрию Владимировичу Яковцу* аж 90 лет! Находясь в прекрасной интеллектуальной форме, он вовсю размышляет, много работает, пишет, выступает на форумах. Его творческое и деловое наследие огромно: проекты, книги, статьи, доклады, прогнозы, но также и хорошо известные в научных и экспертных кругах большие институциональные начинания и свершения.

Что ни говори, а за Юрием Владимировичем тянется глубокий, вполне себе и энциклопедический, след в отечественной и мировой науке: остается только завидовать, что мы и делаем, разумеется по-доброму, как добр к людям и сам славный необыкновенный юбиляр!

* * *

Юбилейный М.М. Гузев

Нашему дорогому коллеге, соратнику и другу, д.э.н., профессору *Михаилу Михайловичу Гузеву* (нашему «Мих-Миху), стукнуло 70 годков, что свидетельствует лишь о личностном и творческом расцвете юбиляра, его упругой экзистенциальной молодости, об открывающейся возможности для новых креативных деяний, на которые наш юбиляр, что называется, большой мастак. Крупный ученый, оригинальный преподаватель, стойкий гражданин, еще и добрый, терпимый, надежный человек — весь русский: что великим умом, что широкой душой, — вынесший, да и несущий до сих пор на своих могучих плечах целый гуманитарный многоцветный институт, столь необходимый родному поволжскому городу по имени Волжский, известный и эффективный общественный деятель, депутат областной Волгоградской думы ряда созывов, в общем — персона, человек с большой буквы, величина!

Здравия, удачи, побед!

* * *

5 — 7 декабря 2018 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия». На конференции выступили 60 докладчиков — доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), М.Л. Альпидовская, А.Л. Андреев, А.П. Бабаев (Баку, Азербайджан), С.В. Бирюков (Шанхай, КНР), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А.В. Бузгалин, Д.В. Гарбузов (Волжский), Ф.И. Гиренок, С.Ю. Глазьев, М.М. Гузев (Волжский), К.Ф. Затулин, А.И. Иванус, С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, В.М. Кульков, О.И. Маликова, К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, А.А. Олейников, С.П. Рамазанов (Волжский), Г.А. Родина (Ярославль), Л.И. Ростовцева (Тула), В.Т. Рязанов (СПб.), С.Н. Сильвестров, С.С. Слепаков (Пятигорск), А.И. Субетто (СПб.), С.Н. Турищев, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина; кандидаты наук О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.В. Косов, С.А. Марков, Г.В. Михайлова (Ставрополь), Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, Е.А. Починкова (Новороссийск), И.П. Смирнов, Г.В. Фадейчева, О.В. Хмыз, Т.Ю. Яковец, научные сотрудники А.В. Пиковер, Т.С. Сухина, преподаватель И.А. Горюнов, аспирант А.А. Субботин.

7 декабря в рамках конференции состоялась панельная дискуссия «Глобальные перемены в мире и Россия», в которой приняли участие доктора наук Ю.М. Осипов, А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), К.А. Зимарин, М.В. Кулаков, В.Т. Рязанов (СПб.); кандидат наук В.В. Кашицын (Новороссийск).

РЕЗОЛЮЦИЯ
международной научной конференции
«Российский миттельшпиль:
экономика, техногенез, геостратегия»

Москва, МГУ, 5—7 декабря 2018 г.

Заслушав и обсудив доклады и выступления участников и проведя оживленную междисциплинарную дискуссию, конференция выдвигает для заинтересованного восприятия и непредвзятого осмысления следующие концептуальные положения.

1. Большая экзистенциальная, она же и геостратегическая, игра на мировой, региональных и крупных национальных аренах не только и не столько удобная для размышления относительно реальности ме-

тафора, сколько совершенно *реальная реальность*, когда помимо реальных физических и метафизических игровых полей есть реальные субъекты-игроки, которые ведут вполне реальные игры, весьма и судьбоносные («не на жизнь, а на смерть», по преимуществу и «без правил», еще и «в темную»), когда разыгрываются вполне реальные партии с их — этих партий — этапами-частями вроде шахматных дебютов, миттельшпилей и эндшпилей, когда достигаются и реальные игровые итоги в виде взаимных ничьих, чьих-то восторженных побед, не исключая и пирровых, и кого-то горьких поражений, иной раз и спасительно назидательных.

2. Россия в лице ее правительства, правящей элиты, государства и нации в целом — один из больших *субъектов-игроков,* способных не только участвовать в разных зе́мных и даже космических играх, но и открывать и вести собственные игровые партии, включая и ныне Россией развернутую — что на внешней для России арене, что на внутренней, истоками своими восходящую к 1985 и 1991 гг., но вполне отчетливо выраженную для внешнего мира с момента мюнхенской 2007 г. речи главы российского государства, а для внутрироссийского мира — со смены верховного лидерства в 2000 г. и стабилизации нового пореформенного строя — примерно с середины нулевых годов XXI в.

3. Там и там — во внешнем для России и в ее внутреннем мирах — большая экзистенциальная, она же и геостратегическая, игра; там и там — неоднозначный миттельшпиль, когда там и там дебюты уже состоялись, эндшпили еще впереди, налицо же там и там середина партии (партий), однако та самая середина — как раз миттельшпиль, где все в партии так или иначе сходится, где все главное в партии вершится, откуда все решающее и исходит: прошлое страны и мира, их настоящее, возможное будущее, причем все это в единении, как и с неизбежными меж ними расхождениями. *Судьбоносная середина!*

4. Конференция признает своевременной и плодотворной постановку вопроса о ходе и развитии мировой и российской реальности как поля и результата активных целеположенных игровых действий больших, средних и малых геостратегических субъектов — разной силы центров политической, экономической, технологической и вообще экзистенциальной инициативы, что позволяет как дать мониторинговую оценку текущей мировой и российской ситуаций, так и наметить перспективы их ближайшего развития с учетом возникающих в реальности тенденций и меняющих реальность императивов.

5. Конференция поддерживает в целом курс Российской Федерации на достижение и защиту своего суверенитета во всех аспектах и областях актуального жизнеотправления, а также курс на переход планетарного международного общежития от моноцентрической (однопо-

лярной) системы глобалического свойства к полицентрической (многополярной) системе постглобалического характера.

6. Учитывая растущее напряжение и усиливающуюся конфронтационную потенцию в международной сфере, а также факт ведения Западом беспрецедентной по цинизму и раскованным манерам «гуманитарной войны» против России, конференция выступает, с одной стороны, за активную оборонно-наступательную позицию Российской Федерации вкупе с необходимыми для страны мобилизационными интенциями, а с другой — за настойчивое движение Российской Федерации и мирового сообщества к *большому планетарному компромиссу* на основе нового всемирного устройства с недопущением угрожающей бытию человечества на Земле глобальной войны «всех против всех».

7. Исходя из факта великих, вполне и тектонического характера, мироустроительных перемен и усиливающегося конфронтационного состояния планетарного мира, конференция выступает за всестороннее развитие в интересах России международной многофакторной кооперации на основе БРИКС, а также за приоритетное движение России в евразийском направлении — за *российский евразийский путь,* в целях формирования вместе с Китаем, Индией и другими странами Евразии *целостного воспроизводственного контура* — не регионального вовсе, а вполне по масштабу и значению *ми́рового*, обеспечивающего хозяйственную, экономическую, технологическую и иную *самодостаточность* решающей части неЗападного мира.

8. Констатируя факт экзистенциально-геостратегической войны, ведущейся Западом против России (нового «Дранг нах Остен»), конференция находит возможным говорить о наличии феноменов *фронта* и *тыла* во внешних и внутренних для России реалиях, делая при этом акцент на феномене тыла — на внутренней российской ситуации, от которой все главное для России и ее будущего как раз и зависит. И ежели на «фронте» все более или менее сносно, хотя и весьма сложно, то в «тылу», мягко выражаясь, «не очень». Отсюда и все более заметный ситуационный диссонанс между «фронтом» и «тылом», чреватый немалыми для суверенного бытия страны осложнениями.

9. Поддерживая кое-какие из вроде бы благих по намерениям и некоторым результатам начинаний и действий российского государства по обеспечению внутреннего жизнеотправления страны, конференция при этом не может не констатировать нарастающего расхождения между государственно-элитным правлением и реальными ожиданиями российской нации; мало того, не может не констатировать наличия в стране вполне уже реального *кризиса социохозяйственного строя,* сложившегося по итогам проведенной в 1990-е гг. в России «Великой антисоветской реформы». Конференция находит, что данный кризис носит сущностно-системный характер и его невозможно преодолеть,

во-первых, не меняя радикально возникшего в стране социохозяйственного уклада, переходя в связи с этим шаг за шагом от *по*реформенной системы *произвольного административно-финансового деспотизма* (смеси «либерального экономизма», «глобалического модернизма» и «азиатского деспотизма») к *пост*реформенной системе *гармонического солидаризма*; во-вторых, не реализуя *целостного системного перестроения* России, ее хозяйства, социума, всего жизнеустройства страны; в-третьих, пренебрегая имманентным и исторически оправданным идейно-духовным *концептом России* — социабельным, государственническим, державным, служилым, мобилизационным; в-четвертых, недооценивая необходимую стране практику императивного *национального дирижизма* (управления из центра основными социохозяйственными параметрами и процессами, массовым и локальным субъектным поведением) в целях сбалансированного развития страны; не построяя *единой российской нации*, не отягченной разры́вным противоположением «успешной» владетельно-управленческой надстройки «неуспешному» народному базису (базис — он ведь и без надстройки базис, а вот надстройка без базиса… совсем и не надстройка, а так — ничто!); игнорируя, вполне и опрометчиво, судьбоносную роль такого сакрального феномена, как *российский народ,* — вовсе уже не «деревенский», не «темный» и не «безгласный», однако представляемый на практике более всего лишь в виде «населения», «массы» «электората», что крайне недальновидно и весьма исторически рискованно (народ российский, который, кстати, так и не дождался лично ему адресованной правдивой и конструктивной «мюнхенской речи» от своего национального лидера, хотя бы по итогам мартовских 2018 г. победоносных для лидера событий, следует глубоко уважать, высоко ценить и к нему всерьез прислушиваться, не рассматривая его лишь как податную производительную силу и спросо-потребительскую «прорву», как и не стремясь уже который раз в истории его «модельно» переделывать).

10. Конференция выступает за пристальное конструктивное внимание государства, общества и научно-образовательных кругов к *гуманитарной сфере* — что в общемировом и общечеловеческом, что в национальном и собственно российском аспектах — с целью адекватного восприятия и трактования феноменов человека и человечества, культуры, цивилизации, государства, нации, истории, текущей современности, и все это в сопряжении с наукой и техникой, той же цифровизацией, в единении с Землей и Космосом, перед лицом наступающего неумолимо неоднозначного будущего, а также ради приемлемого для современности восприятия и понимания России, ее концепта, истории, телеологии и эсхатологии, ее положения и роли в мире, особенностей

ее культуры и цивилизации, государственности, тенденций ее актуального бытия, геостратегических устремлений.

11. Констатируя необходимость отечественного развития *нейрокибертехнологий* («цифровизации») и трансформации экономики, производства, творчества, всего жизнеотправления в *новую историческую данность*, конференция предостерегает от рискованного увлечения «перспективными новшествами» (от выплеска безудержной авторитарной «цифромании») и выступает за экологическую относительно человека, социума, культуры, природы практическую реализацию императивов *нового технологического переворота* в целях избежания неуправляемой трансгрессии всего ныне живого сущего в *конечное* симулятивно-искусственное неживое несущее. «Цифровизация» — вовсе не панацея и не безвредность!

12. Кризис, о котором речь, — особенный кризис, который хоть и проявляется на виду как обычный социальный, экономический, трудо-творческий, административный, управленческий, присвоительный, «обнищательный» и т. д. кризис, в основе своей есть кризис, пусть и не так еще явно выраженный во внешних проявлениях, культуро-цивилизационный, смысловой, концептуальный, можно сказать — *экзистенциальный, гуманитарный, вообще человеческий*, наконец — *метафизический.* Истинная Россия, подлежащая воскрешению, укреплению и развитию, подменяется, уже не первый раз в истории страны, некой *псевдо*Россией — бессодержательной, унылой и беспросветной. Смысл и значение данного кризиса в обозначении бесперспективности для России возникшего в ней строя, отчего и необходимость не чего-нибудь, а *большого российского переустроения*.

13. Конференция подтверждает необходимость учреждения и развития в рамках и на основе передовой национальной мысли *всестороннего россиеведения* и убеждает в возможности выработки и реализации *актуальной идеологии для России*, сочетающей здоровый консерватизм с приемлемой новизной, историческое интеллектуальное наследие и новейшие гуманитарные открытия, учитывающей и выборочно вбирающей в себя общемировые культуро-цивилизационные тенденции, но не подверженной слепому идейно-поведенческому подражательству.

14. Конференция выражает тревожную озабоченность по поводу сложившейся за последнее время в Российской Федерации излишне технократически формализованной и изрядно менеджериально запутанной системы управления *научно-образовательной сферой*, творческой деятельностью ученых и преподавателей, оценкой их не подлежащего строгой кодификации неординарного труда, что не только не способствует эффективной реализации и содержательному развитию науки и образования, в особенности фундаментальных, но и наносит им

труднопоправимый ущерб. Отечественные наука и образование, в особенности гуманитарные, заслуживают куда как более бережного к ним отношения, всесторонней поддержки со стороны государства и создания условий для достойного великой державы суверенного бытия национального интеллекта. Отсутствие собственного высокого уровня гуманитаризма приводит лишь к пленению отечественной мысли, науки и образования в тенетах внешнего, вовсе не всегда для России приемлемого, а иной раз им враждебного и отталкивающего идеологизма.

15. *Отечественный гуманитарный концептуализм* — залог не одной ментальной и культуро-цивилизационной безопасности Российской Федерации, но и возможность обретения и поддержания в эпоху великих и неоднозначных перемен, во времена жестких, доходящих до войн международных противостояний и противоборств, среди эсхатологических потрясений и катаклизмов, приемлемой для России и всего мира все-еще-человеческой экзистенции, не пренебрегающей возможностью величественного земно-космического будущего.

Т.С. СУХИНА

Глобальные перемены в мире и Россия: концептуальный поиск

Аннотация. Представлен обзор панельной дискуссии «Глобальные перемены в мире и Россия», состоявшейся на экономическом факультете МГУ 7 декабря 2018 г. в рамках международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия», участники которой представили и обосновали свое видение сложившейся под влиянием глобальных перемен в мире экономической ситуации в России, а также возможные направления развития в будущем.

Ключевые слова: Россия, перемены, экономика, игра, техногенез, геостратегия, санкции, концептуализм, незанятость.

Abstact. The article provides a review of the panel discussion «Global Change in the World and Russia», held at the Faculty of Economics of Moscow State University on December 7, 2018 within the framework of the international scientific conference «Russian Mittelspiel: Economics, Technogenesis, Geostrategy», where the participants projected and made a case for their vision of the economic situation in Russia shaped by the global changes in the world, as well as possible directions of future development.

Keywords: Russia, changes, economics, game, technogenesis, geostrategy, sanctions, conceptualism, unemployment.

На экономическом факультете МГУ в рамках международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия», организованной по инициативе лаборатории философии хозяйства и научного совета «Центр общественных наук МГУ», 7 декабря 2018 г. состоялась панельная дискуссия «Глобальные перемены в мире и Россия».

Дискуссию открыл **Ю.М. Осипов** (д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ): «Современный мир — глобализованный, целостный, планетарный, земный мир, мир-глобус. Сейчас пришло время особого рода перемен, настолько значительных, что мы можем сказать, что это мир не просто с переменами, а мир-перемена, который находится в состоянии мощнейшего не просто структурного, а качественного изменения. Речь идет не о модификациях или трансформациях с некоторым изменением содержания и сущности, а о возможной трансгрессии мира в какой-то иной мир, который пока никому не известен.

Сегодня имеет место перемена, порожденная Ренессансом, Просвещением, эпохой гуманизма и научно-технического прогресса. Сейчас новая ситуация, которую просто бифуркацией уже не назовешь. Это воистину глобальная, всемирная, всепоглощающая перемена. Мир всегда был и слыл игрой, а понятие игры применимо не только к каким-то отдельным проявлениям человеческого бытия, но и к самому бытию. Александр Македонский, Чингиз Хан, Наполеон, Гитлер — все играли, и здорово, как известно, играли.

И сейчас игра вполне серьезная, игра за весь земной мир, за обладание этим миром, за бытие в нем, за будущее, игра, которая уже угрожает миру, угрожает переменами. Игра эта идет не на жизнь, а на смерть, причем в целом для всего земного шара. Получается, идет общемировая война, поэтому можно сказать, что весь мир — война, ее называют сейчас гибридной, но мне более импонирует другое название — гуманитарная война, т. е. война смысловая, сущностная, за само существо человека.

Постановка нашей конференции: российский миттельшпиль. Россия — так или иначе субъект, участник игры, участник перемен, участник войны, участник с особенно судьбоносной ролью, и мы — свидетели и даже участники этой вполне серьезной игры.

На планете Земля так или иначе разворачивается особого рода историческая ситуация, когда всякое происходит, всякое возможно. Участие России тут не каприз России или ее руководства, здесь присутствует некий исторический или даже внеисторический промысел,

которого никто не может избежать. Война и перемены имеют, безусловно, метафизические истоки и обоснования, которые просто так не прочитываются.

Миттельшпиль — это средняя часть игры. Вопрос в том, каково состояние этой партии на данный момент. Внешний миттельшпиль России сочетается с внутренним, поэтому, с одной стороны, фронт, питаемый конфронтацией с Западом, а с другой — тыл, питаемый внутрироссийской ситуацией, которая не может нас сильно радовать. В стране назревает серьезное противоречие между управляющей структурой и управляемым населением. "Мартовские иды" не привели к тем переменам, которых жаждал электорат: к перемене курса, перемене руководства. Получилась игра, не самая высокая, не сущностная, а вполне поверхностная, если не аховая, — ничего не меняется. Оба российских миттельшпиля связаны между собой, хотя между ними есть и некий смысловой разрыв. Для страны нет от верхов программы, нет концепта, нет видения будущего, хотя бы ближайшего, не выражено отношение к стране, к ее населению — как к созидательной силе. Наличествует определенный диссонанс между внешней, фронтовой, и внутренней, тыловой, ситуациями, как бы он не перерос в очень серьезный между ними разрыв».

М.В. Кулакову (д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ) понравилась идея рассматривать современные события с позиции шахматной игры: если учитывать наше место в мировой экономике, отметил он, мы должны рассматривать себя как игроков после проигранной партии, проигранной в 1990-е гг.; этот проигрыш дорого обошелся и нам, и нашим соседям — бывшим республикам Советского Союза.

И теперь мы вступаем в новую партию: гамбит уже закончился, мы находимся в миттельшпиле. На этом отрезке игры важно не спешить, а тщательно продумывать возможные ходы, чтобы рассчитывать хотя бы на ничью.

Сходство современной политики с шахматной партией М.В. Кулаков продемонстрировал на примере наших политико-экономических отношений с Кубой, которые показывают, как надо и как не надо строить отношения. В прежние времена нашим руководством было сделало многое, чтобы оказаться рядом с потенциальным противником США, чтобы закрепить наши позиции. Во время Карибского кризиса было важно подойти так близко к Соединенным Штатам, чтобы они почувствовали возможную угрозу. По мнению историков, этот урок был весьма существенным, потому что США, будучи в течение длительного времени ведущей экономической и военной державой, привыкли все решать с позиций силы, оставаясь в безопасности.

Но позже, в 1990-е гг., по мнению М.В. Кулакова, мы фактически предали Кубу, отказавшись от реального сотрудничества и даже закрыв радиолокационную станцию, которая покрывала всю территорию США. Он выразил уверенность в том, что если бы это не было сделано, сегодня не было бы ни одной ракеты около России. Мы ушли с рынков оружия, которые были нам абсолютно доступны, и они сразу же были заняты другими производителями соответствующих видов вооружения.

Это партия, в которой мы потерпели поражение. Что делать в новой партии? На Кубе до сих пор остается доброе отношение и к России, и к русским. Они простили нам предательство, потому что наше сотрудничество всегда отличалось от сотрудничества с другими странами доброжелательством, стремлением к взаимопомощи, стремлением поддержать партнера. Но вернуть отношения на прежний уровень не просто. Сейчас наш объем внешней торговли меньше, чем объем торговли с Китаем. Но это другие отношения. В отличие от китайцев, мы всегда давали Кубе шанс, чтобы им это чем-то помогало.

«Поэтому нам сейчас нужно пытаться восстановить отношения там, где они есть, и не потерять отношения там, где мы их завоевали. Потому что складывается ощущение, что мы умеем побеждать, но не умеем пользоваться плодами победы. Не нужно торопиться, не нужно бояться цейтнота. Нужно кропотливо выстраивать наши отношения со всеми, где мы можем сегодня закрепить наши позиции, и сегодня такие возможности есть», — заключил М.В. Кулаков.

В.Т. Рязанов (д.э.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет) согласился с Ю.М. Осиповым, что мы живем в мире, когда происходят не просто перемены, но перемены, приобретающие глобальный характер. Это означает, что трудно себе представить, что ожидает нас в будущем и есть высокая вероятность непредсказуемости событий. Но тем не менее существуют отправные точки, позволяющие обозначить угрозы, которые уже вызрели и с которыми мы сталкиваемся.

Если говорить об угрозах в области экономики, то в первую очередь это проблема незанятости. Проблема занятости, будучи традиционно ключевой проблемой для капитализма, сегодня превращается в проблему незанятости. Необходимо отметить два важных аспекта.

С одной стороны, это проблема безработицы, потому что она обостряется: сегодня в Европе безработица составляет около 10%, но есть страны, где она превышает 20 и 25%.

С другой стороны, это проблема преодоления обязательности труда как побудительной силы, которая принуждает общество и конкретного человека развиваться. Не исключено, что будущее общество

будет обществом, в котором принуждение человека к труду будет устранено. Возникает вопрос: а что тогда будет побуждать человека к самосовершенствованию?

Традиционное мнение, что свободное время — это время, когда создаются предпосылки для саморазвития человека, сегодня уже требует уточнения. В современном обществе свободное время — область зарабатывания денег, область бизнеса, где человек себя достаточно хорошо чувствует. Не случайно именно в этой области сейчас нарастает занятость. И сюда устремляется капитал, которому нужны новые сферы для осуществления прибыльных проектов.

Возвращаясь к первой стороне, проблеме вытеснения труда, В.Т. Рязанов отметил, что всегда считалось, что эта проблема достаточно легко решается, потому что научно-технический прогресс, вытесняя живой труд из одной сферы, одновременно создает новые области, новые сферы, где эта проблема занятости решается. Но сегодня область услуг становится областью внедрения цифровых технологий, автоматизированного способа оказания услуг, и, видимо, этот процесс будет продолжаться дальше. А куда будет вытесняться живой труд в последующие периоды развития? По мнению докладчика, одним из явных примеров является розничная торговля: именно розничная торговля выступает главной областью частнопредпринимательской деятельности. Например, в России в сфере торговли занято 12 млн работников. Но в настоящее время в США торговые площади в три раза превышают необходимые для реализации тех функций, которые эта сфера выполняет, 40% розничного оборота осуществляется через интернет, и цены в интернете на 30% дешевле, чем в розничной торговле. В Китае в универмагах покупателей почти нет, а цены на продукцию в значительной степени выше, чем у нас. Куда же дальше будет двигаться рабочая сила?

Как решить проблему увеличения незанятости? В заключение В.Т. Рязанов представил несколько путей решения этой проблемы в разных странах:

1. Введение безусловного базового дохода, который означает, что каждый гражданин страны или общества получает гарантированный доход, который разрывает связь его благосостояния с его участием в сфере производства. Сейчас эта модель применяется в качестве эксперимента в Финляндии: 2000 безработных получили безусловный базовый доход 560 евро, суммы не очень большой, но существенной. Эмпирически проверяется, как изменится поведение человека, к каким это приведет последствиям с точки зрения экономического поведения.

2. Сокращение продолжительности рабочего дня. Еще в 1931 г. Дж. Кейнс предлагал сокращать рабочий день. По его прогнозам, к

2030 г. рабочий день будет длиться 3 часа, рабочая неделя — 15 ч. По его мнению, это предполагает устранение принуждения к труду и перестроение системы ценностей человека — его ориентация на саморазвитие, которое будет превалировать над идеей потребительского отношения к жизни.

В Швеции сегодня проходит эксперимент с вариантом перехода к 30-часовой рабочей неделе. В США предлагалось введение двухмесячного оплачиваемого отпуска для всех работников.

К.А. Зимарин (д.э.н., генеральный директор, RCB Bank Ltd.) обратил внимание на то, что сегодня в российско-европейских отношениях на первый план вышел вопрос санкций. Международная напряженность, которая выродилась если не в открытый конфликт, то в противостояние двух систем, уже с одним общественным строем, результировалась в применение санкций самого разного типа. И в теории, и на практике их делят на два основных типа: персональные санкции и экономические санкции.

Экономические санкции, по мнению К.А. Зимарина, тоже можно разделить на два типа: финансовые, или секторальные, санкции и санкции полного запрета на ведение операций, которые на бизнес и хозяйственную деятельность особого влияния не оказывают. Просто ряд предприятий, отраслей вырезаны из международной кооперации по отношению к европейским партнерам. Это не особенно критично.

В отличие от этого финансовые санкции значительно ограничили доступ российских, прежде всего финансовых, институтов к возможности привлечения дополнительного финансирования. «Это, конечно, не рыночные методы конкуренции, это не тарифное регулирование, но мы находимся там, где мы находимся» — подчеркнул докладчик.

Последствия от всего этого комплекса санкций следующие:

- снижение эффективности бизнеса, эффективности экономической деятельности: так удорожание привлекаемых средств приводит к удорожанию кредитов, усложнению организации процесса воспроизводства и т. д.; по некоторым оценкам, Россия потеряла 1 или 2% экономического роста от введения санкций;
- значительное изменение условий хозяйствования: значительное снижение деловой активности, особенно внешнеторговой деятельности, международной экономической деятельности, так как появился такой дополнительный фактор, как оценка возможной санкционности любой сделки, который не ускоряет и не удешевляет ведущийся бизнес.

К.А. Зимарин обратил внимание, что российский бизнес за последние 30 лет был достаточно широко представлен в Европе. Россия активно включилась за это время в международное разделение труда:

российские нефтегазовые, сталелитейные, финансовые компании активно представлены в Европе, активно ведут операции, в некоторых странах они даже являются лидерами бизнеса. До введения санкций российские компании легко вели бизнес в Европе, никаких особых сложностей не испытывали. Россия за это время стала гораздо более открытой страной, значительное количество россиян постоянно или временно проживают за рубежом, сформировались общины, во многих странах существуют русские газеты и телевидение.

За последние четыре года под санкциями произошли значительные перемены. С одной стороны, ведение бизнеса не изменилось: налоговая база осталась прежней, нормы и законы остались те же, они едины для всех, одинаково применяются к различному бизнесу. Но поменялась опционность. Это стало удобным средством, которое позволяет настаивать на завершении отношений, на сворачивании целого ряда операций, на снижении возможности ведения бизнеса с компаниями, расположенными в России. Сегодня в каждом европейском банке существует требование особых мер, предпринятых в случае введения санкций против партнеров и самого банка.

Отвечая на традиционный вопрос «что делать?», К.А. Зимарин рассматривает два возможных пути.

1. Бизнес сворачивается, значительно уменьшается в размерах или просто уходит.

2. Часть бизнеса остается и принимает новые правила — безусловно это новая эпоха, когда необходима стратегия выживания для тех, кто продолжает вести бизнес в Европе.

«В итоге мы находимся в интересном периоде, в той части цикла, когда видим сворачивание присутствия русского бизнеса за рубежом. Когда-то будет следующий этап. Поэтому необходимо сохранить навыки, умения, присутствие, которое необходимо, потому что Европа — это колоссальный рынок, интересный, перспективный. Основной задачей является пережить это тяжелое время и дождаться лучших времен», — заключил К.А. Зимарин.

А.Ю. Архипов (д.э.н., профессор, Южный федеральный университет), характеризуя этап, который мы сейчас переживаем, подчеркнул, что налицо резкие, быстрые перемены. Еще два года назад никто не мог сказать, что отношение к ВТО, либерализму в торговле столь резко изменится, что от ВТО переметнутся к торговым войнам. В США осталась группа, которая продолжает ратовать за глобализацию, но уже преобладают силы, ратующие за изоляцию. Надо быть готовыми к тому, что от идеи общей глобализации мы будем идти в сторону формирования крупных региональных центров.

В новой ситуации значительно увеличилась роль Китая, который тоже начинает поддерживать некоторый экспансионизм. Интересно трансформируется роль Европейского союза.

По мнению А.Ю. Архипова, для России сейчас важно больше заниматься нашим интеграционным объединением — ЕАЭС, СНГ. Но результат будет только тогда, когда мы покажем, что наша экономика эффективна, что у нас получается. И к нам потянутся. Конечно, если темпы роста экономики будут 1,5—2% в год, ничего не удастся изменить кардинально. Необходимый рост 6—8% в год возможен, известны пути каким образом это можно достигнуть, например, развивая внутренние проекты.

В настоящий момент аналитики отмечают улучшение инвестиционного климата. По оценке Агентства стратегических инициатив, со 120-го места Россия переместилась на 31-е. Другое дело, как это отражается на ведении бизнеса. Сейчас в каждом регионе должна быть организация, которая следит за расширением бизнеса, способствует привлечению инвестиций. Привлекаются известные фирмы: «Пепси», «Сименс», в которых бизнес отработан, результаты известны. При этом наши компании, ориентированные на выпуск аналогичной продукции, не продвигаются. Этим нужно заниматься, несмотря на то, что технологизировать свои научные разработки гораздо сложнее. Тяжело у нас объединяются наука с бизнесом. А трансфер технологий — одно из важных направлений развития. Только тогда, когда будет движение-развитие, появится к нам интерес, наши объединения станут более эффективными, и место России в новой мировой архитектуре будет более определенным, подытожил А.Ю. Архипов.

В.В. Кашицын (к.э.н., профессор, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова) обратил внимание на то, что «мир стоит на пороге перехода к новой системе координат, что связано с доминирующим новым шестым укладом; с реструктуризацией типов взаимодействий между традиционными пятью укладами, которые продолжают существовать и использоваться во всех экономиках; с реструктуризацией существующих экономических группировок и союзов. Сейчас идет поиск новых инвариантов реструктуризации рынков, сопровождающийся поиском новых критериев, новых фигур экономического взаимодействия».

По мнению В.В. Кашицына, этот процесс, связанный с огромным количеством обстоятельств, будет усиливаться в ближайшие годы, и если он будет совмещен с нашими внутренними изменениями макроэкономической конструкции реализации внешней и внутренней экономической политики, мы столкнемся с серьезными системными измене-

ниями, которые предполагают переоценку нашего традиционного взгляда на то, что и насколько эффективно мы делаем.

Основным критерием эффективности управления и регулирования является системный подход. Регулятивные факторы делятся на системные и внесистемные. Способ решения наших концептуальных проблем, который почти уже утвердился, опасен для любого понимания и трактовки системы эффективности: ни в чем не разобравшись, мы все бросили и стали все делать наоборот, общие проблемы были поставлены на второй план по отношению к частным, в результате чего проблемы появляются быстрее, чем их решение.

Если с этой точки зрения посмотреть на сегодняшний день, то мы увидим, что возрастает необходимость оценки реформ, произошедших за последние 30 лет. Без этой оценки невозможно двигаться вперед, потому что нет никаких критериев оценки эффективности. При этом общество поляризуется, расставляя свои акценты в оценках происходящего.

Для ответа на вопрос: «У нас системный кризис управления или какая-то деформация, которую можно как-то подправить и сохранить?» — докладчик предлагает посмотреть:

- как принимаются решения, исходя из каких соображений, в условиях возрастания объема задач, которые решаются вне официальной системы механизма утвердившейся генерации принятия решений;
- в высшей школе последние тридцать лет проводится политика формализации решения проблем, связанных с образованием, нигде не декларированная, не прописанная, которая абсолютно не совместима с тем типом экономики, который реализуется в современном хозяйстве. Создаются точечные механизмы для решения проблем, т. е. доминируют внесистемные способы решения системных проблем, самый неэффективный в управлении механизм формализации решений и их разрешений.

Если мы не предпримем серьезных смысловых усилий по самопознанию, самооценке того, что происходит в экономике и в обществе, у нас не будет конкурентных преимуществ при встраивании в новую архитектуру модели мирового хозяйства. И объединения, которые мы будем создавать, будут относиться к нам с недоверием, потому что любой партнер или союзник должен быть прогнозируем.

Фактически сейчас формируется благоприятный набор факторов, чтобы выйти на лидирующие позиции по всему спектру инновационных продвижений, но нам не хватает ясности, не хватает принципиальных базовых основ для общественного договора, для понимания друг друга в обществе: что мы делаем, какие у нас ценности, каковы их соотношения, приоритеты, куда мы собираемся двигаться. И в бли-

жайшее время, по мнению В.В. Кашицына, должны быть предприняты мощные усилия по прояснению принципиальных базовых оснований, в которых мы находимся и собираемся дальше действовать.

Завершая дискуссию, **Ю.М. Осипов** подчеркнул, что сейчас самое главное — осознание происходящего и всех связанных с ним рисков. Нужен новый концептуализм, любой старый уже не работает — ни научный, ни религиозный. Сейчас совершенно другая ситуация. «Все, что знает человечество о мире и о себе, летит в тартарары. Концептуальная наука существует уже более всего ради самой себя. Онтос, как выясняется, совсем другой, он не прочитывается тем Гнозисом, которым мы располагаем. Идет не война цивилизаций, а война миров, меняются все критерии бытия, надвигается глобальное самоотрицание человечества. Нужен новый Гнозис, но не столько как познание, а сколько как осознание.

Идет и концептуальная война. Потребен новый концептуализм, который нам нужно разрабатывать. Новые концепции разрабатываются в США, в Китае. А где концепт России? России не существует как предмета концептуального познания и осмысления, как исторического феномена, как идеи. Что такое Россия, русский мир, русский дух? Этим надо серьезно заниматься, ибо это вопрос жизни и смерти.

Концептуальный поиск сейчас — самое главное. Тот, кто будет иметь свой концепт, кто будет осуществлять концептуальное управление, тот, возможно, и победит в общемировой большой игре и обретет благоприятный для себя эндшпиль», — заключил Ю.М. Осипов.

*** * ***

7 декабря 2018 г. состоялось ежегодное общее собрание Академии философии хозяйства, посвященное 30-летию лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ. С приветствием обратился декан экономического факультета, д.э.н., профессор А.А. Аузан. На собрании выступили доктора наук У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), К.А. Зимарин, С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, М.В. Кулаков, В.М. Кульков, Г.Р. Наумова, А.З. Новак (Варшава, Польша), А.А. Погребняк (СПб.), Л.И. Ростовцева (Тула), В.Т. Рязанов (СПб.), А.Ф. Сажин, В.В. Смагина (Тамбов), В.В. Чекмарев (Кострома), И.Ю. Фомичев (Тюмень), Н.Б. Шулевский, С.П. Юхачев (Тамбов); кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), А.Н. Клепач, И.В. Кузнецова.

Е.С. ЗОТОВА

Лаборатории философии хозяйства — 30!

Аннотация. Представлен обзор выступлений на ежегодном собрании Академии философии хозяйства, посвященном 30-летию лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Показаны результаты деятельности лаборатории и ее руководителя — Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: философия хозяйства, лаборатория философии хозяйства, софиасофия, научные школы, Ю.М. Осипов.

Abstract. The article presents a review of performances at the annual meeting of Academy of National Economy devoted to the 30 anniversary of laboratory of philosophy of economy on Faculty of economics of Lomonosov Moscow State University. The article shows results of activity of laboratory and its leader, Yu.M. Osipov.

Keywords: philosophy of economy, laboratory of philosophy of economy, sophiasophiya, schools of sciences, Yu.M. Osipov.

На ежегодном собрании Академии философии хозяйства 8 декабря 2018 г. состоялось торжественное заседание, посвященное 30-летию лаборатории философии хозяйства, на котором были подведены итоги многолетней деятельности лаборатории и ее руководителя — Ю.М. Осипова, и обсуждены планы на будущее. С основным докладом «Тридцатилетняя мистерия» выступил заведующий лабораторией философии хозяйства д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов**.

«Основанная в 1988 г. по моей инициативе при поддержке экономического факультета (В.П. Колесов) и с согласия МГУ (А.А. Логунов) по линии Государственного комитета СССР по науке и технике в виде проблемной лаборатории (тогда высшего институционального уровня), сначала как *лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов*, затем ставшей в 2000 г. *лабораторией философии хозяйства* (В.П. Колесов, В.А. Садовничий), когда в недрах ЛСАХМ возникла и была официально утверждена **научная школа философии хозяйства**, проделала за 30 лет огромную, полную вполне мистериального драматизма, работу, плоды которой необычайно велики, разнообразны, содержательны и воистину оригинальны.

Перечислить все проделанное лабораторией невозможно: от примечательного вклада в фундаментальную и аналитическую экономию и разработки основ современной философии хозяйства до не менее значимого вклада в методологию познания и осмысления реальности, в онтологический концептуализм, в новое, неометафизическое в

основе, мировоззрение. Продолжая и развивая софийную традицию русской философии конца XIX и всего XX в., дойдя до открытия *софиасофии*, лаборатория предложила *иной гнозис* и предпочла *иное видение и понимание онтоса*. Причем разного онтоса: экономического, политического, государственного, культурного, цивилизационного, исторического, современного, мирового, национального, советского, российского, текущего, но при этом явленного и сокрытого, видимого и невидимого, материального и духовного, реального и ирреального, имманентного и трансцендентного, в общем — любого.

Лаборатория — *иной очаг иного*, что далеко не всем понятно, приемлемо и по нраву, но это — *так*! Аналогов лаборатории нет и вряд ли когда-либо будет! Есть непонимание содеянного лабораторией, его неприятие, отрицание, отвержение, есть даже поверхностная, огульная, недобросовестная критика, но нет ни одного сколько-нибудь обоснованного опровержения чего-либо из сотворенного лабораторией. В ходу более всего стоическое молчание, замешанное на незамечании. Разумеется, есть и понимание, и поддержка, и участие, и позитивная оценка. Мы вовсе не одиноки, вокруг нас целое сообщество сомышленников, не говоря о великом множестве авторов и читателей выходящего вот уже два десятка лет из недр лаборатории журнала "*Философия хозяйства"*, необозримом количестве участников многочисленных и разных по формату научных форумов, проводимых лабораторией. Мы хорошо известны, мы в немалом авторитете, хотя, быть может, более за пределами родного университета, по России, за границей, чем в родных пенатах. Я не сетую, а просто констатирую! Без такой констатации не понять такого феномена, как наша лаборатория, которая вовсе не просто лаборатория, даже не институт — это *энциклопедического уровня очаг национальной и мировой гуманитарной мысли.*

Мы хорошо знаем, что мы такое на самом деле, что мы фактически сделали и чем можем уверенно гордиться, а именно — *иной мыслью*, большой и разнообразной, как раз той самой мыслью, которой не может не жить думающий человек рубежа XX и XXI вв., но которую очень почему-то опасается признавать официальная наука, не говоря уже об официозном паранаучном истеблишменте.

Лаборатория — *уникальный мыслеизъявительный феномен*, но, замечу особо, он мог статься и реально стался не где-нибудь, а именно в Московском университете, бытующем в мистическом городе Москве — столице великой и тоже мистической державы — России, явившемся аж в середине XVIII в. в центре Москвы по соседству с мистическим Кремлем, а с некоторых пор поселившемся на мистической городской вершине, а потому и мистически парящем над Москвой, пирамидально отстроенном и устремленном своей уже собственной пиковой вершиной к Небесам, в Космос, в Иное! Да, именно в России,

именно в Москве, именно в Московском университете, носящем имя великого и тоже мистического М.В. Ломоносова!

Отсюда искренняя признательность — что коллективная, что моя личная — Московскому университету, ректорату, экономическому факультету, иным подразделениям МГУ, а также всем людям университета — как признающим и поддерживающим лабораторию, с ней сотрудничающим, так и, наоборот, по каким-то мотивам ее недолюбливающим, даже и отрицающим, да-да, искренняя признательность за возможность возникнуть, работать, творить, развиваться и в конце концов — *состояться*, а также сердечная благодарность всем людям, учреждениям и организациям в России и за рубежом за разнообразное сотрудничество и прямое участие в делах лаборатории, за понимание и поддержку ее творческих инициаций, ее разнообразной деятельности, ее своеобразия, как и вполне мистериальной судьбы!». Vivat! — воскликнул Ю.М. Осипов.

Мне хотелось бы объяснить мое внутреннее отношение к тому, что делают Ю.М. Осипов и его лаборатория, сказал декан экономического факультета МГУ, д.э.н., профессор **А.А. Аузан**. Научные школы — это главный и специфический университетский актив. Мне кажется, научные школы — главная надежда на понимание мира. Соглашусь с Юрием Михайловичем, что научная форма познания уже преодолевается, а новая, может, еще не установилась, и мы должны дать себе отчет, что именно поэтому мы мало что можем сказать с большой уверенностью. И это следствие чрезвычайно важно и для факультета, потому что экономический факультет был, есть и будет кадровой кузницей элит, которые управляют Россией и некоторыми сопредельными государствами. И когда эти элиты выходят в мир, мы сейчас не можем им сказать, что есть такой вот единый верный взгляд, способ, освоив который они будут замечательно управлять, потому что это не так, и история опять будет «вилять», и будут возникать новые вызовы…

Единственное, что мы можем сейчас сделать, — показать палитру возможных подходов и взглядов нашим студентам, которым предстоит потом решать большие задачи. Но показать палитру не в том смысле, чтобы открыть учебник, пролистать и сказать: школы бывают «такие, такие и такие». Важно ведь еще понимать, как их использовать, куда двигать, как развивать…

В этом смысле, говоря о научной школе Ю.М. Осипова, обращаясь к трудам лаборатории, к тому, что существует вокруг них, отметим два очевидных признака, очень важных для жизни Московского Императорского, ордена Ленина, ордена Трудового Красного знамени университета: первое — их очевидная небанальность, нетривиальность, это точно не вторично, не третично, не переписано в сороковой раз из известных высказываний, второе — это не просто «чаю попить» с други-

ми такими же (единомышленниками), это проверено многочисленными общениями с разными людьми, у которых имеются разный опыт, разные интересы, разное образование… И то, что вокруг этой научной школы присутствует такое интеллектуальное «свечение», которое привлекает многих — людей с разными взглядами — и мотивирует их говорить про важные вещи и как-то осмысливать происходящее, весьма значимо для нашего факультета. И я поздравляю лабораторию и Юрия Михайловича прежде всего с тем, что они являют такой магнит, вокруг которого образуются «поля», в которых вываривается не просто понимание будущего, но и само будущее.

Это — не единственный центр такого рода на факультете, и было бы очень плохо, если бы он был единственным. У всех наших факультетских научных образований свои лица, они не похожи друг на друга. И я как декан, сказал бы, что поскольку мир так разнообразен — мы по-разному видим, по-разному воспринимаем — мы способны делать гораздо больше, чем если бы пользовались одинаковым способом познания, одинаковыми подходами. «Поэтому, друзья мои, здорово, что лаборатория философии хозяйства со своим нетривиальным лицом существует! Это так круто! Уверен, что и дальше она будет существовать и двигаться дальше — и это уже такая органическая жизнь определенного понимания, человеческого движения вокруг магнита научной жизни. Хорошо! Мы все порадуемся! И еще раз поздравим — теперь уже не от ректора, не от декана, а от себя, вашего бывшего студента, Юрий Михайлович, — вас, всех сотрудников лаборатории с тридцатилетием, с заслуженными (я бы сказал, заслуживающими большей степени) наградами, которыми бы хотелось выразить свое доброе отношение, и успехов вам!» — пожелал А.А. Аузан.

«Лаборатория отличается совершенно другим взглядом на экономическую жизнь и даже в целом на жизнь, — заметил к.э.н., доцент **А.Н. Клепач** (экономический факультет МГУ). — Важно, что наряду с тем традиционным экономическим анализом, которым занимаются большинство экономистов, здесь не забывают о некоторых действительно высших смыслах и ценностях, которые движут миром».

С одной стороны, может, и важно, что экономическая наука стала во многом математической, технической, но это и определенная потеря, потому что за всем этим исчезает человек, исчезают его душа, те ценности, которые движут и вообще человеческой жизнью, и экономикой. Мне кажется важным, что лаборатория — не просто школа, связанная с личностью Ю.М. Осипова, потому что школа — это не только знания (ведь с точки зрения традиции учитель делится как бы своей личностью, своим духом со своими учениками, а не только знаниями), это место, где действительно есть возможность думать о высшем, думать о тех ценностях, которые есть в этом мире, о том, что вообще

означает быть человеком, как наша мирская жизнь связана с божественным, что такое время, что такое вообще человеческая судьба, — и все это применительно к тому, как живет Россия и как живут мир и наша экономика. Мне кажется, что это — один из самых важных уроков деятельности Ю.М. Осипова и его лаборатории. Для меня лично общение с Ю.М. Осиповым — то, что развивается в рамках лаборатории — позволяет найти пути, как в современных условиях не расчеловечиться окончательно, подчеркнул А.Н. Клепач.

За тридцать лет, сказал д.э.н. **К.А. Зимарин** (RCB Bank Ltd.), сделано много: создана большая школа, воспитаны ученики, есть признание в научном мире. Мне кажется, что Ю.М. Осипов являет собой пример научного подвижничества, настоящего, бескорыстного искреннего служения науке — в ее абсолютном, чистом проявлении. Он занимается поиском той истины, которая недостижима, но поиск которой необходим, чтобы человечество двигалось дальше, а не оставалось только в рамках привычных парадигм, чтобы действительно мы могли выйти за рамки той привычной ежедневной экономики, которой занимаемся, той практики, которая хорошо известна, за горизонты, которые сегодня оказываются горизонтами познания, горизонтами научной мысли, заключил К.А. Зимарин.

Непростые были последние три десятилетия для нашей страны, заметил в своем выступлении д.э.н., профессор **А.Ю. Архипов** (ЮФУ), — распался Советский Союз, сложно, противоречиво формировалось новое российское государство, обретало себя, свое место в современном мире. И все эти годы осмыслением идущих процессов, прогнозами социально-экономического развития на уровне глобальном, ментальном занималась небольшая научная единица экономического факультета Московского государственного университета — лаборатория философии хозяйства, возглавляемая доктором экономических наук, профессором Юрием Михайловичем Осиповым.

Вокруг лаборатории, Центра общественных наук постепенно сформировалась группа единомышленников, научное сообщество, — организованное в Экономико-философское ученое собрание, затем в Академию философии хозяйства, в которую вошли ученые со всей страны, из-за рубежа. Лидеру этого сообщества — Юрию Михайловичу Осипову — удалось выразить, сформулировать, вновь ввести в оборот такие понятия, как Великая Россия, Российская империя. Когда они им выдвигались в наше время впервые, это звучало немыслимо. Но были услышаны, восприняты, в том числе и властью, обществом, постепенно входили в нашу жизнь. Наконец, и в реальности появилось возвращение к России. Немало трудностей, препятствий в движении по этому пути. Кажется, весь мир ополчился против этой новой России. И сна-

ружи, и внутри. Но важно продолжать это движение, не останавливаться.

В рамках лаборатории, научного сообщества сформировалась целая литература по философии хозяйства: многотомная «Экономическая теория на пороге…», затем «…в XXI веке», «Антология современной философии хозяйства», «Ренессанс философии хозяйства», «София. Сто лет русской философии хозяйства» и многое другое. Сформировано направление в науке, берущее начало в философии хозяйства С.Н. Булгакова, но пошедшее дальше, по-своему, в Новое время. Междисциплинарное. В него входят экономисты, философы, историки, социологи, политологи, психологи. Важно продолжать, укреплять, развивать это научное направление, способствующее осмыслению современных экономических, социальных процессов. Многие лета лаборатории, ее основателю и руководителю Ю.М. Осипову! Новых свершений, прозрений, пожелал А.Ю. Архипов.

Лаборатория философии хозяйства, сказал д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский гуманитарный институт ВолГУ), — уникальный проект, не имеющий аналогов в современной обществоведческой науке, объединяющий ученых России и зарубежных стран в разработке философско-хозяйственных, теоретико-экономических и социохозяйственных проблем. Преодолевая соблазн лести, а по большей части недопонимание и недоброжелательство, ее бессменный руководитель Ю.М. Осипов, человек-эпоха, сумел создать настоящее научно-экспертное сообщество из ученых разных научных направлений, исследующих не только мировоззренческие вопросы — как онтологические, так и гносеологические — но и социохозяйственную реальность, как она есть. Результаты многогранных исследований лаборатории в последние годы находят все большее понимание, вместе с пониманием апокалиптичности и трансцендентности глобальных процессов и российских реформаторских усилий. Особо ценными являются прогностические результаты, использование которых позволяет увидеть хоть какую-то прогрессивную траекторию движения в этом хаосе. Поэтому лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова была, есть и будет! — заключил М.М. Гузев.

Истина познается в деталях, сказала проректор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, д.э.н., профессор **В.В. Смагина**. «Хроника тридцатилетия лаборатории формирует правдивую, незаурядную историю в философии хозяйственных размышлений о быте человека и человечества. Пожалуй, немногим удалось проникнуть в глубину метафизического понимания мира-физиса». В заключение В.В. Смагина выразила надежду, что мировоззренческое проектирование российского общества будет основываться на человеке неометафизиса в понимании Ю.М. Осипова.

«Любой юбилей — это не просто нарушение хода опостылевших обыденных событий. Нет! Юбилей — это прежде всего метафизическое со-бытие, в котором на миг прерывается мрачно ничтожащее линейное время и происходит встреча юбиляра со своей первопричиной, со своим вечным смыслом, с основным вопросом своего бытия», — сказал д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ). «Юбилей — это встреча с вечностью и отчет перед ней за свои благие дела несделанные и пагубные дела сделанные. Обнаруживая парадокс — чем больше знаем экономику, тем меньше понимаем ее, — нужно признать, что мы достигли границы, за которой начинаются неизвестная ранее реальность, новые концепции, методы, язык исследования. Преодолев смысловое несоответствие старого знания и новых реалий, заявляющих о себе парадоксами, мы сегодня обретаем совершенно новую мудрость — софиасофию. А умножение экономистов ускоряет ход финансовых кризисов, скорби народной, рост непонимания и безумия, грозящую катастрофу».

В 2018 г. исполняется 30 лет лаборатории философии хозяйства. И в ее лоне возродилась, возмужала и заплодоносила философия хозяйства (а с нею и *полилектика*, и *софиасофия*), а она сама стала смысловым конструктором, работающей идеей мира Иного, его Меры и Справедливости. Лаборатория вместе с Центром общественных наук создали Академию философии хозяйства, взрастили свой ваковский журнал.

«Сегодня человечество вступает во мрак вселенский ночи. А во мраке видит путь только мудрость, сознающая свою мудрость, свои права, свою мощь и свою миссию — спасти ум и сознание от мрака, облаченного в искусственный свет. Поэтому лабораторию, созданную ею ноосферу, ее прорыв стены абсолютного мрака Великой Неизвестности может выразить только методология мифа, ибо не мифы находятся во мраке, а мрак — в мифах, завися от их тайного огня…

Только миф может точно рассказать о духовном подвиге ЛФХ, о Ю.М. Осипове — лидере смыслов, противостоящих мраку», — подчеркнул Н.Б. Шулевский.

Уже тридцать лет лаборатория философии хозяйства под руководством Ю.М. Осипова возвращает всех, кто оказался в зоне ее внимания и влияния, к основным смыслам отечественного гуманитарного мировидения, говорит о важности гуманитарного пространства для суверенного бытия России, ее образовательной системы, ее самопознавательного процесса, отметила д.и.н. профессор **Г.Р. Наумова** (исторический факультет МГУ). А ведь гуманитарии уже привыкли к тому, что о значении гуманитарных ценностей сегодня говорит кто угодно, но только не они…

Научно-исследовательская лаборатория, имеющая первоначально целью предложить на базе сравнительного анализа существующих

хозяйственных механизмов приемлемый вариант для нашей страны оказалась в связи с революционными событиями в 1990-х гг. вновь перед чистым листом бумаги, заметил д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт управления РАНХиГС). Ничего подобного этому ни в настоящем, ни в обозримом прошлом не обнаруживалось. Пришлось начать с главного — с самого хозяйства. Оказалось, оно много шире, представляет собою диалектическое единство экономики и общественного сектора любой страны, включая РФ. Но есть и специфика, неповторимая российская индивидуальность: содержательная сторона хозяйства РФ связана не с экономикой, а с общественным сектором. Выявление этой и других особенностей стало возможным благодаря обращению к философии, точнее, к русской философской мысли, которая и вывела к философии хозяйства. Проблемы «отцов и детей», замеченные И.С. Тургеневым, в рассматриваемом аспекте разрешимы. Бесценное наследство «отцов» обнаружено, попало в нужное время в надежные руки, которые начали и попытаются далее извлекать из него пользу для Отечества, подчеркнул профессор Бугаян.

Парадигма любой отдельно взятой науки, сказала д.э.н., профессор **Г.А. Родина** (Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве РФ), слишком узка, чтобы понимать современные трансформации; площадкой, апробирующей результативность прорывов за предметные области, и стала лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Она, как магнит, притягивает в свою сферу экспертов, которые осознают и проявляют свою гражданскую ответственность за развитие научной обществоведческой базы, являясь собирателем и распространителем социально значимой информации и тем самым — ростком гражданского общества как самопроявления свободных исследователей.

«Сергей Николаевич Булгаков определил задачу философии хозяйства как критику экономизма, — отметил в своем выступлении к.э.н., доцент **А.А. Погребняк** (философский факультет СПбГУ). — Через сто лет после этого — сегодня — экономизм достиг небывалого размаха и как форма мысли, и как устройство реальности: экономика превратилась в теорию и практику управления бытием в космическом масштабе, все сущее измеряется, оценивается, подчиняется контролю “эффективного менеджмента. Экономизм, правда, выступает не в голом, а “одетом” виде: одежда может быть любой — от либерализма до консерватизма, от радикального атеизма до религиозного фундаментализма — суть дела не меняется. Суть эту сегодня видят и обсуждают лучшие умы — например, итальянский философ Джорджо Агамбен. Но у нас, в России, за тридцать лет оформилось целое *движение*, вызванное к жизни работой лаборатории философии хозяйства и трудами ее основателя и руководителя — Юрия Михайловича Осипова. Умение

интуитивно улавливать и концептуально оформлять то, что в отношении экономики выступает как Иное, как трансцендентное; показывать, что это не туманная мистика, но всегда подразумеваемая, хотя редко когда признаваемая альтернатива существующему режиму хозяйствования с его насаждением дефицита и культом эффективности — вот, пожалуй, самое главное, что принесла возрожденная философия хозяйства в нашу мысль и в наше бытие».

Прежде всего, лаборатория философии хозяйства в течение тридцати последних лет была уникальным организационным образованием, реализующим оригинальный исследовательский проект, не имеющий аналогов в мире, заметил д.ф.н., профессор **И.Ю. Фомичев** (Тюменский индустриальный институт). Особо хочется отметить, что в силу широты и разнообразия предметного поля философии хозяйства продуктивная деятельность лаборатории придала новый (интегративный) смысл индивидуальным исследованиям, ранее внесистемным. Вообще, генерация новых смыслов стала отличительной чертой научной деятельности лаборатории, подытожил коллега из Тюмени.

* * *

7 декабря 2018 г. **Смагина Валентина Викторовна** за большой вклад в развитие университетского образования и плодотворное участие в деятельности Центра общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова награждена медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

* * *

В декабре 2018 г. почетными членами Академии философии хозяйства стали: к.э.н. А.Ф. Сажин, к.э.н. И.В. Простаков; действительными членами Академии философии хозяйства стали: д.ф.н. Д.С. Клементьев, к.ф.н. Т.И. Коптелова (Нижний Новгород), к.э.н. Н.П. Недзвецкая, к.с.-х.н. С.С. Нипа, д.э.н. С.С. Носова, к.э.н. Е.А. Сенаторова, Т.С. Сухина; членом-корреспондентом — А.А. Субботин.

АНОНСЫ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

«Гуманитарная мысль перед вызовом, под прессом и через призму цифрующейся реальности»

Цифра осваивает гуманитарную реальность, а цифрующаяся реальность атакует гуманитарную мысль, ставя ее, с одной стороны, на техногенный конвейер, а с другой — требуя от нее новой, весьма уже тоже технотронной, гносеологии. Что теперь гуманитарная мысль: отражение и дознаватель хомоса или же служанка и распорядитель техноса? Что с «гуманитаризацией» бытия: эволюция, революция, трансгрессия?

19 марта 2019 г.
(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

*** * ***

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2019

Экономические отношения в условиях цифровой трансформации

Секция лаборатории философии хозяйства

«Цифровой императив и новейшая экономика: практика и концепты»

Техногенная цифровизация все более внедряется в экономику, изменяя не только механизмы ее реализации, но и саму ее суть. Что реально происходит на практике и какие приходят на ум новые концептуальные разрешения?

Апрель 2019 г.
(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

*** * ***

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
(российско-польский симпозиум)
на тему:

«Экономика и менеджмент в эпоху вездесущей цифры»

Что нового вносит глобальная цифровизация в экономику и менеджмент: концепты, механизмы, практика. Революция? Судьба экономики и экономического менеджмента: трансформация или трансгрессия?

Апрель 2019 г.
(Варшавский университет, факультет управления)

*** * ***

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
на тему:

«Идеология актуальной России: традиция и новизна»

Россия уникальна, это не только особая страна и не просто специфический мир, это еще и большая трансисторическая идея, воплощающаяся и в своеобразной идеологии. Какова же она теперь — идеология актуальной России, та самая идеология, которая отражает, служит, ведет? Как в ней сочетаются традиция и новизна, какая при этом традиция и какая же новизна?

21 мая 2019 г.
(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

*** * ***

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера»

Перемены в мире и в России: общее и особенное. Вызревание перемен, их осознание, реальный ход и фактические итоги: что и как? Потребности, императивы, разрешения и неразрешения, риски, новейший социохозяйственный портрет России. Количественная и качественная динамика. Что же на повестке: перемены в России или перемена самой России, ее концепта — ради перемен в России, но чьих и для кого?

Секции:

1. Концептуальная Россия в координатах мировых перемен.
2. Изменяющаяся Россия: социум, экономика, технос.
3. Управление переменами: намерения, практика, концепты.

4—6 декабря 2019 г.
(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,
доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(osipov.msu@mail.ru).*

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,
доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(profvmk@mail.ru).*

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия *(koptelova2210@rambler.ru).*

ШАЧИН СВЯТОСЛАВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социальных наук, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия *(s_shachin@mail.ru).*

КОЖЕВНИКОВ ВЯЧЕСЛАВ ПОРФИРЬЕВИЧ,
доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород, Россия (*ksyushunchik@mail.ru*).

СЕЛИВАНОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия *(seliv21@mail.ru).*

СТАРОВОЙТОВ ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ,
доктор экономических наук, директор, Центр мониторинга и оценки экономической безопасности Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия *(vladstar1953@yahoo.com).*

ТРОШИН ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия *(giopup2@yandex.ru).*

ТРИФОНОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
кандидат экономических наук, доцент, кафедра бухгалтерского учета и финансов, Норильский государственный индустриальный институт, Норильск, Россия *(peopleproperty@mail.ru).*

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия *(kut.va@mail.ru).*

ОПОЛЕВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ,
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), Омск, Россия *(pvo-sinergetica@rambler.ru).*

КАРАМЫШЕВ ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ,
аспирант, кафедра онтологии и теории познания, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(Karamyshev.RF@yandex.ru).*

ИЛЬИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
аспирант, кафедра философии, политики и права, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(korablevrr@mail.ru).*

АТАЯН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат философских наук, преподаватель, кафедра философии и методологии экономики, экономический факультет; ведущий специалист, Управление дополнительного и непрерывного образования, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(vvatayan@mail.ru).*

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,
доктор философских наук, доцент, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(rodzinskiy66@mail.ru).*

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ПАТЫРБАЕВА КСЕНИЯ ВАДИМОВНА,
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия *(philosmatem@mail.ru).*

МИТРОХИНА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА,
аспирант, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(baturinamm.siberia@gmail.com).*

АНДРЕЕВ АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр; Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия *(sympathy_06@mail.ru).*

СЕЛИВАНОВА ЗУХРА КАДИМОВНА,
кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия *(zoi75@bk.ru).*

РОСТОВЦЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА,
доктор социологических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Тульский филиал), Тула, Россия *(rostovtsevali@mail.ru).*

ГЕЛЬФОНД МАРИЯ ЛЬВОВНА,
доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Тульский филиал), Тула, Россия *(mlgelfond@gmail.com).*

МИРОШИНА ЕВГЕНИЯ ЮРЬЕВНА,
кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Тульский филиал), Тула, Россия *(Evgeniya-1808@yandex.ru).*

ФЕОДОСИЙ (ВАСНЕВ),
митрополит Тамбовский и Рассказовский, кандидат богословия, магистр теологии, Тамбов, Россия *(troveo@mail.ru*).

ИВАНОВА ВЕРА НИКОЛАЕВНА,
аспирант, Федеральный социологический центр РАН, Москва, Россия *(vn_ivanova@mail.ru).*

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор политических наук, профессор, научный сотрудник, Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай, Китайская Народная Республика *(birs.07@mail.ru).*

ВАСИЛЕНКО И.
пс-м., Украина.

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,
доктор философских наук, профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия *(vkorolev@sfedu.ru).*

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,
научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(tssmsu@mail.ru).*

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия *(eszotova@mail.ru).*

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,
Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

KULKOV VICTOR MIKHAILOVICH,
Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia *(profvmk@mail.ru).*

KOPTELOVA TATYANA IVANOVNA,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia (*koptelova2210@rambler.ru).*

SHACHIN SVIATOSLAV VYACHESLAVOVICH,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia (s_shachin@mail.ru).

KOZHEVNIKOV VYACHESLAV PORFIRIEVICH,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Nizhniy Novgorod State Architecture and Civil Engineering University, Nizhniy Novgorod, Russia (*ksyushunchik@mail.ru*).

SELIVANOV ALEXANDER IVANOVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economic Policy and Issues of Economic Security, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia *(seliv21@mail.ru).*

STAROVOITOV VLADIMIR GAVRILIVICH,
Doctor of Economics, Director, Center of the Institute of Economic Policy and Problems of Economic Security, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia *(vladstar1953@yahoo.com).*

TROSHIN DMITRII VLADIMIRIVICH,
Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Problems of Economic Safety, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia *(giopup2@yandex.ru).*

TRIFONOV EVGENY VASILIEVICH,
Candidate of Economics, Associate Professor, Norilsk State Industrial Institute, Norilsk, Russia *(peopleproperty@mail.ru).*

KUTYRYOV VLADIMIR ALEKSANDROVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History, Methodology and Philosophy of Science, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University, Nizhni Novgorod, Russia *(kut.va@mail.ru).*

OPOLEV PAVEL VALERYEVICH,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, The Siberian State Automobile and Highway University (SibADI), Omsk, Russia. *(pvo-sinergetica@rambler.ru).*

KARAMYSHEV ILYA SERGEEVICH,
Postgraduate Student, Department of Ontology and Epistemology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia *(Karamyshev.RF@yandex.ru).*

ILIN ALEKSEY ALEKSANDROVICH,
Postgraduate Student, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia *(korablevrr@mail.ru).*

ATAYAN VLADIMIR VLADIMIRIVICH,
Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics; Leading Specialist, Additional and Continuing Education, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia *(vvatayan@mail.ru).*

RODZINSKY DMITRY LEONIDIVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia *(rodzinskiy66@mail.ru).*

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University; Editor-in-Chief of «Dialectics», Moscow, Russia *(kmolchnov@econ.msu.ru).*

PATIRBAEVA KSENIYA BADIMOVNA,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Perm State University, Perm, Russia *(philosmatem@mail.ru).*

MITROKHINA MARIA MIKHAILOVNA,
Postgraduate Student, Department of Philosophy of Humanitarian, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia *(baturinamm.siberia@gmail.com).*

ANDREEV ANDREY LEONIDOVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Senior Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAN; National Research University «Moscow Power Engineering Institute» Moscow, Russia *(sympathy_06@mail.ru).*

SELIVANOVA ZUKHRA KADIMOVNA,
Candidate of Sociology, Associate Professor, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia *(zoi75@bk.ru).*

ROSTOVTSEVA LYUDMILA IVANOVNA,
Doctor of Sociology, Professor, Tula Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russia *(rostovtsevali@mail.ru).*

GEL'FOND MARIYA LVOVNA,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of Department, Tula Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russia *(mlgelfond@gmail.com/).*

MIROSHINA EVGENIYA YURIEVNA,
Candidate of Economics, Assistant Professor, Tula Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russia *(Evgeniya-1808@yandex.ru).*

THEODOSIUS (VASNEV),
Metropolitan of Tambov and Rasskazovsky, Candidate of Theology, Master of Theology, Tambov, Russia *(troveo@mail.ru).*

IVANOVA VERA NIKOLAYEVNA,
Postgraduate Student, The Federal Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia *(vn_ivanova@mail.ru).*

BIRYUKOV SERGEY VLADIMIRIVICH,
Doctor of Political Sciences, Professor, Research Associate, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China *(birs.07@mail.ru).*

VASILENKO I.,
ps-m, Ukraine.

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of the Theory Culture, Ethic and Aesthetic, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, South Federal University, Rostov-Don, Russia *(vkorolev@sfedu.ru).*

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,
Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia *(tssmsu@mail.ru).*

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,
Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia *(eszotova@mail.ru).*

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком ***References*** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Рисунки и схемы, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.
2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.
3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.